

ГОСУДАРСТВЕННАЯ КОМИССИЯ ПО РАССЛЕДОВАНИЮ РЕПРЕССИВНОЙ ПОЛИТИКИ ОККУПАЦИОННЫХ СИЛ

ГОСУДАРСТВЕННАЯ КОМИССИЯ ПО РАССЛЕДОВАНИЮ РЕПРЕССИВНОЙ ПОЛИТИКИ ОККУПАЦИОННЫХ СИЛ

Б Е Л А Я К Н И Г А

О ПОТЕРЯХ, ПРИЧИНЕННЫХ НАРОДУ ЭСТОНИИ ОККУПАЦИЯМИ

1940—1991

Настоящий труд создан в результате работы Государственной комиссии по расследованию репрессивной политики оккупационных сил и при поддержке Рийгигогу (парламента), правительства и Министерства юстиции Эстонской Республики.

Авторы:

ЯАК КАНГИЛАСКИ, канд. искусствоведения, проректор Тартуского университета
ВИРВЕ КАСК, канд. медицинских наук, бывш. преподаватель Тартуского университета
КАЛЕВ КУКК, канд. экономических наук, бывш. член Рийгигогу
ЯАН ЛААС, канд. экономических наук, преподаватель Евроуниверситета
ХЕЙНО НООР, консультант Эстонского центра врачебной и правовой помощи жертвам репрессий
АЙГИ РАХИ-ТАММ, д-р исторических наук, преподаватель Тартуского университета
РЕЙН РАТАС, канд. биологических наук, директор по развитию АО Tallmac
АНТО РАУКАС, д-р геологических и минералогических наук, академик, профессор Эстонской академии моря
ЭНН САРВ, член правления Союза бывших политзаключенных
ПЕЭП ВАРЬЮ, исполнительный председатель Государственной комиссии по расследованию репрессивной политики оккупационных сил

Редакторы:

Юло Эннусте, д-р экономических наук, старший научный сотрудник (Таллинский технический университет)
Эраст Пармасто, д-р биологических наук, академик, старший научный сотрудник Института зоологии и ботаники ЭСХУ
Энн Тарвел, д-р исторических наук, бывш. преподаватель Стокгольмского университета
Пеэп Варью, исполнительный председатель Государственной комиссии по расследованию репрессивной политики оккупационных сил

Перевод с эстонского: Андрей Бабаджан, Татьяна Верхоустинская, Эйнар Вяря
Редактор русского текста: Лариса Левина
Оформление: Хилле Яэгер

© Авторские права: Министерство юстиции ЭР, 2005
Все права защищены.

ISBN 9985-57-758-2

Типография «Илопринт»

СОДЕРЖАНИЕ

Обзор оккупаций
(Энн Сарв, Пезп Варью)

9

НАСЕЛЕНИЕ

Человеческие потери
(Айги Рахи-Тамм)

25

Здравоохранение
(Вирве Каск)

47

Постоянные нарушения здоровья
(Хейно Ноор)

58

КУЛЬТУРА

Высшее образование и наука
(Яан Лаас)

75

Художественная жизнь
(Яак Кангиласки)

113

ОКРУЖАЮЩАЯ СРЕДА

Обзор экологического ущерба
(Рейн Ратас)

125

Гигантский экологический ущерб, причиненный оккупационной армией
(Анто Раукас)

131

ЭКОНОМИКА

Экономический ущерб
(Калев Кукк)

139

ВСТУПЛЕНИЕ

В 1992 году Рийгикогу (парламент Эстонской Республики) образовал Государственную комиссию по расследованию репрессивной политики оккупационных сил (сокр. ГКРРПОС). Конечной целью этих расследований должно было стать «... издание “Белой книги” – научного обзора всего ущерба и всех потерь, понесенных народом Эстонии на протяжении оккупаций».¹

После 12-летних исследований ГКРРПОС представляет результат своей работы – обзор фактов и материалов в виде восьми оригинальных исследований, рассматривающих четыре круга проблем: население, культура, окружающая среда и экономика.

В исследованиях, прежде всего, использовались архивные материалы, находящиеся в Эстонии, возможность для ознакомления с которыми открылась лишь в 1991 году. Доступ же к архивам двух оккупационных властей невозможен и по сей день, однако авторами были использованы все опубликованные материалы.²

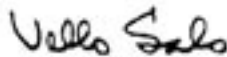
По этим причинам в приведенных исследованиях представлены в основном следующие данные:

- 1) научно документированные данные о потерях и ущербе;
- 2) оценки на основании этих данных.

Аналогична структура и отдельных статей настоящей книги: вначале представлено краткое резюме, а затем поясняющий текст, дающий более подробный обзор масштабов понесенных потерь и их исследования. Детали рассмотрены в документах, на которые приведены ссылки; источники и специальные исследования указаны в библиографии.

Комиссия выражает большую признательность всем, кто участвовал в написании книги.

Велло Сало
председатель комиссии

¹ Riigi Teataja, 1993, 40, с. 591; см. § 20.

² В т.ч. 20 специальных исследований, опубликованных ГКРРПОС в 1994–2002 годах. По этой причине, например, число граждан ЭР, погибших в составе Советской армии, можно представить только оценочно.

ОБЗОР ОККУПАЦИЙ

Энн Сарв и Пеэп Варью

В 1939 году независимое и нейтральное Эстонское государство подверглось жесткому давлению со стороны готовящихся к мировой войне великих держав. Затем последовали прямая агрессия и оккупация. Три следовавшие одна за другой оккупации в совокупности продолжались более 50 лет.

У Эстонского государства были заключены договоры о ненападении и с Советским Союзом и Германией. СССР, как и Эстония, был государством, присоединившимся к международным правовым актам, запрещающим агрессию. Эти акты вместе с Тартуским мирным договором составляли систему, посредством которой были упорядочены все взаимоотношения Эстонии и СССР.¹

Когда 17 сентября 1939 г. СССР напал на Польшу, рухнувшую под ударами немецкой армии, стало понятно, что заключенное 23 августа 1939 г. соглашение между Сталиным и Гитлером (более известное как пакт Молотова-Риббентропа) разделило Восточную Европу на две сферы влияния. Вскоре СССР предъявил ультимативные требования трем Балтийским государствам: Эстонии, Латвии и Литве. Через полтора месяца такой же ультиматум получила Финляндия, что привело к Зимней войне. От Эстонии посредством **прямых угроз** потребовали размещения на ее территории баз Красной армии, а с целью узаконивания этой военной операции – заключения т.н. Договора о взаимопомощи. Во избежание возможного отказа Эстонии, со стороны СССР была применена грубая **демонстрация силы**: советские военно-морские силы заблокировали эстонские порты, советские самолеты нарушали неприкосновенность эстонского воздушного пространства, на границе Эстонии были сосредоточены крупные части Красной армии, а в Нарвском заливе советская подводная лодка в провокационных целях потопила свое же судно «Металлист».

В разразившейся 1 сентября 1939 года Второй мировой войне Эстонское государство провозгласило нейтралитет, однако этот шаг не помешал Советскому Союзу предъявить свои агрессивные требования. Эстонская Республика оказалась в изоляции. Ни одно государство не захотело первым оказать поддержку Эстонии, ставшей первой жертвой коммунистической агрессии. В этой ситуации правительство и парламент Эстонии (Рий-

гикогу) были вынуждены согласиться с Договором о базах, дабы избежать кровопролития и уничтожения эстонского народа. Договор был заключен в Москве 28 сентября 1939 г., и уже в октябре на базы был введен военный контингент СССР, который в несколько раз превосходил регулярные войска Эстонской Республики. После прибытия частей Красной армии на военные базы и появления советских кораблей в портах Палдиски и Таллинна Эстония перестала быть независимым государством.

Стремясь избежать каких бы то ни было конфликтов и недоразумений между договаривающимися сторонами, Эстония скрупулезно выполняла все обязанности, вытекающие из Договора о базах. 12 октября было сформировано новое правительство во главе с премьер-министром Юри Улуотсом. Во избежание возможных провокаций было даже применено частичное ограничение основных гражданских свобод. Советская же сторона не собиралась выполнять договор и сама провоцировала конфликты. Советские военные, работающие в смешанных комиссиях, предъявляли все новые требования, не соответствующие условиям заключенного договора, стараясь в одностороннем порядке увеличить предусмотренную на базах численность военнослужащих, а также получить дополнительные территории для своих воинских частей.

Во время Зимней войны с Финляндией самолеты Красной армии стартовали с баз, расположенных на территории нейтральной Эстонии. Этим грубо нарушался договор, который торжественно провозглашал уважение нейтралитета и суверенности Эстонского государства. Развязанная СССР война против Финляндской Республики получил справедливую оценку Лиги Наций как акт агрессии: 14 декабря 1939 г. СССР был исключен из этой международной организации. Участвовавшие в операциях Зимней войны советские самолеты сбрасывали бомбы на территорию Эстонии, вели огонь по летящим над Таллинном эстонским самолетам и совершали другие **преступления**, как, например, потопление 10 декабря 1939 г. эстонского торгового судна *Kassari*. Эти враждебные акты должны были бы вызвать немедленный ответный удар сил обороны суверенного государства, но ничего подобного не последовало. Выполняя приказы своего верховного главнокомандующего, эстонские силы обороны проявляли дисциплинированность и исключительную выдержку.

В то же время советский Генеральный штаб разработал секретный план оккупации Балтийских государств. Его претворение в жизнь было начато на основании директивы № 02622 от 9 июня 1940 года². 14 июня, когда Париж был взят немецкими войсками, Советский Союз приступил к реализации плана оккупации Балтийских государств. Эстония была заблокирована с суши, с моря и с воздуха.

В тот же день СССР предъявил ультиматум Литовской Республике и ввел на ее территорию свои оккупационные войска, прервав сухопутное сообщение Латвии и Эстонии с Западом. 15 июня над Финским заливом без предупреждения был сбит эстонский самолет *Kalev*, совершавший регулярные рейсы на линии Таллинн-Хельсинки, а на море были задержаны

все эстонские торговые суда. 16 июня в 15 часов 20 минут был предъявлен ультиматум и Эстонской Республике (с 8-часовым сроком). В нем Эстония обвинялась в нарушении Пакта о взаимопомощи, от нее требовался пропуск через границу сосредоточенных там частей Красной армии, состоящих, примерно, из 100 000 бойцов (для защиты находящихся на базах войск) и формирование нового правительства. В то же время находившиеся на базах воинские части были подготовлены для марша на столицу Эстонии. Войска же, сконцентрированные на границе, перешли ее еще до того, как истек короткий срок, указанный в ультиматуме.

Правительство Эстонской Республики согласилось с условиями ультиматума, о чем было сообщено к требуемому сроку. Когда же главнокомандующий эстонскими войсками генерал Лайдонер утром 17 июня встретился в Нарве с генералом Красной армии Мерецковым, чтобы подписать соглашение о размещении дополнительного военного контингента, советские войска уже глубоко продвинулись на территорию Эстонии, а выступившие с баз части находились на подступах к Таллину.

С 17 июня 1940 г. Эстония была полностью оккупирована и фактически лишилась всех признаков самостоятельного государства. Последующие политические, экономические и иные преобразования происходили под давлением СССР – на основании распоряжений Советского посольства, советского военного руководства или прибывшего 19 июня в Таллинн **специального уполномоченного** советского правительства Андрея Жданова. Сразу по прибытии Жданов встретился с президентом республики и объявил ему позицию Москвы относительно нового правительства Эстонии. Премьер-министром должен был стать завербованный советской агентурой писатель Йоханнес Варес-Барбарус, который уже дал согласие для формирования нового правительства. В секретном докладе о согласии Вареса названы также предложенные им кандидаты на посты министров³. Все соответствующие предложения президента Константина Пятса о составе правительства были отвергнуты. Варес же несколько раз ходил в Советское посольство согласовывать состав правительства и правительственную декларацию, прежде чем смог поздним вечером 21 июня в своем радиообращении объявить о вступлении в должность нового правительства.

Другой агент советской разведки, член Рийгикогу IV, V и VI составов Максим Унт, по приказу А. Жданова организовал 21 июня в Таллине т.н. **демонстрации трудящихся**, т.е. инсценировал государственный переворот. В сопровождении советских броневиков и вооруженных красноармейцев демонстранты проследовали на Тоомпеа к зданию правительства, а затем в КадрIORг – к резиденции президента, требуя сформировать новое правительство. В колонне демонстрантов было много иностранных рабочих, доставленных с советских военных баз, которые своей одеждой и незнакомыми народу песнями резко выделялись из толпы. При поддержке советских броневиков из тюрьмы *Patarei* были освобождены уголовные преступники, объявленные политическими заключенными.

Наиболее известным из них был государственный изменник Николай Транкман, который, будучи офицером, продал советской разведке планы военных объектов Нарвы. В Эстонии в то время было лишь несколько политических заключенных, главным образом лиц с уголовным прошлым, так как после принятия новой Конституции 5 мая 1938 г., политическим заключенным – как коммунистам, так и обвиненным в попытке государственного переворота участникам Освободительной войны – была объявлена амнистия.

По указанию А. Жданова 14 и 15 июля **были инсценированы** т.н. выборы в *Riigivolikogu* (Государственную думу), которые состоялись под надзором оккупационной армии. Выборы были проведены на основании спешно сфабрикованных правительством постановлений, противоречащих действовавшей Конституции и Избирательному закону 1937 года. В день официального объявления выборов, 5 июля, из Таллинна из посольства СССР в Москву, секретарю Сталина Поскребышеву был послан на согласование текст т.н. **обращения к народу**. 6 июля он был опубликован в газетах как избирательная платформа Эстонского союза трудового народа⁴. Национальные силы пытались участвовать в выборах, выдвинув на 80 избираемых мест 78 оппозиционных кандидатов и собрав за несколько дней в их поддержку более **6000** подписей. Этот шаг был настолько неожиданным для оккупационных властей, что 9 июля 1940 г. по приказу Жданова **правительство Вареса** приняло решение: всех кандидатов, оппозиционных коммунистическому блоку – Эстонскому союзу трудового народа – исключить из избирательных списков. 10 июля это и было осуществлено. Единственным оппозиционным кандидатом в списке остался хуторянин из Раазику Юри Раур-Лийвак, который перед выборами сумел скрыться от ареста, однако позже все-таки был арестован, как и другие устраненные из избирательных списков кандидаты. Многими из них, правда, были поданы протесты, однако Главный избирательный комитет рассмотрел их только после выборов (17 июля 1940 г.) и все отклонил.⁵

После выборов т.н. *Riigivolikogu* принял решения об установлении в Эстонии Советской власти и о присоединении к Советскому Союзу. Подобных целей в предвыборной платформе Союза трудового народа не было, они были продиктованы по инициативе Жданова только 17 июля, когда сфальсифицированные результаты выборов были опубликованы. Во всех Балтийских государствах события происходили по абсолютно одинаковому сценарию. 17 июля в Таллинне встретились трое специальных уполномоченных – ликвидаторов независимых Балтийских государств: Андрей Жданов, Андрей Вышинский и Владимир Деканозов, чтобы совместно спланировать последующие шаги.

Фальсификацию результатов выборов подтверждает и тот факт, что они были опубликованы в лондонской прессе за несколько часов до закрытия избирательных участков. Решение о присоединении к Советскому Союзу *Riigivolikogu* принял 22 июля. Как впоследствии признались т.н. «июньские коммунисты» – члены Государственной думы (Пауль Руммо,

Лембит Льюис и др.), это решение было включено в повестку дня неожиданно, и их угрозами заставили за него проголосовать. Таким же образом воздействовали на президента К. Пятса, который, будучи полностью изолирован в Кадриоргском дворце, был пленником оккупационных властей, принуждавших его подписывать все незаконные документы.

6 августа 1940 г. Верховный Совет СССР узаконил аннексию Эстонии. Для подачи соответствующего «прошения» в Москву была доставлена правительственная делегация Эстонии во главе с Й. Варесом. Так Эстония стала Эстонской ССР – союзной республикой, входящей в состав огромной коммунистической империи. Согласно законам Эстонской Республики, члены правительства Вареса, незаконно избранные члены *Riigivolikogu* и другие «июньские коммунисты», а также все, кто в сотрудничестве с советскими оккупантами уничтожил демократическое Эстонское государство, являются изменниками Родины.

12 ноября 1989 г. тогдашний Верховный Совет ЭССР, на основании доклада комиссии академика Арно Кёэрна, признал все принятые в 1940 году решения Государственной думы юридически недействительными.

Задачей марионеточного правительства Вареса стало разрушение демократической республики. Начался массовый террор, который, в первую очередь, был направлен против наиболее образованной и инициативной части эстонского народа. За арестами последовали казни. За шесть месяцев 1940 г. было арестовано, по меньшей мере, 1082 человека, в числе первых – главнокомандующий войсками генерал Йохан Лайдонер и президент республики Константин Пятс. Оба были депортированы в Россию уже в июле 1940 г. Одним из главных действующих лиц, виновных в этом преступлении, а также в разрушении в течение первого года оккупации государственного устройства Эстонии, был Максим Унт, назначенный по распоряжению Жданова министром внутренних дел. Советская власть отплатила Унту за его услуги по своему обыкновению: в мае 1941 г. Унт был арестован НКВД и, поскольку во время Гражданской войны в России он был заочно приговорен к смертной казни за уголовное преступление, то коммунисты вынесли ему повторный смертный приговор, который был приведен в исполнение 30 июля 1941 г.

Осуществленный в первый год советской оккупации геноцид эстонского народа стал причиной больших человеческих потерь. Из руководства Эстонской Республики, кроме президента и главнокомандующего, были репрессированы все члены последнего правительства за исключением премьер-министра Юри Улуотса, которому удалось скрыться. В Тартуском комитете госбезопасности 12 марта 1941 г. было принято решение о преследовании Ю. Улуотса, а 10 июня 1941 г. – постановление о высылке его семьи в Сибирь.

Жертвами репрессий стали **10** бывших руководителей государства, в их числе президент К. Пятс, и **68** членов последнего состава Рийгигогу (парламента) Эстонской Республики, **36** из которых были расстреляны.

На Запад бежали один из бывших руководителей государства и 28 членов последнего состава Рийгигогу. Из прежних министров в оккупированной Эстонии осталось **65** человек, из них репрессий избежали лишь трое. Кульминацией геноцида первого года советской оккупации стала **массовая депортация** 14 июня 1941 г. В Сибирь, в окрестности Новосибирска и Кирова, в нечеловеческие условия насильственно были вывезены умирать тысячи эстонских семей, в том числе **младенцы, старики и беременные женщины**. Операция была проведена по типовой директиве, разработанной в начале 1930-х годов в СССР. В отношении Балтийских государств, восточных территорий Польши и входившей в состав Румынии Бессарабии аналогичные сверхсекретные приказы были утверждены уже в 1939 г. – до того, как эти государства или территории были оккупированы. (Хотя т.н. **документ Серова**, касающийся Балтийских государств, датирован неправильно, это не изменяет сути произошедшего). В Польше депортации начались в феврале 1940 г. В Эстонии подготовка к массовым депортациям т.н. социально опасного элемента началась в соответствии с распоряжением НКВД № 288 от 28 ноября 1940 г.⁶

Постановление о массовых депортациях в Эстонии, Латвии и Литве правительство СССР и Центральный комитет КПСС утвердили 14 мая 1941 г. Согласно плановому заданию, из Эстонии предстояло депортировать **14 471** человек, фактически же общая численность жертв акции 14 июня составила, по известным до сего времени данным, **9267** человек.⁷ Большинство репрессированных было вывезено в ссылку в Россию, где в нечеловеческих условиях старики и дети гибли уже в течение первых месяцев. Арестованных глав семей отделили от жен и детей на железнодорожных станциях и отправили в сибирские концлагеря. Многие из них были убиты: внесудебные **тройки** заочно приговорили к смерти тысячи невинных людей. В 1941 г. было зарегистрировано **1622**, а в апреле-мае 1942 г. – **787** смертных приговоров. Среди убитых были бывший глава государства Юри Яаксон, ряд министров, членов Рийгигогу, руководители самоуправлений, высшие офицеры, руководители *Naiskoduksaitse* (Женского ополчения) и др. Проведенная 14 июня 1941 г. массовая депортация представляла собой совершенное советским правительством **преступление, не имеющее срока давности – геноцид** против эстонского народа. По данным работавшей в период немецкой оккупации комиссии Центра поиска и возвращения увезенных (на немецком – *Zentralstelle zur Erfassung der Verschleppten*, ZEV), всего в Эстонии в июне 1941 года было репрессировано **14 890**, в июле – **30 429** и в августе – **8146** человек.

Депортации, осуществленные в Восточной Европе в течение недели, предшествовавшей началу войны между СССР и Германией, охватывали регион от Балтийского до Черного моря (территории Эстонии, Латвии, Литвы и Польши, а также Бессарабию). В течение одной недели с этих территорий в Россию было депортировано примерно 95 000 человек.⁸ Пользуясь выявленными к 1943 году данными, комиссия ZEV подсчитала

человеческие потери в Эстонии за первый год оккупации: не менее **59 967** граждан. Сюда необходимо прибавить более **26 000** человек, которые либо бежали, либо были эвакуированы в Россию после того, как разразилась война.

Начавшаяся 22 июня война между двумя великими державами привела к быстрому распаду советской оккупационной власти. Под ударами немецкой армии Красная армия отступила из материковой Эстонии уже в августе 1941 г., а на островах бои продолжались еще в сентябре и октябре. Вновь эстонский народ нес тяжелые потери. С началом войны, вопреки международному праву, советское руководство провело в Эстонии принудительную т.н. мобилизацию, в ходе которой в Россию было насильно вывезено не менее 33 304 (36 972) мужчин.⁹ Женевская конвенция квалифицирует такого рода насильственное перемещение группы людей как **тяжкое нарушение** и военное преступление. По сравнению с объявленной в СССР всеобщей мобилизацией, в Эстонии было проведено на 9 призывов больше; кроме того, были призваны все офицеры резерва. Фактической целью мобилизации была депортация всех боеспособных мужчин. К ним с самого начала относились как к арестованным: уже в местах сбора они находились под надзором красноармейцев, а в России были помещены в тюремные лагеря. Там, в нечеловеческих условиях в течение первого года из-за голода, болезней и репрессий НКВД погибло не менее **10 440** мужчин.

Среди **эвакуированных** в Россию было **1858** лиц, связанных с исполнением служебных обязанностей: моряки, железнодорожники, заводские рабочие. Многие из них стали жертвами репрессий, находясь под постоянным надзором НКВД.

Кроме того, коммунистическое правительство Эстонии сформировало в начале войны истребительные батальоны, которые, выполняя приказы Сталина, в сотрудничестве с особыми частями НКВД, стали применять в Эстонии массовый террор и т.н. тактику выжженной земли. Арестованных, которых из-за поспешного отступления из Эстонии не успевали отправить в Россию, казнили на месте, без суда. Крупные массовые казни были проведены в ночь на 8 июля в Тартуской тюрьме (192 жертвы) и в сентябре в Курессаареском замке (не менее 90 жертв). По имеющимся данным, за первый год советской оккупации в Эстонии было убито **2446** человек.¹⁰ Совершенные коммунистами летом 1941 года **преступления против человечности** привели к массовой борьбе и сопротивлению. Тысячи эстонских мужчин укрылись в лесах и начали масштабную партизанскую войну. Народ стал называть их **лесными братьями**. Оставшиеся без оружия вследствие ликвидации организации *Kaitseliit* (Союза защиты) люди были вынуждены в ходе боев добывать себе оружие у врага. Когда началась немецкая оккупация, спонтанно возникла Организация самообороны *Omakaitse*, в которую вступили десятки тысяч мужчин. По состоянию на 1 января 1942 г. в *Omakaitse* насчитывалось 43 757 человек.¹¹ Их главной задачей было обеспечение порядка. В лесах Эстонии скрывались

остатки разбитых истребительных батальонов и десятки тысяч красноармейцев, оставшихся в тылу, обезвреживание которых продолжалось до конца 1941 года.

Человеческие потери, причиненные Эстонскому государству в первый год советской оккупации, по установленным к настоящему времени данным, составили 48 000.

Во время немецкой оккупации надежда эстонского народа на восстановление государственной независимости начала угасать. Премьер-министр Юри Улуотс 29 июля 1941 г. послал находившемуся в Вильянди командующему немецкой 18-ой армией генералу фон Кюхлеру дипломатическо-политический меморандум, требующий признания суверенитета Эстонской Республики. Этим было положено начало устремлениям к государственной независимости, которые вскоре превратились в объединяющую национальные силы борьбу сопротивления. Новые оккупационные власти не намеревались предоставить Эстонии самостоятельность, хотя ими было образовано Эстонское Самоуправление. В 1941 г., в начале войны, многие эстонцы надеялись, что с приходом немцев станет возможным восстановление независимости. Поэтому тысячи участвовавших в летней войне с СССР борцов сопротивления добровольцами пошли в составе немецких частей на Восточный фронт с целью содействия разгрому коммунистического государства и освобождения депортированных в Россию граждан Эстонии. Историки оценивают численность эстонцев, добровольно служивших в немецкой армии во время германской оккупации, примерно в 20 000. В феврале 1942 г. в выполнении военных задач было задействовано 20 867 мужчин¹².

В период немецкой оккупации террор продолжался, однако, не в таких масштабах, как при коммунистах. Арестовывали, главным образом, коммунистов и их приверженцев, в т.ч. бойцов истребительных батальонов, а также евреев и цыган. В первый год было взято под стражу не менее **18 893** лиц, из них примерно 45% были освобождены после короткого следствия, **5634** человека были казнены, а остальные получили наказания от нескольких месяцев до пяти лет и были отправлены в концентрационные лагеря. До сего времени установлено **7798** граждан Эстонии, которые в течение трех лет немецкой оккупации были казнены или погибли в лагерях. Среди них было 929 евреев и 243 цыгана. Из заключенных, отправленных в Германию в лагеря, могли погибнуть, примерно, 1000 человек. Об их судьбе в Эстонии архивных данных нет.¹³

Печально известный отчет о том, что Эстония стала территорией *judenfrei* (очищенной от евреев), представленный в Берлин одним из важнейших должностных лиц, – назначенным в Эстонию начальником СД и Полиции безопасности **Мартинотом Сандбергером**, никак нельзя связывать с эстонским народом. Содержанием этого доклада были преступления нацистского режима, совершенные специальными группами самих оккупантов (*Einsatzkommando 1a*). В оккупированной стране весь народ так или иначе страдал от насилия, многие пали его жертвами, неза-

висимо от национальности. В довоенной Эстонской Республике не существовало вражды между национальными группами, и архивные документы подтверждают, что здесь нацистам не удалось – в отличие от некоторых других государств – настроить коренное население против других национальных групп. Известен ряд случаев, когда эстонцы, наоборот, укрывали граждан еврейской национальности и спасали их от нацистов. Столь же безосновательной, как обвинение эстонского народа в уничтожении эстонских евреев, является широко распространенная советской пропагандой фальшивка о служивших в немецкой армии эстонских фронтовых офицерах, якобы руководивших расстрелами гражданских лиц. Например, в связи с расследованием, возбужденным в отношении полковника **Альфонса Ребане и его воинской части**, в 1965 году не было найдено ни единого факта, подтверждающего вымышленное обвинение – ни в архивах Ленинградской области, ни в архивах Министерства обороны СССР.¹⁴ Не найдено также ни единого документа о том, что сформированный в Эстонии 36 фронтовой батальон на пути в район боевых действий в Белоруссии **7 августа 1942 г.** участвовал бы в казни пленных. Этот батальон не упоминается ни в одном из архивных документов, в которых представлены перечни воинских частей, участвовавших в казнях в этом регионе. По выявлению и наказанию лиц, участвовавших в преступлениях нацистов, советские следственные органы после войны сами проводили расследования, репрессируя на основании ложных обвинений многих невиновных.

Уже в первые месяцы немецкой оккупации началась консолидация демократических сил Эстонии в борьбе за восстановление самостоятельного государства. От немцев понимания и поддержки ждать не приходилось, однако, верилось в подтвержденное 14 августа 1941 г. в Атлантической хартии обещание, что после войны будет восстановлена самостоятельность всех оккупированных государств. В сложных условиях оккупации, спасшиеся от репрессий эстонские политики смогли, невзирая на свою партийную принадлежность, найти общий язык. Соблюдая конспирацию и опираясь на действующую Конституцию, они создали подпольный **Национальный комитет Эстонской Республики**, впервые собравшийся 14 февраля 1944 г. Демократические силы сплотились вокруг последнего премьер-министра Юри Улуотса, который, исходя из Конституции, являлся главой государства с полномочиями находящегося в заключении президента. В феврале 1944 г., когда советские войска прорвались под Нарву, и угроза новой советской оккупации стала реальной, Юри Улуотс в своем радиointервью впервые сделал заявление о поддержке всеобщей мобилизации, объявленной подчинявшимся немцам Эстонским Самоуправлением. Он призвал эстонцев последовать мобилизационному призыву и выступить на защиту отечества от угрозы, надвигающейся с Востока. Призыв нашел отклик, и мобилизация прошла успешнее, чем ожидалось. Переброшенные в спешном порядке с Восточного фронта 1 батальон 46-го полка и таллиннский мобилизационный полк совместно

с частями немецкой армейской группы «Норд» в ходе февральских боев остановили вторгшегося врага, и 6 марта на линии фронта между Нарвой и Нарва-Йыэсуу был ликвидирован последний опорный пункт противника. Фронт под Нарвой удерживался почти пять месяцев, и план советского военного командования по захвату уже в феврале 1944 г. всей территории Эстонии остался неосуществленным.

Последовали террористические налеты на эстонские города. Той же ночью, 6 марта, советская авиация бомбила почти опустевшую от гражданских жителей Нарву столь яростно, что от города остались одни руины, уцелели лишь фабричные здания. В разрушительных действиях принимала участие и артиллерия Эстонского корпуса. 8 марта советские самолеты атаковали города Йыхви и Тапа. С вечера 9 марта до утра 10 марта продолжалась бомбежка Таллинна, в которой погибло более 750 человек и было разрушено 5073 здания, из них 1540 полностью. Без крова осталось более 20 000 человек. Был уничтожен театр «Эстония», один из символов эстонской культуры, сгорели церковь Нигулисте и ценные документы Таллиннского городского архива.¹⁵ Этот террористический акт также был направлен только против гражданского населения, так как Таллиннский порт и промышленные предприятия налету подвергнуты не были. Вечером 26 марта прошла разрушительная бомбежка Тарту, в ходе которой погибло 67 жителей. Всего в Тартуском отделе записей актов гражданского состояния в качестве жертв бомбежек советской военной авиации зарегистрировано не менее 130 человек.¹⁶ По данным регистра смертей, в Эстонии в период 1941–1944 гг. всего от бомбежек погибло 2409 человек.

В конце апреля 1944 г. немецкая полиция безопасности напала на след подпольного Национального комитета, и начались многочисленные аресты. К счастью, задержанные сумели через связных предупредить соратников, благодаря чему большинство из них избежало ареста. За недостаточностью улик часть арестованных была в августе освобождена. Национальный комитет Эстонской Республики продолжал действовать и 1 августа 1944 г. издал манифест «К эстонскому народу», в котором провозгласил себя исполнителем государственной власти до восстановления конституционных органов. По инициативе Национального комитета было достигнуто соглашение о возвращении на родину сражавшегося в Финляндии 200-го пехотного эстонского полка. Еще до прорыва немецкого фронта (19 августа 1944 г.) в Эстонию добровольно прибыли 1752 т.н. финских парня (*soomepoisid*), чтобы продолжить борьбу за независимость. Один батальон сразу же был переброшен на тартуский фронт, где в бою под Пупаствере удалось отбить врага и стабилизировать фронт еще на три недели.

Отчаянное сопротивление войск как на нарвском, так и на тартуском фронтах дало возможность десяткам тысячам гражданских лиц бежать на Запад. Этим воспользовались примерно 80 000 граждан Эстонии, чтобы спастись от нового советского террора. К сожалению, советским оккупационным властям удалось насильственно вернуть часть беженцев. Из

архивных документов следует, что к 1 марта 1945 г. в Эстонию был репатриирован 12 231 беженец.¹⁷

В начале сентября стало понятно, что Финляндия заключит с СССР перемирие и выйдет из войны, и что немецкая оккупация в Эстонии близится к концу.

Невыполнимые человеческие потери в годы немецкой оккупации 1941–1944 гг. составляют, оценочно, 32 000 человек. В эти потери включены также все, кто погиб в боях, как в составе Красной, финской и немецкой армий, так и в подразделениях *Omakaitse*.

Вторая советская оккупация стала реальностью 17 сентября 1944 г., когда немецкое командование сообщило об оставлении материковой части Эстонии, а превосходящие силы Красной армии прорвали фронт под Тарту. Немецкая армия еще до этого вывела с фронта свое тяжелое вооружение и основные части, и тартуский фронт, за исключением нескольких немецких частей, обороняли лишь плохо вооруженные эстонские полки пограничной охраны, батальон «финских парней» и 46-й полк Альфонса Ребане. На нарвском фронте в Синимяэ у 20-ой эстонской дивизии было также слишком мало тяжелого вооружения. Воинские части, упорно удерживавшие фронт в оборонительных боях, были вынуждены отступить. Сентябрьские бои на эстонской земле в ряде случаев обернулись братоубийственной войной: друг другу противостояли сформированные в СССР и входившие в состав Красной армии части Эстонского стрелкового корпуса и подразделения эстонцев, служивших в немецкой армии. Особенно кровавым стал бой под Авинурме, где советские танки атаковали обоз с ранеными. Кроме того, по приказу полковника Николая Транкмана были казнены доставленные в Авинурмескую церковь тяжело раненные эстонские солдаты. 25–30 жертв этого военного преступления были похоронены местными жителями в песчаном карьере.¹⁸ Непосредственный исполнитель этого военного преступления, не подлежащего сроку давности, – Николай Транкман – был тем самым изменником Эстонского государства, освобожденным из тюрьмы *Patarei* 21 июня 1940 г.

Когда стало известно об уходе немцев из Эстонии, Юри Улуотс отдал Отто Тийфу распоряжение о формировании нового правительства. Этот приказ от 18 сентября 1944 г. был опубликован 20 сентября 1944 г. в *Riigi Teataja* №1 (Государственных ведомостях). Из назначенных в правительство 10-ти министров двое (Аугуст Рей и Рудольф Пенно) были в Швеции, а третий – министр юстиции Йоханнес Клесмент вместе со смертельно больным Юри Улуотсом находились на пути в Стокгольм. Все остальные члены правительства, за исключением Каарела Лийдака, были арестованы в первые месяцы новой советской оккупации. Из них главнокомандующий Яан Майде и начальник сил внутренней обороны Юхан Рейго были казнены. К. Лийдак скрывался под вымышленной фамилией и умер 16 января 1945 г.¹⁹

Вторая советская оккупация началась массовым террором: аресты, грабежи и расстрелы на месте совершали и подразделения военной раз-

ведки и особые отряды НКВД. Министр внутренних дел Александр Резев получил из Москвы приказ ежемесячно представлять точные доклады о репрессиях.²⁰ Согласно отчету за октябрь, было арестовано 1200 и взято в качестве врагов народа на учет, примерно, 8000 лиц. Следующая большая волна арестов прокатилась в конце 1945 и в начале 1946 г., после того как отделами КГБ всех уездов были составлены списки бывших чиновников полиции, лиц, мобилизованных в немецкую армию, членов *Omakaitse* и др. Этот т.н. черный список был составлен по инструкциям Москвы (директива НКВД и НКГБ № 193/118 от 29 октября 1945 г.)

25 марта 1949 г. в Балтийских государствах была проведена **вторая массовая депортация**. Из Эстонии, в соответствии с секретной директивой Советского правительства № 390-138 от 29 января 1945 г., навечно в Сибирь было отправлено, предположительно, 20 072 человека – главным образом, женщины, дети и старики с хуторов, так как почти все мужчины были уже репрессированы.²¹ Главной целью было окончательное уничтожение крестьянского хозяйства и принуждение хуторян к вступлению в колхозы. После мартовского **геноцида**, в апреле 1949 г., в течение нескольких недель в колхозы **были включены** почти все эстонские хутора. Те немногие, которые остались вне колхозов, были обложены настолько высокими, т.н. кулацкими, налогами, что за год-два разорились и либо вынуждены были вступить в колхозы, либо закончили свои дни нищими. Примерно 2500 хуторян – т.н. налоговых должников – получили по два года заключения и после отбытия наказания были высланы к своим семьям в Сибирь на принудительное поселение.

Общая численность жертв мартовских депортаций составляет **32 536**, в том числе 10 331 человек, т.н. **не депортированных**, но оставшихся без дома, существующих на птичьих правах и живущих в условиях постоянного преследования со стороны КГБ. В принудительной ссылке в Сибири в период 1949–1958 гг. умерло **2896** человек. Учитывая при этом, что общий коэффициент рождаемости применительно к этому контингенту (примерно 32 500 человек) оставался в восемь раз ниже нормального, следует к потерям эстонского народа прибавить еще, примерно, **5000** не родившихся детей.²²

На состоявшемся в марте 1950 г. VIII пленуме КПЭ был нанесен удар и по эстонской интеллигенции. Большую часть интеллигентов старшего поколения коммунисты объявили т.н. **буржуазными националистами** и стали в массовом порядке увольнять с работы и арестовывать. Тюрьмы и лагеря заполнились врачами, писателями, композиторами, учителями, учеными, священнослужителями, инженерами и представителями многих других профессий – людьми, которые остались верны национальному духу и не приняли чуждой идеологии. Были арестованы также известные «киюньские коммунисты», которые еще оставались нетронутыми – такие как Ниголь Андресен и Ханс Круус, и даже старые коммунисты Хендрик Аллик и Арнольд Веймер. Свою роль предателей Эстонского государства они выполнили, а коммунистический режим в них более не нуждался.

Уволенные с работы были заменены, главным образом, ввезенными из России **российскими эстонцами** или иноязычными некомпетентными специалистами. Для детей арестованных или попавших в опалу интеллигентов двери вузов были закрыты.

Последняя большая волна репрессий прокатилась по Эстонии в 1950–1951 гг., за несколько лет до смерти Сталина. Кроме представителей интеллигенции были арестованы также многие из тех, кто уже в 1945 году был внесен в составленный КГБ список социально опасных лиц, однако поначалу оставался лишь под надзором. Известно, что в эти два года было арестовано не менее 4555 человек, однако эти данные не являются окончательными. Подвергаясь насилию, эстонский народ жил в атмосфере постоянного страха. Руководители партийных организаций и органов госбезопасности, облеченные неограниченной властью, могли любого человека без причины объявить врагом народа и отправить в лагерь.²³

После смерти И. Сталина репрессии постепенно уменьшались, и с 1956 г. начался период «оттепели», который сопровождался освобождением политических заключенных. Однако освобождение еще не означало возможности возвращения на родину и восстановления в гражданских правах. И по возвращении из Сибири жертвы коммунистических репрессий оставались под негласным надзором; по отношению к ним действовали секретные ограничения относительно места жительства, работы, учебы и т.п. Они считались неблагонадежными вплоть до конца советского периода.

Репрессии эстонского народа продолжались на протяжении всего периода советской оккупации, приняв лишь иные формы. Одной из них была интенсивная колонизация. В массовом порядке при помощи вербовки из России в Эстонию для нужд новых промышленных объектов ввозилась рабочая сила. Если в 1944 г. удельный вес эстонцев в составе населения составлял 88–90%, то, по данным переписи 1989 года, лишь 61,5%. За 45 лет численность иноземельцев возросла из-за иммиграции на 495 000 человек, и в 1989 году из 1 566 000 жителей Эстонии русскоязычных было уже 577 000.²⁴

Другой формой репрессий было прямое навязывание русского языка, которое достигло своего пика в начале 1980-х годов. В 1980 г. состоялся ряд публичных акций протеста против русификации. В отношении инакомыслящих, или **диссидентов**, вплоть до последних лет оккупации применялись самые строгие репрессивные меры, начиная с арестов и осуждения по статье за злостное хулиганство, и кончая насильственным помещением «на лечение» в психиатрическую больницу. В этих закрытых лечебных учреждениях заключенные подвергались такому обращению, что многие становились инвалидами.

Общая численность человеческих потерь, причиненных Эстонии второй советской оккупацией, по выявленным к настоящему времени данным, составляет 111 000 человек. Сюда включены также те, кто боясь коммунистического террора, бежал на Запад в последний месяц немецкой оккупации.

Три оккупации, продолжавшиеся, в совокупности, более 50 лет, причинили эстонскому народу также огромный экономический ущерб. Применительно к столь долгому периоду его точный размер, конечно же, научно оценить весьма трудно. Минимальный размер экономического ущерба за вторую советскую оккупацию, по подсчетам ученых, составляет **100 миллиардов долларов**. Вред, причиненный природной среде Эстонии вооруженными силами СССР и его правопреемника – Российской Федерации, по данным Министерства окружающей среды, оценивается примерно в **4 миллиарда долларов**.²⁵

В главе «Экономический ущерб» настоящей книги Калев Куук рассматривает долговременное экономически вредное воздействие оккупаций. Такого рода ущерб достигает сотен миллиардов долларов. Например, в период 1969–1987 г. было недополучено валовой продукции на 153 миллиарда долларов.²⁶

Экономический ущерб, причиненный первой советской оккупацией, был исчерпывающе оценен во время немецкой оккупации. Разрушение сложившейся экономической системы и введение нерентабельной советской системы ведения экономики причинили Эстонии только за один предвоенный год весьма серьезный ущерб. В Летней войне 1941 года тяжкие последствия для экономики Эстонии принесла тактика «выжженной земли», которую применяли истребительные батальоны, подразделения НКВД и Красная армия. Большие потери были связаны также с вывозом эстонского имущества в СССР и конфискацией имущества в зарубежных государствах. Все вышеназванные потери и ущерб зафиксированы в сборнике «*Eesti rahva kannatuste aasta*» («Год страданий эстонского народа»).

Ущерб, понесенный вследствие немецкой оккупации 1941–1944 г., оценивала республиканская комиссия, образованная Чрезвычайной государственной комиссией. Результаты были опубликованы в 1947 году в книге «*Saksa fašistlik okupatsioon Eestis aastail 1941–1944*» («Немецко-фашистская оккупация в Эстонии в 1941–1944 годах»). Последующее сравнение с архивными данными подтвердило, что данные Чрезвычайной комиссии представляют собой, в значительной части, фальшивки, и многие собственные преступления советское правительство списало на счет нацистского режима. Красноречивыми примерами являются разбомбленный советской авиацией город Нарва, разрушенные Таллинн и Тарту. В этих трех городах было разрушено, соответственно, **3326, 1885 и 2432** дома, как зафиксировано в документах республиканской комиссии о преступлениях немецких оккупантов. Все указанные разрушения Советский Союз представил Нюрнбергскому международному суду в качестве ущерба, причиненного нацистской Германией. Для правильной оценки военного ущерба следует провести дополнительную исследовательскую работу.

31 августа 1994 г. территорию Эстонии покинули последние военные части России – правопреемника СССР. Для эстонского народа на этом закончились как Вторая мировая война, так и мрачный период трех оккупаций, продолжавшийся, в совокупности, 54 года и 75 дней.

- ¹ Sarv, Enn. „Õiguse vastu ei saa ükski. Eesti taotlused ja rahvusvaheline õigus”. Tartu, 1997, стр. 33.
- ² Российский государственный архив военно-морского флота, ф. Р-92, оп. 2, д. 671, листы 1–2.
- ³ РЦХИДНИ, ф. 77, оп. 3, д. 124.
- ⁴ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 121, д. 57, листы 1–2.
- ⁵ ERA, ф. R-3, оп. 1, д. 104, листы 52–53.
- ^{5a} Hough, William J. H. The Annexation of the Baltic States and its Effect on the Development of Law Prohibiting Forcible Seizure of Territories. – New York Law School Journal of International and Comparative Law, том 6, N 2.
- ⁶ Рахи-Тамм Айги. См. главу «Человеческие потери» настоящей книги.
- ⁷ ГАРФ, ф. 9479, оп. 1, д. 87, лист 189.
- ⁸ ГАРФ, ф. 9479, оп. 1, д. 641, лист 316.
- ⁹ ERA, ф. R-358, оп. 1, д. 1, листы 10–11.
- ¹⁰ Laar, Mart; Tross, Jaan. „Punane terror”. Stockholm, 1996. // Deemant, Kaupo. „Repressioonidest Tallinnas 1941. a. sõjasuvel”. – Tallinna Linnamuuseumi aastaraamat 1996/97. // Lindmäe, Herbert. „Suvesõda Tartumaal 1941”. Tartu, 1999; „Suvesõda Virumaal 1941”. ORURK, 20. Tartu, 2002; „Suvesõda Viljandimaal 1941”. ORURK, 21. Tartu, 2004.
- ¹¹ ERA, ф. R-358, оп. 1, д. 32, лист 21.
- ¹² ERA, ф. R-358, оп. 2, д. 1, лист 10.
- ¹³ Paavle, Indrek. „Eesti rahvastikukaotused II/I. Saksa okupatsioon 1941–1944”. ORURK, 17. Tartu, 2002.
- ¹⁴ ERAF, ф. 130, д. 6789.
- ¹⁵ Kivimäe, Jüri; Kõiv, Lea. „Tallinn tules”. Dokumente ja materjale Tallinna pommitamisest 9. ja 10. märtsil 1944. Tallinn, 1997.
- ¹⁶ Lindmäe, Herbert. „Punalendurite terrorirünnakud Tartule”. Käsikiri, ORURK.
- ¹⁷ ЦХСД, ф. 89, оп. 40, д. 5, листы 1–9.
- ¹⁸ Kallion, Valdo. „Avinurme lahing”. Tartu, 1998.
- ¹⁹ Sarv, Enn. „Eesti Vabariigi kontinuiteet 1940–1945. Töötan ustavaks jääda...” Koguteos. Tartu, 2005.
- ²⁰ ERAF, ф. 131, оп. 1, д. 1, лист 1.
- ²¹ ГАРФ, ф. 9401, оп. 2, д. 10, листы 11–16.
- ²² Õispuu, Leo. „Küüditamine Eestist Venemaale 1949”. RIR 4, стр. 340–347, Tallinn, 2003.
- ²³ Noor, Heino. См. главу «Постоянные нарушения здоровья» настоящей книги.
- ²⁴ Tiit, Ene. „Eesti rahvastik ja selle probleemid”. Akadeemia, 1993, 10.
- ²⁵ Raukas, Anto. „Endise Nõukogude Liidu sõjaväe jääkreostus ja selle likvideerimine”. Tallinn, 1999.
- ²⁶ Kukk, Kalev. См. главу «Экономический ущерб» настоящей книги.

Использованная литература

- Hough, William J. H. *The Annexation of the Baltic States and its Effect on the Development of Law Prohibiting Forcible Seizure of Territories*. – New York Law School Journal of International and Comparative Law, tom 6, N 2.
- Deemant, Kaupo. *Repressioonidest Tallinnas 1941. a. sõjasuvel*. – Tallinna Linnamuuseumi aastaraamat 1996/1997.
- Государственный архив Национального архива Эстонии (ERA). Фонд R-358.
- Тынисмяэское отделение Национального архива Эстонии (ERAF).
Фонды 129, 130, 131.
- Eesti rahva kannatuste aasta*. Koguteos. 1–2. Tallinn, 1943.
- Государственный Архив Российской Федерации (ГАРФ). Фонды 9401, 9479.
- Kallion, Valdo. *Avinurme lahing*. Tartu, 1997.
- Kuutma, Raul. *Kolmaste*. Tallinn, 2004.
- Kivimäe, Jüri; Kõiv, Lea. *Tallinn tules*. Dokumente ja materjale Tallinna pommitamisest 9. ja 10. märtsil 1944. Tallinn, 1997.
- Laar, Mart; Tross, Jaan. *Punane terror*. Stockholm, 1996.
- Lindmäe, Herbert. *Suvesõda Tartumaal 1941*. Tartu, 1999; *Suvesõda Virumaal 1941*. ORURK, 20. Tartu, 2002; *Suvesõda Viliand/maal 1941*. ORURK, 21. Tartu, 2004.
- Lindmäe, Herbert; Kurgvel, Aleks. *Pro Patria*. 1940–1945. Aaraamat Teises maailmasõjas langenud Eesti vabadusvõitlejale. ORURK, 12. Tartu, 1998.
- Paavle, Indrek. *Eesti rahvastikukaotused///1. Saksa okupatsioon 1941–1944*. ORURK, 17. Tartu, 2002.
- Pinn, Voldemar. *Kolonel Alfons Rebane*. Pärnu, 1997.
- Purre, Arnold. *Eesti rahvastik okupeeritud Eestis. Eesti saatuseaastad 1945–1960*. Stockholm, 1966.
- Raukas, Anto. *Endise Nõukogude Liidu sõjaväe jääkreostus ja selle likvideerimine*. Tallinn, 1999.
- Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ).
Фонды 17 и 77.
- Sabbo, Hilda. *Võimatu vaikida*. 1–2, 7. Tallinn, 1996, 2005.
- Saksa fašistlik okupatsioon Eestis aastail 1941–1944*. Tallinn, 1947.
- Salo, Vello. *Küüditatud 1941. Üldnimestik seisuga 24. veebruar 1993*. Ont. Canada, 1993.
- Salo, Vello. *Population Losses in Estonia June 1940 – August 1941*. Ont. Canada, Maarjamaa, 1989.
- Sarv, Enn. *Õiguse vastu ei saa ükski. Eesti taotlused ja rahvusvaheline õigus*. ORURK, 11. Tartu, 1997.
- Sarv, Enn. *Eesti Vabariigi kontinuiteet 1940–1945. Tootan ustavaks jääda...* Koguteos. Tartu, 2005.
- Tiit, Ene. *Eesti rahvastik ja selle probleemid*. Akadeemia, 1993, 8–10.
- Usai, Urmas. *Eestlased tööpataljonides 1941–1942*. 1–2. Tallinn, 1993.
- Varju, Peep. *Eesti poliitilise eliidi saatusest*. ORURK, 1. Tallinn, 1994.
- Õispuu, Leo. *Repressioonid isikute registrid*. Raamatud 1., 2., 4., 5., 6. Eesti Represseeritute Registri Büroo. Tallinn, 1996–2003.

НАСЕЛЕНИЕ

II

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ПОТЕРИ

Айги Рахи-Тамм

В 1940–1953 гг. население Эстонии понесло большие потери. Точные цифровые данные об их масштабах представить пока невозможно, ибо составление баз данных, касающихся больших групп людей, еще продолжается. Таким образом, многие используемые в настоящее время данные, – оценочные. В течение всего периода (1940–1991) погибло, примерно, 90 000 граждан Эстонской Республики; приблизительно столько же навсегда покинуло родину. Человеческие потери, причиненные Второй мировой войной и последовавшими за ней репрессиями, оцениваются в 17,5% от общей численности эстонцев, к ним нужно прибавить почти полное уничтожение национальных меньшинств Эстонии (за исключением русских). Эстонцы и латыши – единственные имеющие собственную государственность народы Европы, численность которых в наши дни меньше, чем в начале XX столетия (эстонцев меньше, приблизительно, на 10%)¹.

2.1 ИССЛЕДОВАНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ПОТЕРЬ

Человеческие потери, как невозполнимые, являются самыми тяжкими среди потерь, причиненных Эстонии. Поскольку сбор данных по выяснению этих потерь еще продолжается, обобщающие итоги могут представить лишь отдельные авторы.² Вследствие неполноты баз данных, самыми достоверными являются сводные расчеты, выполненные балансовым методом.³ Сделаны также попытки подсчитать количество эстонцев, потерянных в 1939–1959 гг., в результате чего получена следующая цифра: приблизительно 170 000.⁴

В нашем учете населения существует ощутимый пробел за 1934–1959 гг., когда переписи населения не проводились⁵. Зато в 1945 г. изменилась площадь административной территории Эстонии и, одновременно, численность населения.⁶ Поэтому демографический анализ послевоенного периода (1944–1959) относительно скуден. Многие используемые цифры являются оценочными,⁷ так как отсутствуют сводные данные о казненных, погибших в местах заключения, умерших в ссылке, павших на войне,

бежавших за рубеж, погибших при отправке в советский тыл и т.д. Известно также, сколько арестованных и находившихся в ссылке вернулись в Эстонию. Только в 1989 г. перед репрессированными открылась возможность создать свои организации, и еще позднее, начиная с 1993 г., широко использовать архивные материалы.⁸ За последние десять лет в исследовании репрессий проведена большая работа, однако ее недостаточно для более точной оценки человеческих потерь, причиненных оккупациями.

Трудности встречаются и при выработке определения потерь среди населения. Есть **необратимые человеческие потери**: убитые, казненные, погибшие в боях, умершие или пропавшие без вести люди (сюда относятся и те, кто навсегда покинул Эстонию). Есть **временные человеческие потери**: депортированные, эвакуированные, беженцы и др., – те, кто вынужденно отсутствовал в Эстонии в течение короткого или более длительного периода, в том числе те, кто умер вскоре после освобождения из лагеря или ссылки. Однако к какой категории относятся родившиеся и выросшие на чужбине дети, и к какой – тысячи не родившихся детей? И, наконец, хотя ниже мы стараемся исходить из нашедших подтверждение цифр, человеческие потери нельзя измерять лишь математически и оценивать тяжесть репрессий только на основании покозаний непосредственно пострадавших. «Никто не чувствовал себя в безопасности, репрессировать могли каждого».⁹

2.2 ПЕРЕСЕЛЕНИЕ В ГЕРМАНИЮ (1939–1941 гг.)

Эстония понесла человеческие потери, обусловленные оккупациями, еще до прихода оккупантов. Вслед за заключением 23 августа 1939 г. пакта Молотова-Риббентропа (ПМР), 28 сентября последовало подписание Договора между СССР и Германией о дружбе и границах, которым, среди прочего, предусматривалось возвращение балтийских немцев на их историческую родину. Первые балтийские немцы, последовавшие призыву Берлина, покинули Эстонию уже 18 октября, т.е. через 57 дней после заключения ПМР.

По данным переписи населения 1934 года, в Эстонии проживало 16 346 граждан немецкой национальности. В ходе *Umsiedlung*'а (окт. 1939 – май 1940 г.) из них уехали, по всей вероятности, 12 660.¹⁰ Поскольку к 1941 году в Балтии оставалось еще значительное количество немцев, было проведено дополнительное переселение (*Nachumsiedlung*), в ходе которого Эстонию покинули еще около 7000 человек.¹¹ Всего переселенцев могло быть, примерно, 20 000.

2.3. ПЕРВАЯ СОВЕТСКАЯ ОККУПАЦИЯ (1940–1941 гг.)

Аресты граждан Эстонии начались уже в первые дни советской оккупации в июне 1940 г., еще до формального присоединения Эстонии к СССР. В последнюю неделю июня было арестовано 28, в июле – 121 человек, а в дальнейшем число арестованных лишь возрастало. 28 ноября 1940 г. Народный комиссар внутренних дел СССР завизировал распоряжение № 288, согласно которому в Народном комиссариате внутренних дел (НКВД) Эстонской ССР (как и Украины, Белоруссии, Молдавии, Карелии, Латвии и Литвы) надлежало завести картотеку по т.н. контрреволюционному и антисоветскому элементу. Поначалу понятие «антисоветский элемент» охватывало бывших членов правительства, людей, работавших в суде, прокуратуре и в административной системе, полицейских и офицеров. Однако с годами этот круг стал расширяться. Для выявления врагов советского строя надлежало систематически прорабатывать все представляющие интерес архивные фонды. С января по май 1941 г. в картотеке т.н. политокрасок было взято на учет 37 794 человека и были сделаны запросы еще по 27 597 лицам.¹² В течение первой советской оккупации было **арестовано** около 8000 человек,¹³ из которых, по меньшей мере, 1950 были казнены в Эстонии. С возрастанием количества арестованных увеличивалось число людей, умерших от пыток. Некоторые государственные деятели Эстонской Республики из-за угрозы ареста добровольно ушли из жизни. Из 11 бывших руководителей государства 4 умерли в тюрьме, один покончил жизнь самоубийством и один умер в российской психиатрической больнице. Только одному государственному старейшине, Аугусту Рею, удалось бежать в Швецию.¹⁴ Из людей, отправленных в Россию, в лагерь, большинство погибло в 1942–1944 гг.¹⁵ Часто для обвинения заключенных в лагерях фабриковались псевдозаговоры (например, в 1941 г. – в Ураллаге, в 1942 г. – в Усольлаге), за которыми почти всегда следовал смертный приговор. Из арестованных в 1940–1941 гг. выжило 200–600 человек, т.е. 2–8%.¹⁶

Следующую большую категорию человеческих потерь составляют жертвы **июньской депортации** 1941 года. Об их численности опубликованы различные данные.¹⁷ В списках июньских депортированных, составленном Бюро регистра репрессированных Эстонии, содержатся данные о 10 861 лице, в число которых включены арестованные главы семейств и отправленные в ссылку члены их семей, а также родившиеся в ссылке дети и включенные в списки депортируемых, но спасшиеся от отправки лица.¹⁸ Депортации были организованы и проведены одновременно на всей территории, аннексированной СССР на основании ПМР, и охватывали, по данным советской стороны, 143 416 лиц. Из Эстонии в период 10–17 июля 1941 г. было вывезено в Россию, в лагеря или на принудительное поселение (в ссылку), не менее 9267 лиц, из которых вернулись 4264.¹⁹ Тем самым, жизни лишилась примерно половина депортированных.²⁰

Ответом на советскую оккупационную политику стала **Летняя война**, вспыхнувшая перед приходом немецких войск. 24 июня 1941 г., по приказу Москвы, в Эстонии начали формировать т.н. истребительные батальоны, которые на основании объявленной Сталиным тактики выжженной земли, получили свободу для проведения карательных операций, т.е. для массового насилия, самосудов, грабежей и убийств. Масштабные массовые убийства проходили в Тарту и Курессааре, где заключенных расстреливали на месте. В печати опубликованы имена 179 казненных и 2199 убитых без суда, из которых подавляющее большинство составляли гражданские лица.²¹ По регионам Летняя война 1941 г. изучена достаточно подробно.²²

С началом войны из Эстонии в Красную армию было **мобилизовано** и переброшено в Россию более 33 000 мужчин.²³ Кроме них летом 1941 г. в 22-ом территориальном корпусе Красной армии служили 5573 человека. Многие состоявшие на действительной службе в Эстонской Республике офицеры были к этому времени расстреляны или отправлены в лагеря в Россию.²⁵ Начиная с августа 1941 г. эстонцев, служивших в Красной армии, стали рассматривать как лиц, не заслуживающих доверия по национальным, социальным и иным причинам, и начали отправлять с фронта в **трудовые батальоны**, подчинявшиеся НКВД.²⁶ Перед этим, в июле 1941 г., под Порховом на сторону немцев перешло примерно 4500 бойцов.²⁷ Часть из тех, кто был направлен в трудовые батальоны, – мужчин более ранних годов призыва (родившихся в 1896–1906 гг.) и более благонадежный элемент (членов истребительных батальонов, работников милиции и др.) стали перемещать в колхозы или на предприятия. Утверждение, что в трудовых батальонах умерло приблизительно 12 000 человек,²⁸ архивными материалами не подтверждено. От трудовых батальонов спасала лишь отправка на фронт. Путь одной части отправленных на фронт бойцов закончился под Великими Луками (с 9 декабря 1942 г. по 26 января 1943 г.). Там погибло около 2000 эстонских солдат.²⁹ Общие потери эстонцев в составе Красной армии оцениваются по-разному: от 9785 до 20 000 человек.³⁰

Летом 1941 г., с приближением фронта, из Эстонии в советский тыл были **эвакуированы** промышленные предприятия (вместе с работниками) и тысячи гражданских лиц. Большинство лиц, прибывших перед войной, относительно которых точные данные отсутствуют, также поспешили покинуть Эстонию. Эвакуированных гражданских жителей было, примерно, 25 000,³¹ из них 20% погибли в тылу или по пути в эвакуацию.³² Вопросы относительно отправленных в советский тыл и убывших добровольно, а также относительно вернувшихся после войны, останутся, очевидно, нерешенными еще долгие годы.

К потерям среди населения необходимо отнести и те 1600 лиц, которые не входят в перечисленные категории.³³

1 января 1939 г. в Эстонии проживало 1 133 917 человек. В 1939–1941 гг. Эстония потеряла, приблизительно, 100 000 человек, из них, примерно, 55% навсегда. Подробнее всего изучены данные, касающиеся арестованных и депортированных, а также их судьбы.

2.4. НЕМЕЦКАЯ ОККУПАЦИЯ (1941–1944 гг.)

В первые месяцы войны между СССР и Германией одна оккупация Эстонии сменилась другой. Эстонцы надеялись после освобождения от советской оккупации восстановить суверенное государство. Во время Летней войны 1941 г. тысячи эстонских мужчин добровольно вступали в вооруженную организацию *Omakaitse*, чтобы сражаться за свободу своей родины. Однако немецкая власть разрушила эти надежды. Это обстоятельство, а также поражения немцев на Восточном фронте заметно ухудшили отношение эстонцев к службе в немецкой армии, что явствует из численности призывников, **бежавших** от мобилизации **в Финляндию**. С начала 1943 г. по февраль 1944 г. из Эстонии в Финляндию переправилось 4000 беженцев, из них немногим более 400 перебрались дальше в Швецию. Большинство из них были мужчинами, половину из которых составляли юноши моложе 24 лет. Всего во время немецкой оккупации в Финляндию бежало 5000–6000 человек.³⁴ В августе 1944 г. из 200 пехотного полка финской армии в Эстонию вернулось и участвовало в оборонительных сражениях 1752 эстонских добровольца, прозванных «финскими парнями».³⁵

Численность сражавшихся на стороне Германии эстонцев, вследствие неоднородности архивных материалов, точно установить трудно.³⁶ По сей день у нас нет более обстоятельного исследования о **погибших в военных действиях**. По всей вероятности, число эстонцев, погибших на стороне Германии, составляет около 10 000,³⁷ хотя высказываются предположения о гибели 20 000 человек.³⁸ Опубликованный в печати первоначальный общий список содержит 6666 имен.³⁹ Более точные цифровые данные имеются только по некоторым отдельным воинским частям (например, по батальону «Нарва» и полку «финских парней»). Наиболее отрывочными являются сведения, касающиеся павших в последний период войны.⁴⁰ Дополнительную информацию можно найти, прежде всего, в архивах Германии, а также в Эстонском союзе по уходу за военными захоронениями, который, начиная с 1993 года, занимается поиском и регистрацией могил эстонских воинов.

Об арестованных во время немецкой оккупации существуют лишь частичные данные. Согласно годовому отчету IV отдела Полиции безопасности, с июля 1941 г. по июнь 1942 г. было арестовано 18 893 лица (из них 7485 были освобождены, 5634 – казнены и 5627 – отправлены в концлагерь).⁴¹ Сроки наказаний варьировались от нескольких недель до пяти лет.

Согласно опубликованному в 2002 г. исследованию, в период с июля 1941 по ноябрь 1944 г. погибло или было казнено 7800 граждан Эстонской Республики. Вряд ли число погибших в Эстонии могло быть значительно больше, однако численность граждан, вывезенных в Германию и там погибших, необходимо еще установить. Большая часть жертв была казнена в 1941 и 1942 гг. Чаще всего они обвинялись в сотрудничестве с органами советской власти или в преступлениях против человечности

(убийствах) или же в национальной принадлежности (евреи, цыгане). Согласно базе данных, большинство казненных были эстонцами (70%); русских было 15%, евреев – 12%.⁴² В опубликованном списке могут находиться также не связанные с Эстонией лица, но, с другой стороны, в нем опущены те убитые, смерть которых не была задокументирована, а также часть гражданских жителей, погибших или пропавших без вести в ходе войны в 1941 и 1944 годах. По оценкам Лео Талве, на трудовую повинность в Германию было отправлено около 800, а в немецкие концлагеря – 4000 человек, из которых погибло 1040.⁴³

Число гражданских лиц, погибших во время **советских воздушных налетов**, могло доходить до 800 человек.⁴⁴

2.4.1 БЕГСТВО НА ЗАПАД

В 1944 году, главным образом, в сентябре, после сообщения немецких оккупационных властей об уходе из Эстонии, тысячи людей бежали на Запад. Предпочтение отдавалось близлежащим странам – нейтральной Швеции (около 25 000 беженцев) и Финляндии (около 6000 человек),⁴⁵ однако уезжавшим в последний момент пришлось отправиться в Германию (около 40 000 человек).⁴⁶ Общая численность тех, кто добрался до желаемой цели, могла составлять 70 000 человек.⁴⁷ Немало лодок и судов с беженцами погибло в Балтийском море.

Исход эстонских шведов в **Швецию** начался уже в 1939 г., когда места их проживания на островах Пакри, Осмуссаар, Найссаар и др. были заняты под советские военные базы. В 1943–1944 гг. на лодках через море бежало около 2800 человек, официально летом 1944 года было эвакуировано 3700 эстонских шведов (2000 из них фактически были эстонцами).⁴⁸ Согласно обзору Виктора Амана, общее число прибывших в Швецию эстонских шведов составляло 7920 человек.⁴⁹ 1 апреля 1945 г. в Швеции проживало около 25 000 граждан Эстонской Республики.⁵⁰

Беженцы, прибывшие в **Финляндию**, после заключения перемирия между СССР и Финляндией (19 сентября 1944 г.), были вынуждены двинуться дальше, так как им грозила опасность быть выданными СССР.

К октябрю 1944 года в Силезии, в Нейхаммерском учебном лагере, сконцентрировалось 15 000 эстонских мужчин, из которых была сформирована 20-я Эстонская дивизия СС.⁵¹ После капитуляции **Германии** союзники разделили ее на четыре зоны, однако, с точки зрения обращения с беженцами, их было, скорее, две: Восточная Германия (советская зона) и Западная Германия (зона США, Великобритании и Франции). Эстонские военнопленные находились во всех зонах: по разным данным, в зону западных союзников попало до 6000 и в советскую зону – до 5500 эстонцев.⁵² Попавшие в руки советских войск были арестованы.⁵³ На территориях, занятых западными союзниками, после окончания войны беженцев стали сосредотачивать в DP-лагерях, или в лагерях перемещенных лиц (от *displaced persons* – перемещенные лица, вынужденные

переселенцы). В этих целях была создана организация UNRRA (*The United Nation Relief and Rehabilitation Administration*), центр которой находился в Вашингтоне. По опубликованным 1 октября 1946 г. данным, в DP-лагерях в Германии находилось 32 219 эстонцев.⁵⁴ После т.н. DP-лет, 27 096 человек с помощью Международной организации беженцев (IRO) поселились в других государствах, в Германии осталось 4000 перемещенных лиц.⁵⁵ Установление судеб рассредоточенных по многим странам беженцев до сих пор является трудной задачей.

2.5. ВТОРАЯ СОВЕТСКАЯ ОККУПАЦИЯ

2.5.1. ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ (1944–1953 гг.)

Вместе со второй советской оккупацией осенью 1944 г. на основании списков, составленных органами госбезопасности, началась новая **волна арестов**. Эти списки были подготовлены в годы войны в советском тылу.⁵⁶ В течение 1945 г. на основании архивных документов было взято на учет 45 376 человек, из них данные на 13 830 лиц были переданы оперативным органам.⁵⁷ В ходе расследования советских репрессий, к 2003 г. было задокументировано более 53 000 политических арестов, а также опубликованы данные о 34 620 арестованных. Эти цифры охватывают обе советские оккупации.⁵⁸

28 августа 1944 г., т.е. еще до захвата всей Эстонии, советскими оккупационными властями вновь была объявлена мобилизация. Из примерно 2500 принудительно мобилизованных мужчин в боевых действиях погибло, примерно, 10%.⁵⁹ Приказ об аресте уклонившихся от мобилизации действовал годы, однако неизвестно, сколько мужчин было по этой причине арестовано после окончания войны.

В 1944–1945 гг. было арестовано примерно 10 000 человек, половина из которых умерла в течение двух первых тюремных лет. По разным оценкам, в 1944–1953 гг. в концентрационные лагеря было отправлено 25 000–30 000 человек, из которых приблизительно 11 000 более не вернулось.⁶⁰

В 1945–1950 гг. на родину из СССР вернулись люди, добровольно уехавшие в эвакуацию, а также насильно эвакуированные, попавших в руки советских властей в восточной части Германии, кроме того вернулись те немногие, кто был репатрирован с Запада, – общей численностью около 70 000 человек⁶¹

Массовые **депортации** продолжились и после войны. 15 августа 1945 г. 407 человек были депортированы на основании национальной принадлежности (немцы).⁶² В ходе мартовской депортации 1949 г. (это была крупнейшая проведенная одновременно во всех Балтийских государствах операция), из Эстонии было увезено 20 702 человека, из которых примерно 70% составляли женщины, дети и старики. По имеющимся в настоящее время данным, в пути и в ссылке умерло, в общей сложности, 3000 человек, их имена и фамилии еще уточняются. Depor-

тация должна была нанести удар по эстонской деревне и крестьянскому хозяйству, сломить сопротивление коллективизации и лишить поддержки лесных братьев. Спасшихся от мартовской депортации продолжали высылать задним числом вплоть до 1956 года. Последняя крупная операция по депортации состоялась в 1951 году, когда из Балтийских государств, Молдавии, Западной Украины и Западной Белоруссии на спецпоселение были высланы члены запрещенной религиозной секты Свидетелей Иеговы. Эстония потеряла 259 человек.⁶³ Более же мелкие переселения жителей проводились постоянно.⁶⁴

Врагов искали повсюду, в том числе, среди **школьной молодежи**. При помощи различных карательных методов и идейно-политической воспитательной работы хотели сломить непримиримость и неприятие молодежи советского режима. Судебные процессы над учащимися продолжались до середины 1950-х годов (последний известный процесс был проведен в 1962 г.).⁶⁵

Мартовский 1950 года пленум ЦК КПЭ вновь развернул борьбу с «буржуазным национализмом». На этот раз проводилась «чистка» эстонской интеллигенции. В числе прочих было репрессировано около 200 преподавателей Тартуского государственного университета и отчислено около 100 студентов.⁶⁶ Об этом смотрите главу «Высшее образование и наука».

2.5.2 ДВИЖЕНИЕ ВООРУЖЕННОГО СОПРОТИВЛЕНИЯ ЛЕСНЫХ БРАТЬЕВ (1944–1953 гг.)

Численность тех, кто участвовал в вооруженном сопротивлении составляет, по разным оценкам, 16 000–30 000.⁶⁷ С лесными братьями сражались как регулярные воинские части, так и спецподразделения НКВД, милиция, т.н. батальоны народного ополчения и советские активисты. В первые годы борьбы (с ноября 1944 г. по ноябрь 1947 г.) погибли или были схвачены 8468 лесных братьев, а в результате их нападений погибло около 1000 советских активистов.⁶⁸ Потери тех, кто непосредственно атаковал лесных братьев, подробно еще не изучены. Из почти 8000 арестованных лесных братьев погибло примерно 4000.⁶⁹ По данным органов госбезопасности, в ходе движения сопротивления 1944–1953 гг. было убито 1495, арестовано 9870 и легализовалось 5255 человек.⁷⁰

2.5.3 1954–1991 ГОДЫ

Смерть Сталина, арест и расстрел Берии в 1953 г. не изменили сущности советской системы, однако на смену массовым пришли индивидуальные репрессии. По политическим причинам в 1954–1989 гг. в Эстонии было арестовано не менее 350 человек.⁷¹

Более **массовое освобождение** из лагерей и ссылки началось в 1956 г. (несовершеннолетние были «сняты с учета» в 1954 г.). По данным

органов госбезопасности, на 1 января 1957 г. в Эстонию возвратились 10 537 бывших политзаключенных.⁷² В 1954–1960 гг. из лагерей и ссылки вернулось общей численностью 27 835 человек.⁷³ Возвращение домой было отрегулировано по категориям наказаний и многие получили разрешение вернуться только в 1960-х годах. 1 января 1960 г. на спецпоселении находилось еще не менее 377 депортированных из Эстонии.⁷⁴

Начиная с 1944 г. и до второй половины 1950-х гг. было арестовано, приблизительно, 30 000 человек, из них погибло примерно 10 000.⁷⁵ Согласно исходным данным, использованным в настоящем исследовании, во время второй советской оккупации было репрессировано около 56 500 человек, 16 000 из которых погибли.⁷⁶ В их число не включены военнопленные, репатриированные, а также потери населения, возникшие вследствие отделения Печор и Занаровья.⁷⁷

Работа по выяснению потерь среди населения Эстонии продолжается на историческом отделении Тартуского университета, при Регистре репрессированных Эстонии и Эстонской международной комиссии по расследованию преступлений против человечности.

¹ Katus, Kalev (Lävel, 2000, 20).

² Hanp, Tiit, Ene, 1988; Tiit, E., 1993a; Talve, L., 1991; Sarv, E., 1997.

³ Sarv, Enn, 2001.

⁴ Tepp, Leo, 1993, 10; основой для данных расчетов является плавная динамика изменений, которые до 1958–1959 гг. происходили в национальной и половозрастной структуре народонаселения, зафиксированной переписью населения 1934 г., и в возрастных коэффициентах рождаемости и смертности, а также переселение в Эстонию примерно 45 000 лиц эстонской национальности из Советского Союза. Таким образом, потери среди этнических эстонцев за период 1939–1959 гг. составляют 17 1400 человек.

⁵ В этот период перепись населения проводилась дважды. Согласно данным, полученным при немецкой оккупации (1 декабря 1941 г.), численность населения уменьшилась на 116 106 человек (10,2% по сравнению с январем 1939 г.), а по данным, полученным при советской власти (30 ноября 1944 г.), в Эстонии проживало 885 414 человек (см. Varju, P. 1997, 30).

⁶ В 1944 г. часть территории Эстонии площадью 1986 км² с 39 000 жителями была включена в состав РСФСР (см. Report, 1991, 39; EE 11, 315, однако на стр. 246 указано – до 90 000 жителей). – В сентябре 1944 г. в волостях Печорского края и Занаровья (с Ивангородом) проживало 67 500 человек (Tepp, L., 1994b, 20).

⁷ В том числе данные EE, напр.: «Человеческие потери Эстонии во Второй мировой войне с учетом погибших, казненных, депортированных и беженцев, а также в связи с уменьшением административной территории Эстонии составили примерно 300 000 человек» (EE 11, 314).

⁸ Публикация регистров репрессированных лиц началась в 1996 г. (Represseritud isikute registrid, 1, 1996, сокр. RIR). В RIR 1 приводятся данные о 20 164 арестованных (на основании статьи 58 Уголовного кодекса РСФСР; к смертной казни было приговорено 1685, а в заключении умерло 5324 человек); в RIR 2 (1998) эти сведения дополняются данными, касающимися 15 001 человека. RIR 3 еще не издан, однако в дополнение к предыдущим в этом регистре будет

- опубликовано еще 14 553 имени; таким образом, в этой серии зафиксированы данные о примерно 50 000 лицах, арестованных по политическим мотивам.
- ⁹ EE 11, 315.
- ¹⁰ Kivimäe, Jüri, 1989, 1243; 1995, 505. Перечень лиц, отказавшихся от гражданства Эстонской Республики, опубликованный в 1940 г. в издании *Riigi Teataja Lisa*, содержит, по данным Ю. Кивимяэ, 12 142 имени (в том числе от 500 до 100 лиц эстонской национальности).
- ¹¹ Weiss, Helmut, 1956, 221–222. Из них более половины – граждане эстонской национальности. По оценке Ю. Кивимяэ, основанной на материалах Банка Эстонии и транспортных списках, число лиц, покинувших Эстонию в рамках дополнительного переселения этнических немцев, может достигать 5500 человек. На основании сводки, составленной Яковом Монахтиным – уполномоченным комиссии по дополнительному переселению, число переселившихся составило 7813 человека (ERA, ф. R-2, оп. 1, д. 412. L 100).
- ¹² Списки составлялись в трех экземплярах, из которых один, предназначенный для т. н. оперативно-чекистской работы, высылался в НКВД СССР. План работы Отдела спецфондов Государственного архива ЭССР на 1941 г. предусматривал, что в первую очередь должны быть изучены материалы, касающиеся Кайтселлита, Министерств юстиции и внутренних дел, прокуратуры, Военного суда, политической полиции, Исамалиита и валсов. См. Rahi-Tamm, A., 2004.
- ¹³ Первый список, включавший данные о 7926 лицах, был опубликован по инициативе ZEV, см. Losses, 1989, 208. По оценке ERRB, число арестованных также достигало 8000 человек, из которых погибло 98%, т.е. 7840 человек. См. Talve, L., 1991; ср. Report, 1991, 34.
- ¹⁴ Varju, Peep, 1994.
- ¹⁵ Относительно банка данных, составленного Хербертом Лиги (Herbert Ligi. Eesti rahvastikukaotused N. Liidu vanglates ja sunnitöölaagrites) см. Rahi, Aigi; Must, Aadu, 1993.
- ¹⁶ По оценке Лео Талве, выживших могло быть около 200 человек (Talve, 19. X 1991), а по данным Арво Куддо – 500–600 человек (Report, 1991, 34–35).
- ¹⁷ См. EE 5, 1990, термин «küüditamine»; Report, 1991, 33.
- ¹⁸ RIR 6, 2001, 333.
- ¹⁹ Согласно картотеке ORURK (в том числе 231 военный, уведенный из Вярска); в отчете о деятельности КГБ от 1988 г. число депортированных составляло 9156 человек (см. «Записка», 1996, 138). В 1943 г. ZEV обнародовал 7553 имени (13.–15. VI, см. Losses, 1989, 211).
- ²⁰ По оценке Арво Куддо, погибших могло быть 5700 человек (Report, 1991, 35); по данным Л. Талве – 6010 человек (Talve, L., 19. X 1991); по сведениям ERRB, среди принудительных переселенцев число погибших составляет 2333 человека (33,10%), среди заключенных – 2841 человек (84,95%), всего 5174 человека (RIR 6, 2001, 348).
- ²¹ Laar, Mart. Püpane teetog, 1996. Здесь перечислены также известные жертвы истребительных батальонов.
- ²² По Тартумаа Х. Линдмяэ (1992, приложения) приводит имена 832 лиц, по Вирумаа (2002, приложения) – 545 лиц и по Вильяндимаа (2004, приложения) – 274 погибших. По Сааремаа обнародованы имена 4891 репрессированного (Vessik, Juta; Varju, Peep. ORURK 6, 1997); данные по Вильяндимаа (8842 человека, см. Piir, Enno, 2001, 6) охватывают весь оккупационный период.
- ²³ ZEV опубликовал 33 304 имени; Л. Талве указывает 32 100 имени (Talve, 19. X 1991); а П. Кескюла – 35 000 имен (из которых в советский тыл прибыло

- 32 000 человек, см. Keskküla, P., 1991); в то же время П. Ларин дает цифру 50 000 человек (Usai, L., 1993, 6).
- ²⁴ ZEV опубликовал их имена; ср. Report, 1991, 36; Laasi, E., 1989a, 75.
- ²⁵ Относительно судьбы 1641 кадрового офицера см. Salo, V., 1996.
- ²⁶ По распоряжению заместителя Наркома обороны СССР (сент. 1941 г.), эстонцы, переведенные из действующих частей Красной армии в трудовые батальоны, были включены в систему ГУЛАГа при НКВД. Из них около 8000 человек погибло в первую военную зиму. В соответствии с распоряжением начальника Главного политического управления Красной армии от 28 сентября 1941 г., граждане территорий, оккупированных Советским Союзом в 1939–1940 гг., следовало отозвать из действующей армии. См. Usai, U., I, 8.
- ²⁷ Laasi, Evald, 987.
- ²⁸ Report, 1991, 36.
- ²⁹ Имена бойцов 8-го Эстонского стрелкового корпуса, которые под Великими Луками погибли в бою, умерли от ранений или пропали без вести (6474 человека, из них родившихся в Эстонии было менее 2400 человек), опубликованы в издании *Velikije Luki in memoriam*. К числу погибших отнесены также те, кто по приговору военного трибунала был расстрелян за умышленное членовредительство или распространение враждебной пропаганды. К числу пропавших без вести причислены лица, попавшие в плен или перешедшие на сторону немцев, которых, по оценке Т. Нымма, было 1800 человек (Nõmm, T., 1990b, 116).
- ³⁰ 9785: Laasi, E. См. Report, 1991, 41; 20 000: Talve, L., 19. X 1991.
- ³¹ Report, 1991, 35.
- ³² Уточнить общее число погибших помогают исследования Мати Ыуна, касающиеся затонувших судов (июнь 1941 г. – 1942 г.). К сожалению, учет погибших по категориям довольно затруднен. См. Õun, M., 1996; Õun, M., 1997 (приложения). При исполнении трудовых обязанностей было уведено 1858 человек (данные ZEV, см. Losses, 1989, 208).
- ³³ Напр., 1101 пропавший без вести (данные ZEV, см. Losses, 1989, 208) и около 500 бежавших за границу (в основном, в Финляндию) (см. Talve, L., 19. X 1991).
- ³⁴ World War II. P. 37.
- ³⁵ В финскую армию было принято около 3500 добровольцев, из которых был сформирован 200-ый пехотный полк. В книге *Vabaduse eest. Soomepoiste lühielulood* (1997) приводятся более точные данные относительно 3333 человек. Из них погибло 319 (в Финляндии – 183, в Эстонии – 110, в других местах – 26). Нет сомнений, что в рядах Сил обороны Финляндии служило больше эстонцев, чем здесь указано. Например, число 1000, приведенное в ЕЕ в статье *Talvesõda*, не имеет подтверждения, поскольку известно имя всего лишь одного фронтовика из Эстонии.
- ³⁶ Согласно расчетам А. Тинитса, всего под ружьем находилось 60 000 человек (см. Tiniits, A., 1983, 43), по оценке Т. Нымма, в рядах немецкой армии прошло службу 70 000 человек, из них – 20 000 добровольцев и 50 000 мобилизованных (см. Nõmm, T., 1990b, 116).
- ³⁷ По оценке руководителя рабочей группы Эстонской международной комиссии по расследованию преступлений против человечности Тоомаса Хийо, который в последние годы наиболее интенсивно изучал период немецкой оккупации в Эстонии, в рядах немецких вооруженных сил погибло или умерло от ранений более 10 000 граждан Эстонии. См. Hiio, T., 2001, 178.
- ³⁸ По оценке Т. Нымма, число погибших составляет 20 000 человек (в том числе военнопленных, а также погибших при побеге и пропавших без вести),

- см. Nõmm, T., 1990b, 116, и EE 11, стр. 313; по мнению Л. Талве (19. X 1993) погибших могло быть 14 500 человек.
- ³⁹ Бойцы, которые во Второй мировой войне погибли на поле боя или в тылу, умерли от ран или болезней. См. Pro Patria, I, 1998. По оценке составителя Х. Линдияэ, погибших могло быть примерно 8000 человек.
- ⁴⁰ Два примера из многих: после боя, который состоялся 21 сентября 1944 г. в треугольнике Локса-Поркуни-Сауэвяля и в котором с обеих сторон принимали участие эстонцы, в трех братских могилах было похоронено 273 человека, личность которых установить не удалось (см. Kärp, Peer, 1989, 22). Среди тех, кто погиб в боях за полуостров Сырве в конце ноября, были также эстонцы, воевавшие по обе стороны фронта, однако обзор данных о погибших отсутствует.
- ⁴¹ Paavle, Indrek, 2002, 25.
- ⁴² Paavle, Indrek, 2002, 17–25.
- ⁴³ Talve, Leo, 9. X 1991.
- ⁴⁴ Обнародованы имена 554 гражданских лиц, погибших в результате бомбежки Таллина 9 марта 1944 г. См. Tallinn tules, 1997.
- ⁴⁵ См. Report, 1991, 37.
- ⁴⁶ Подробный обзор см. Kool, 1999 (на стр. 8–11 – данные об эстонцах в Третьем рейхе в 1944/45 гг.).
- ⁴⁷ В авианалетах на германские территории погибло примерно 1000 эстонцев (см. Norm, Arvo, 1995, 179). – Среди тех, кто осенью 1944 г. отправился морем в Германию, число утонувших могло достигать 1200 человек (см. Ernits, 1995, 107). Имеются некоторые сведения о том, что среди беженцев могло погибнуть до 7000 человек.
- ⁴⁸ Raag, Raimo, 1989.
- ⁴⁹ Norm, Arvo, 1995, 177; Aman, Viktor, 1961.
- ⁵⁰ Согласно шведскому статистическому ежегоднику 1946 года, численность эстонцев в Швеции по состоянию на 1 апреля 1945 г. составляла 22 092 человека, за исключением детей, не достигших 16-летнего возраста и включенных в паспорта своих родителей (см. Terras, Aleksander, 1995, 115; ср. Aman, 1961).
- ⁵¹ Существуют утверждения, что на силезском фронте могло погибнуть 2000, а в т.н. чешском аду – 500 человек (см. Report, 1993, 40).
- ⁵² В британской зоне – до 4000, в американской зоне – до 800, а во французских лагерях – около 300 человек. Gailit, 1993. Небольшое число эстонцев было захвачено в плен в Австрии, Италии, Франции и в Норвегии. См. Nõmm, 1990b, 134.
- ⁵³ С 15 апреля по 31 декабря 1945 г. в Эстонию было возвращено 5434 человека, из них 3867 – из Германии, 784 – из Польши, 307 – из Швеции, 157 – из Чехословакии, 78 – из Франции и пр. Их поместили в фильтрационные лагеря, где они прошли тщательную проверку, после чего большинство из них было отправлено в шестилетнюю ссылку в Норильск, Ухту, Печорский угольный бассейн и в Молотовскую область. К сожалению, это неполные сведения. См. Kaup, Erich, 1995, 34–35.
- ⁵⁴ Из них 16 688 человек в американской (включая Берлин), 13 698 – в британской и 835 – во французской зонах, а 998 – в Австрии. См. Pruuli, 1988, 16.
- ⁵⁵ Из них в США – 10 992, в Канаду – 4118, в Австралию – 5958, в Англию – 3418, в Швецию – 1089 человек. См. Norm, 1995, 179.
- ⁵⁶ По состоянию на 22 октября 1944 г. на учет было принято более 8000 антисоветски настроенных лиц. Из отчета Н. Каротамма Б. Кумму, см. Kaup, 1994.
- ⁵⁷ Отчет начальника архивного отдела Министерства государственной безопасности ЭССР М. Органова от 15 января 1946 г. Rahi-Tamm, 2002.

- ⁵⁸ В RIR 1 (1996) опубликованы данные о 20 164, а в RIR 2 (1998) – о 15 001 арестованных. В неопубликованном еще RIR 3 предположительно содержится 14 533 имени. В этой серии фиксируются данные, касающиеся более чем 50 000 лиц, арестованных по политическим мотивам.
- ⁵⁹ Repressioonidest ja nende tagajärgedest. Memento. 1996, 2.
Report, 1991, 40.
- ⁶⁰ Kala, 1992, 511.
- ⁶² Т.н. депортация немцев; численность граждан немецкой национальности среди депортированных составляла 261 человек. См. Каур, 1995b.
- ⁶³ Rahi, A., 2003, 19–22. Списки депортированных опубликованы в RIR 5 и 6. – 1951 г. см. Silliisaar, S. 2000.
- ⁶⁴ Напр., в 1948 г. были вновь депортированы лица, которые уже ранее (в основном, в 1941 г.) подвергались депортации, однако в 1945 г. были освобождены. В 1947–1950 гг. были высланы репрессированные ингерманландские финны, поселившиеся в Эстонии (Reinvelt, 2002, 10). Начиная с 1952 г., все лица, осужденные за совершение «политических преступлений», по истечении срока заключения высылались к своим депортированным семьям (ERAF, ф. 17, оп. 3, д. 112). На поселение отправлялись также кулаки, отбывшие (до 1949 г.) тюремный срок за неуплату налогов.
- ⁶⁵ Eesti koolinoored vabadusvõitluses. 1993.
- ⁶⁶ Martis, Ela; Ant, Jüri; Raid, Lembit, 1991; Merila-Lattik, Helbe, 1995. После пленума было также сменено руководство партийно-государственного аппарата ЭССР, однако конкретные цифровые данные относительно арестованных лиц пока не опубликованы. Tamme, 1989.
- ⁶⁷ По данным ЕЕ (6, 1992, 312 и далее) в вооруженной борьбе 1944–1953 гг. участвовало до 15 000 лесных братьев. С ноября 1944 г. до ноября 1947 г. было убито или захвачено 8468 лесных братьев. По оценке М. Лаара (1994, 5), с учетом всех лиц, которые в послевоенный период скрывались в течение более длительного или короткого времени от властей, число лесных братьев превышает 30 000 человек.
- ⁶⁸ ЕЕ 6, 1992, 312 и далее.
- ⁶⁹ Ср. Talve, Leo, 20. X 1991. – По оценке Э. Кросса (см. Kross, 1998) общая численность погибших может достигать 7000 человек, на настоящий момент в составленную им базу данных включено более 2000 имен.
- ⁷⁰ Tannberg, Tõnu, 1999, 25.
- ⁷¹ RIR 2, D 5 и далее.
- ⁷² Jürjo, Indrek, 1996, 181.
- ⁷³ Rubin, 1991, 40.
- ⁷⁴ Rahi, A., 1998, 124.
- ⁷⁵ Report, 1991, 40.
- ⁷⁶ По оценке Э. Сарва, число жертв могло быть около 22 000 (см. Sarv, 1997, 75).
- ⁷⁷ Сентябрь 1940 г. (Терр, 1994b, 20). – «Освобождение от этнически чуждых элементов» территории Эстонии и Латвии, присоединенной к Псковской области, было осуществлено в мае 1950 г., когда оттуда было выселено 1563 эстонца и латыша (ГАРФ, ф. 9401, оп. 1, д. 12).

ЛИТЕРАТУРА, В КОТОРОЙ РАССМАТРИВАЮТСЯ ПОТЕРИ НАСЕЛЕНИЯ ЭСТОНИИ

14. juuni 1941 mälestusi ja dokumente. Tallinn, 1990. (Сост. М. Laar.)
1944. aasta. Toronto, 1983.
- A Case Study of a Soviet Republic. The Estonian SSR. Boulder, Colo, 1978. (Сост. E. Järvesoo, T. Parming.)
- Baasidelepingust anneksioonini. Dokumente ja materjale. Tallinn, 1991.
- Baltic Refugees and Displaced Persons. London, 1947.
- Dokumente 1949. aasta märtsiküüditamises. (Сост. V. Ohmann, T. Tannberg) // Akadeemia, 1999, 3–12.
- Dokumente metsavendlusest ja vastupanuliikumisest Eestis. // Akadeemia, 1991, 10–12; 1992, 1–8, 11; 1993, 3. (Сост. V. Boikov; A. Ruusmann.)
- Dokumente Petseri- ja Virumaa jaotamise kohta. // Akadeemia, 1991, 8–9.
- Eesti diviisi struktuur ja ohvitseride koosseis// maailmasõjas. (Сост. L. Tammiksaar.) Eesti Riigikaitse Akadeemia. Tallinn, 1998,
- Eesti koolinoored vabadusvõitluses. 20. veebruaril 1993. a. Tartu Ülikooli aulas toimunud Eesti Vabariigi 75. aastapäevale pühendatud konverentsi materjalid. Tartu, 1993.
- Eesti rahva kannatuste aasta. 1.–2. 3. tr. Tallinn, 1995.
- Eesti rahvastikukaotused I/II. Saksa okupatsioon 1941–1944. Hukatud ja vangistuses hukkunud. (Сост. I. Paavle.) Tartu, 2002.
- Eesti riik ja rahvas// maailmasõjas. 1.–10. Stockholm, 1954–1962.
- Eesti saatuseaastad 1945–1960. 1.–6. Stockholm, 1963–1972.
- Eesti uue aastatuhande lävel. Väikerahva võimalused ja valikud. (Сост. E. Rääts.) Tallinn, 2000.
- Eesti Vabadusristi kavalerid. Register. 1997. (Сост. M. Strauss, J. Pihlak, A. Krillo.)
- Eesti vabadusvõitlejad Teises maailmasõjas. 2. tr. Tallinn, 1995. (Сост. A. Jurs.)
- Eestlased Austraalias// ja Uus-Meremaal. Melbourne, 1993.
- Eestlased Kanadas. H-II. Toronto, 1975, 1985.
- Eestlased tööpataljonides 1941–1942. Mälestusi ja dokumente. 1.–2. Tallinn, 1993. (Сост. U. Usai.)
- Estonia the Forgotten Nation. Toronto, 1961. (Сост. E. Käreda, M. Econ.)
- Kaks dokumenti Suvesõjast// Looming, 1991, 9.
- Kommunismi must raamat. (Сост. S. Courtois и др.) Перевод на эстонский яз. Tallinn, 2000.
- Klooga, 1944. Eesti Juudi Kogukond. Tallinn, 1994.
- Küüditamine Eestist Venemaale. Juuniküüditamine 1941 & küüditamised 1940–1953. Eesti Represseeritute Registri Büroo. Tallinn, 2001.
- Küüditamine Eestist Venemaale. Märtsiküüditamine 1949. H-II. Eesti Represseeritute Registri Büroo. Tallinn, 1999, 2003.
- Küüditatud 1941. Üldnimestik Tartu Instituudi arhiivis ja arhiivraamatukogus (Torontos) ning Eesti Represseeritute Registri Büroos (Tallinnas) leiduva andmestiku põhjal seisuga 24. veebr. 1993. Ont. Canada, 1993. (Сост. V. Salo.)

- Küüditatud 1949. Lääne-Virumaa.* Rakvere Memento Ühing. Rakvere, 1999.
- Luuramisi. Salateenistuste tegevusest Eestis XX sajandil.* Artiklite ja dokumentide kogumik. (Cocт. T. Noormets.) Tallinn, 1999.
- Lääne-Virumaa elanikkonna kaotused okupatsiooniaastatel.* Rakvere Memento Ühing. Rakvere, 1996. (Cocт. Ö. Nurk.)
- Nõukogude okupatsioonivõimu poliitilised arreteerimised Eestis. 2.* Eesti Represseeritute Registri Büroo. Tallinn, 1998.
- Poliitilised arreteerimised Eestis 1940–1988 (§58) 1.* Eesti Represseeritute Registri Büroo. Tallinn, 1996.
- Pool sajandit eestlust paguluses.* 2 изд., Stockholm, 1995.
- Punane terror.* Stockholm, 1996. (Cocт. M. Laar, J. Tross.)
- Punane terror ja Läänemaa.* 1.–8. (Cocт. V. Pinn.) Haapsalu, 1989–1992.
- Rahvusvahelise teaduskonverentsi „Saksamaa ja NSV Liidu 1939. a. 23. augusti ja 28. septembri lepingute õiguslik hinnang” ettekannete kogumik. // Eesti Teaduste Akadeemia Toimetised. Ühiskonnateadused, 1990, 39/2.
- Sakalamaa ei unusta.* Inimkaotused ja repressioonid alates 21. juunist 1940. 1–10. (Koost. E. Piir.) Viljandi, 1991–1997.
- Saksa fašistlik okupatsioon Eestis aastail 1941–1944.* Tallinn, 1947.
- Sortside saladused.* 1.–10. (Cocт. M. Arold, L. Levala.) 1994–1999.
- Statistical information on persons deported from or murdered in Estonia by USSR authorities in 1940–1941.* Presented to the Participating States at the Conference on Security and Cooperation in Europe Follow-Up Meeting in Vienna, Austria. November 1986 by the Estonian World Council, INC.
- Tallinn tules.* Dokumente ja materjale Tallinna pommitamisest 9.–10. märtsil 1944. // Tallinna Linnaarhiivi Toimetised, 1997, 2. (Cocт. J. Kivimäe, L. Kõiv.)
- Tammine rahvas.* I–II. Uppsala, 1952; Stockholm, 1965.
- Terasest tugevamad.* Pataljon „Narva” ajalugu.// Tartu, 1997. (Cocт. H. Tulp.)
- The Anti-Soviet Resistance in the Baltic States.* Genocide and Resistance Research Centre of Lithuania. Vilnius, 1999.
- The Baltic States 1940–1972.* Documentary Background and Survey of Developments presented to The European Security and Cooperation Conference. Stockholm, 1972.
- The Estonians in America, 1627–1975.* A Chronology and Fact Book. New York, 1975. (J. Pennar, T. Farming, P. Rebane.)
- Tulevik ja lootus.* Soome sõjaväelike ja -veteranide läbielamisi sõdades aastail 1939–1944 ja rahupäevil. Tallinn, 1994.
- Velikije Luki in memoriam.* 8. Eesti Laskurkorpuse inimkaotused Velikije Lüki lahingus 1942–1943. Tallinn, 1992. (Cocт. V. Boikov.)
- World War// and Soviet Occupation in Estonia: A Damages Report.* Tallinn, 1991. (Cocт. J. Kahk.)
- Im Raum Narva, 1944. .1996. 1997.* (Cocт. A. Puu.)
- Eesti Vabariigi kodakondsusest lahkunud isikute nimekiri.* // „Riigi Teataja Lisa”, 1940, nr. 14, 32, 36,41.
- Eestist Saksamaale ümberasunute täiendav nimestik.* Tallinn, 1940.
- Гриф секретности снят.* Москва, 1993.

- Die Deutsche Volksgruppe in Estland während der Zwischenkriegszeit und aktuelle Fragen des deutsch-estnischen Verhältnisses.* Hamburg, 1996.
- Anderson, E. *Kuidas Narva, Petseri ja Abrene sattusid VNFSV koosseisu.* //Akadeemia, 1991, 7.
- Angelus, Oskar. *Eestist Saksamaale ümberasunute nimestik.* Tallinn, 1939.
- Ant, Jüri. *Ühest vastupanugrupist kahes okupatsioonis.* //Tartu Ülikooli ajaloo küsimusi, XXVII. Tartu, 1993.
- Ant, Jüri; Raid, Lembit. *EK(b)P Keskkomitee 1950. a. VIII pleenumi mõjust Tartu Ülikoolis.* // Tartu Ülikooli ajaloo küsimusi, XXII (1). Tartu, 1989.
- Arens, Ilmar. *Peipsitagused eestlased.* Tartu, 1994.
- Arro, Hendrik. *Eesti lendurid lahingute tules.* Lühike ülevaade eesti lendurite sõjateest// maailmasõja päevil. Tallinn, 1995.
- Aun, Karl. *The Political Refugees.* A History of the Estonians in Canada. Toronto, 1985.
- Gailit, Karl, *Eesti sõdur sõjatules.* Rindereporteri sulega. Tallinn, 1995.
- Gurin-Loov, Eugenia. *Eesti juutide katastroof, 1941.* Tallinn, 1994.
- Gurin-Loov, Eugenia. *Suur häving. Eesti juutide katastroof 1941. Holocaust of Estonian Jews 1941.* Tallinn, 1994.
- Gurin, Samuel. *Juudi vähemusrühvuse statistika Eestis 24.* //1935. a. Tallinn, 1936.
- J. von Hehon. *Die Umsiedlung der baltischen Deutschen – das letzte Kapitel baltisch-deutscher Geschichte.* Marburg-Lahn, 1982.
- Hiio, Toomas. *Eesti üksused Kolmanda Reich'i relvajõududes.* // Vikerkaar, 2001, 8–9.
- Ilta, Georg. *Kohustus kutsub. Eesti Leegioni suurtükiväelase* // maailmasõjas. Tallinn, 1998.
- Яковлев, Александр. *Обращение к общественности.* Москва, 1996.
- Jõgi, Ülo. *„Erna“ legendid ja tegelikkus.* Tallinn, 1996.
- Jürjo, Indrek. *Pagulus ja Nõukogude Eesti.* Vaateid KGB, EKP ja VEKSA arhiividokumentide põhjal. Tallinn, 1996.
- Kaelas, Aleksander. *Okupeeritud Eesti.* Stockholm, 1956.
- Käia, K. *Eesti rahvuslikust koosseisust pärast Teist maailmasõda.* //Akadeemia, 1992, 3.
- Kangro, Bernard. *Eesti Rootsist.* Ülevaade sõnas ja pildis. Lund, 1976.
- Käreda, Endel. *Estonia and the Soviet Grip.* // East and West Series No. 5. Boreas, 1949.
- Katus, Kalev. *Eesti demograafiline areng läbi sajandite.* // RU. Seeria B. No. 9. Tallinn, 1989.
- Katus, Kalev. *Eesti rahvastiku tulevikujooned.* // Looming, 1994, 2.
- Katus, Kalev; Puur, A. *Eesti rahvastiku suremustrend elutabelite analüüsi põhjal.* // RL). Seeria B. No. 14. Tallinn, 1992.
- Kaup, Erich. *Sõjavangilaagrid Eestis 1944–1949.* // Kleio, 1995, 2.
- Kivimäe, Jüri. *Raske lahkumine.* Baltisakslaste ümberasumine eestlaste rahvuslikus vaatevinklis. // Looming, 1989, 9.
- Kivimäe, Jüri. *„Aus der Heimat ins Vaterland“: die Umsiedlung der Deutschbalten aus dem Blickwinkel estnischer nationaler Gruppierung.* // Estland und seine Minder-

- heiten: Esten, Deutsche und Russen im 19. und 20. Jahrhundert. Nordost-Archiv. N. F. 4 (1995), N 2. Lüneburg, 1995.
- Kivimäe, Sirje. *Estland unter der Sowjetherrschaft 1941/44–1954*.// Estland und seine Minderheiten: Esten, Deutsche und Russen im 19. und 20. Jahrhundert. Nordost-Archiv. N. F. 4 (1995), N 2. Lüneburg, 1995.
- Kool, Ferdinand. *DP Kroonika. Eesti pagulased Saksamaal 1944–1951* Eesti Arhiiv Ühendriikides. Lakewood. New Jersey, 1999.
- Krepp, Endel. *Mass Deportations of Population from the Soviet Occupied Baltic States: On the Occasion of the 40th Anniversary of First Deportations of Estonians, Latvians and Lithuanians*. Stockholm, 1981.
- Kulu, Hill. *Eestlased maailmas*. Ülevaade arvukusest ja paiknemisest. Tartu, 1992.
- Kulu, Hill. *Eestlaste tagasiränne 1940–1989*. Helsinki, 1997.
- Kurgvel, Aleks; Lindmäe, Herbert. *Pro Patria*. Auraamat Teises maailmasõjas langenud Eesti vabadusvõitlejaile. (Lühinimestik.) Tartu, 1996.
- Küng, Andres. *Rootslaste jälgedes*. Tallinn, 1991.
- Laar, Mart. *Metsavennad*. Tallinn, 1993.
- Laar, Mart. *Vastupanuliikumine Eestis 1940–1941*. 11 Kultuur ja Elu, 1991, 10–11.
- Laar, Mart. *War in the Woods: Estonia's struggle for survival, 1944–1956*. Washington, 1992.
- Laasi, Evald. *Kas aastail 1942–1944 oli Eestis partisaniliikumine?* //Vikerkaar, 1990, 5.
- Laasi, Evald. *Mis sai Eesti kaadriohvitseridest?* // Vikerkaar, 1989, 1.
- Laasi, Evald. *Mobilisatsioon 1. veebruaril 1944*. //Vikerkaar, 1991, 2.
- Laasi, Evald. *Sissisõjast Eestis 1945–1953*.//Looming, 1989, 11.
- Laasi, Evald. *Vastupanuliikumine Eestis 1944–1949*. Dokumentide kogu. Tallinn, 1992.
- Laasi, Evald. *Viimane vastulöökk*.// Kultuur ja Elu, 1990, 4.
- Larin, Peeter. *Eesti Laskurkorpus Suures Isamaasõjas*. Tallinn, 1962.
- Leets, Georg. *Kuusteist aastat Siberis*.//Looming, 1989, 7–8.
- Leps, Ando. *Võimu kuriteod*.// Nõukogude Õigus, 1989, 4.
- Ligi, Herbert. *Ääremärkusi küüditamise ajaloole*. 11 Kleio, 1988, 1; 1989, 2; 1991, 3.
- Ligi, Herbert. *Eesti rahvastikukaotused Nõukogude Uidu vanglates ja sunnitöölaagrites*.// Kleio, 1993, 8.
- Lindmäe, Herbert. *Suvesõda Tartumaal 1941*. Tartu, 1999.
- Lindmäe, Herbert. *Suvesõda Virumaal 1941*. Tartu, 2002.
- Lindmäe, Herbert. *Suvesõda Viljandimaal 1941*. Tartu, 2004.
- Loeber, Dietrich A. *Baltisakslaste ümberasumine Eestist ja Lätist*.//Looming, 1989, 9.
- Loeber, Dietrich A. *Diktierte Option. Die Umsiedlung der Deutschbalten aus Estland und Lettland 1939 bis 1941*. Neumünster, 1972.
- Mandel, Mati. *Sõjalõpu sündmused Keila ümbruses*. Keila, 1994.
- Maripuu, Meelis. *Eesti juutide holokaust ja eestlased*. //Vikerkaar, 2001, 8–9.
- Martis, Ela. *Üliõpilaste represseerimisest 1950–51*. //Tartu Ülikooli ajaloo küsimusi, XXV. Tartu, 1991.
- Mengel, Hamilkar. *Suurim armastus*. I–IV. Geislingen, 1960–1963.

- Merila-Lattik, Helbe. *Eesti arstkond ja okupatsioonid*. ORURK, 4. Tallinn, 1995.
- Misiunas, Romualdas; Taagepera, Rein. *Baltisõlteaastad 1940–1990*. 3 изд. Tallinn, 1997.
- Mõtlus, K. *Pool sajandit märtsiküüditamisest Võrumaal 1949. a*. Metstaga, 1999.
- Myllyniemi, Seppo. *Yhteistyö ja vastarinta kahden miehityksen aikana*.// Pro Estonia, 1993, No. 1.
- Niitsoo, Viktor. *Avalik vastupanuliikumine Eestis aastail 1977–1984*.// Akadeemia, 1992, 9–10.
- Niitsoo, Viktor. *Eesti rahvuslik vastupanuliikumine aastail 1968–1975*. // Akadeemia, 1993, 9–10.
- Niitsoo, Viktor. *Rahvuslik vastupanuliikumine aastail 1955–1962*. // Akadeemia, 1994, 12; 1995, 1.
- Noor, Heino. *Torture survival, political rituals and suicide. National experience of Estonia*.// International Rehabilitation Centre for Torture Victims (IRCT). Annual Report 1996. Copenhagen, 1997.
- Noor, Heino. *Vaimse tervise poliitilisi aspekte. Enesehävituslikust käitumisest sovetiaegses Eestis*.// Akadeemia, 1994, 9.
- Noor, Heino. *Victims of Communism in the Changing Society of Estonia. Presentation on the IV Congress of the International Association of Political Prisoners and Victims of Communism*. Budapest, 1995.
- Nõmm, Toe. *Eesti Territoriaalkorpus 1940–1941*. // ENSV TA Toimetised. Ühiskonnateadused, 1990, 1.
- Nõmm, Toe. *Eesti üksustest Saksa sõjaväes: Formeerimine ja isikkoosseis*. // Akadeemia, 1990, 1.
- Охманн, Вальдур. *Процесс передачи архивных документов КГБ ЭССР в филиал Госархива Эстонии и материалы, связанные с репрессиями граждан*. / Документы КГБ в Балтийских странах. Таллинн, 1996.
- Parming, Tõnu. *Population Changes in Estonia, 1935–1970*. // Population Studies. Vol. XXVI. No. 1. March, 1972.
- Parming, Tõnu. *Rahvastikuteadusest ja rahvastikust Eestis nõukogude ajastul*. // Tulumuld, 1972, 1.
- Pihlau, Jaak. *Eesti sõjaväe häving aastal 1941*. ORURK. Tartu, 2003.
- Purre, Arnold. *Soviet Farming Failure Hits Estonia*. Stockholm, 1964.
- Raag, Raimo. *Eestlane väljaspool Eestit. Ajalooline ülevaade*. Tartu, 1999.
- Raag, Raimo. *Eestlased Rootsisis*. // Looming, 1989, 6.
- Rahi, Aigi. *1949. aasta märtsiküüditamine Tartu linnas ja maakonnas*. Tartu, 1998.
- Rahi, Aigi. *On the Current State of Research into Repression in Estonia*. / Yearbook of the Occupation Museum of Latvia 2002, Power Unleashed. Riga, 2003.
- Rahi, Aigi. *Mass Repressions in Estonia after World War*. // Kleio. Estonian Historical Journal. Special Issue in English. 1994.
- Rahi, Aigi. *Project A Joint Register of Estonian Population Losses: sources and methods of research*. / The Soviet Occupation Regime in the Baltic States 1944–1959: Policies and their Consequences. Materials of Conference. Riga, 2003.

- Rahi, Aigi. *The Population Potential of the Estonian Countryside in the Years 1918, 1939 and 1992. / The Independence of the Baltic States: Origins, Causes and Consequences. A Comparison of the Crucial Years 1918–1919 and 1990–1991.* Lithuanian Research and Studies Center. Chicago, 1996.
- Rahi, Aigi; Must, Aadu. *Katkenud töö.* // Kleio, 1993, 8.
- Raid, Lembit. *Kas peremees või käsualune? Ülevaade parteiarhiivi materjalidest. I–III.* // Kleio, 1992, 5/6; 1993, 8; 1995, 2.
- Raid, Lembit. *Tartu Ülikool pärast EK(b)P Keskkomitee 1950. aasta märtsipleenumit.* // Tartu Ülikooli ajaloo küsimusi, XXVII. Tartu, 1993.
- Raid, Lembit. *Tartu Ülikool stalinistlikus parteipoliitikas aastail 1940–1952.* // Tartu Ülikooli ajaloo küsimusi, XXV. Tartu, 1991.
- Raun, Toivo. *Estonia and the Estonians.* 2. ed. Stanford, 1991.
- Rebas, Hain. *Pool sajandit hiljem: 14. juuni 1941. a. Massküüditamine Eestis.* // Tulumuld, 1991, 3.
- Rei, August; Uustalu, Evald. *The Drama of the Baltic Peoples.* Stockholm, 1970.
- Reinvelt, R. *Ingeri elud ja lood. Kultuurianalüütiline eluloouurimus. / Studia Ethnologica Tartuensia, 5.* Tartu, 2002.
- Roiko-Jokela, Heikki. *Neist, keda saatus Soome viis.* // Akadeemia, 1997, 8–9.
- Roose, Enn. *Nõukogude Liidu demograafi line kujunemine.* // Vikerkaar, 1988, 9.
- Rozītis, O. *Die Verantwortung angemacht.* // Baltische Briefe, 1995, No. 3/4, 4.
- Rubin, M. *Eesti maarahvastiku dünaamikast aastail 1947–1950.* // Eesti TA Toimetised. Ühiskonnateadused, 1991, 40.
- Räsänen, M. *Displaced persons: understanding human migration in Europe after the Second World War.* // Encountering ethnicities: ethnological aspects on ethnicity, identity and migration. Studia Fennica. Ethnologica, 3. Helsinki, 1995.
- World War.* // Encountering ethnicities: ethnological aspects on ethnicity, identity and migration. Studia Fennica. Ethnologica, 3. Helsinki, 1995.
- Sabbo, Hilda. *Võimatu vaikida, I–4.* Tallinn, 1996–2000.
- Sakkeus, Luule. *Post-war Migration Trends in the Baltic States.* // RU. Series B. No. 20. Tallinn, 1993.
- Sakkeus, Luule. *Refugees, Displaced Persons, Immigration and Emigration in Estonia 1946–1992.* Tallinn, 1993.
- Salo, Vello. *E. V. kaardriohvitseride saatus 1938–1996.* 3. tr. ORURK, 8. Tartu, 1996.
- Salo, Vello. *Population Losses in Estonia June 1940–August 1941.* Scarborough, 1989.
- Sarv, Enon. *Genotsiid ja apartheid okupeeritud Eestis.* // Akadeemia, 1997, 2–4.
- Sarv, Enon. *Õiguse vastu ei saa ükski.* Eesti taotlused ja rahvusvaheline õigus. 11. Tartu, 1997.
- Silliksaar, Silver. *Sinasilmitsi Siberiga. Mälestusteraamat 1951. aasta küüditamisest.* Tartu, 2000.
- Susi, Arno. *Mis on meile maksuma läinud okupatsioon?//* Looming, 1990, 2.
- Zubkova, E. *Rußland und das Jahr 1945.* // Nordost-Archiv. ОП. Ф. 5 (1995), N 1.
- Taagepera, Rein. *Casualties of Soviet Estonian Army Units in WWII.* /Prepared for the Baltic Studies Conference, University of Stockholm, June 3–6, 1987.
- Taagepera, Rein. *Jüri Kuke juhtum.* // Looming, 1989, 4–5.

- Taagepera, Rein. *One of the Twenty Million: A Soviet Estonian WWII Army Diary*. I Paper prepared for the Tenth Conference on Baltic Studies, University of Wisconsin, Madison, May 29–31, 1986.
- Talve, Leo. *Elanike ja maa-alade kaotused Eestis 1939–1958*.// Rahva Hääl, 13. juuni 1992.
- Talve, Leo. *Repressioonide all kannatas pool Eesti elanikkonnast*. Memento teabe-ja ajalootoimkond. // Rahva Hääl, 19.–23. okt. 1991.
- Tamm, Tuudur. *Need teod süüdistavad, I–II*. Geislingen, 1966; Toronto, 1968.
- Tannberg, Tõnu. *Relvastatud vastupanuliikumine Eestis aastatel 1944–1953 julgeoleku-organite statistikaapeeglis*.// Tuna, 1999, 1.
- Teder, Indrek N. *Liidu agressiooniga Eesti Vabariigile tekitatud kahjude hüvitamisest*.// Looming, 1990, 2.
- Tepp, Lembit. *Eestlaste võimalikust ja tegelikust arvust Eestimaal*.// Eesti Statistika, 1993, 11.
- Tepp, Lembit. *Ida-Virumaa rahvastik ja selle muutumine 1934–1989. a. jooksul*. Riigi Statistikaameti masinakirjaline kseropaljundus. Tallinn, 1990.
- Tepp, Lembit. *Rahvastiku välisrände lähte-ja sihtkohad*.// Eesti Statistika, 1994, 10.
- Tepp, Lembit. *Rahvastikuränne Eestisse ja Eestist välja*.// Eesti Statistika, 1994, 9.
- Tepp, Lembit. *Välismigratsiooni põhjused, migrantide paikus ja Eesti rahvastiku sünnikohad 1989. aasta rahvaloenduse andmetel*.// Eesti Statistika, 1994, 11.
- Tiit, Ene-Margit. *Eesti Vabariigi rahvuslik koosseis ja selle muutumine*.// Postimees, 23. veebr. 1993.
- Tiit, Ene-Margit. *Eesti rahvastik demograafi pilgu läbi. I Eesti tulevikusuundumused*. Tartu, 1995.
- Tiit, Ene-Margit. *Eesti rahvastik ja selle probleemid*. //Akadeemia, 1993, 8–10.
- Tulp, Harry. *Minu au on truudus*. Pataljon „Narva“ ajalugu. Tartu, 1995.
- Tõnismägi, Heino. *Massimõrv Kuressaares*. (1941. a.)//Politsei, 1996, 5–7.
- Tõnismägi, Heino. *Ülekohtu toimikud*. БНД. Tallinn, 1998. Tõnnus, Uno. „Soomepoiste“ langenud. ORURK, 9. Tartu, 1996.
- Uluots, Ülo. *Nad täitsid käsku*. Eesti ohvitseride saatus. Tallinn, 1999.
- Uustalu, Evald. *For Freedom Only*. Toronto, 1975.
- Uustalu, Evald. *The History of Estonian People*. Stockholm, 1962.
- Uustalu, Evald; Moora, R. *Soomepoisid. Ülevaade eesti vabatahtlike liikumisest ning sõjateest Soomes ja kodumaal Teise maailmasõja päevil*. 2. tr. Tallinn, 1993.
- Varju, Peep. *Eesti laste küüditamine 14. juunil 1941 kui genotsiidikuritegu*. ORURK, 2. Tallinn, 1994.
- Varju, Peep. *Eesti poliitilise eliidi saatusest*. ORURK, 1. Tallinn, 1994.
- Varju, Peep. *Eesti rahva inimohvrid Nõukogude ja Saksa okupatsioonide ajal 1940–1953*. ORURK, 10. Tartu, 1997.
- Varju, Peep; Vessik, Juta. *Population Losses in Estonian's Saaremaa County as a Result of the First Soviet Occupation*. ORURK, 6. Tartu, 1997.
- Veskimägi, Kaljo-Olev. *Nõukogude uuelaadne elu. Tsensuur Eesti NSV-s ja tema peremehed*. Tallinn, 1996.

- Villako, Kaljo. *Ühest rahvuslikust vastupanurühmast saksa ajal (1940–1943)*. // Akadeemia, 1993, 6.
- Västriku, Riho. *Klooga koonduslaager – Vaivara süsteemi koletu lõpp*. // *Vikerkaar*, 2001, 8–9.
- Vseiovi, David. *Kirde-Eesti urbaanse anomaalia kujunemine ning struktuur pärast Teist maailmasõda*. // Tallinna Pedagoogikaülikool. Humanitaarteaduste dissertatsioonid, 8. Tallinn, 2002.
- Walter, Hannes. *Must lehekülg Eesti rahva ajalooraamatus*. // *Luup*, 1996, 7.
- Warma, Aleksander. *Diplomaadi kroonika. Ülestähendus ja dokumente aastatest 1938–44*. 2. tr. Tallinn, 1993.
- Õun, Mati. *Võitlused Läänemerel. Suvi 1941*. Legende, oletusi ja veidi tõtki võitlustest Läänemerel, ta rannikul ja saartel. Tallinn, 1996.
- Õun, Mati. *Võitlused Läänemerel. Sügis 1941 ja 1942. aasta*. Järg legendidele, oletustele ja mõningasele tööle võitlustest Läänemerel, selle rannikul ja saartel. Tallinn, 1997.

Приложение 1. Изменения состава населения стран Балтии в 1939–1945 гг. (приблизительная оценка)

	Эстония	Латвия	Литва
Численность населения в октябре 1939 г.	1 130 000	2 000 000	2 950 000
Эмиграция и изменения административной территории в 1939–1941 гг.	- 20 000	- 70 000	+ 50 000
Советские репрессии 1940–1941 гг.	- 15 000	- 35 000	- 35 000
Принудительная мобилизация в Красную армию	- 35 000	- 20 000	- 60 000
Эвакуация в СССР в 1941 г.	- 30 000	- 40 000	- 20 000
Репрессии нацистов	- 10 000	- 90 000	- 200 000
Принудительная мобилизация в немецкую армию в 1941–1945 гг.	- 70 000	- 150 000	- 50 000
Принудительная трудовая мобилизация в Германию в 1941–1944 гг.	- 15 000	- 35 000	- 75 000
Бегство на Запад в 1942–1945 гг.	- 60 000	- 100 000	- 50 000
Советские репрессии 1944–1945 гг.	- 30 000	- 70 000	- 50 000
Изменения административной территории в 1945 г.	- 70 000	- 50 000	+ 25 000
Эмиграция в Польшу	0	0	- 150 000
Дефицит рождаемости	- 15 000	- 30 000	- 35 000
Возвращение из Германии	+ 60 000	+ 80 000	+ 50 000
Возвращение из СССР	+ 20 000	+ 20 000	+ 50 000
Численность населения в конце 1945 г.	850 000	1 400 000	2 400 000
Человеческие потери за 1939–1945 гг. (%)	25%	30%	15%

Источники: Romualdas Misiunas, Rein Taagepera. «Balti sõlтеаastad 1940–1990». Tallinn, 1997, стр. 329.

Приложение 2. Потери населения в Эстонии (приблизительные данные)

№	Категории	Всего	Выживших	Необратимые потери
1	Переселенцы в Германию	20 000		20 000
Первая советская оккупация (1940–1941 гг.)				
2	Арестовано:	8 000	200	7 800
2а	– убито в Эстонии			2 400
2б	– погибло в СССР			5 400
3	Депортировано	10 000	4 000	6 000
4	Принудительно мобилизовано в Красную армию	34 000	10 000	24 000
4а	– Погибло в пути			2 000
4б	– Погибло в Красной армии			10 000
4в	Погибло в трудовых батальонах			12 000
5	Эвакуировано в СССР	25 000	20 000	5 000
6	Пропало без вести	1 100		1 100
7	Бежало за границу	500		500
Немецкая оккупация (1941–1944 гг.)				
8	Погибло в немецкой армии	10 000		10 000
9	Казнено гражданских лиц	7 800		7 800
10	Направлено на трудовую повинность	800		200
11	Направлено в тюремные лагеря	4 000		1 040
12	Бежало в Финляндию	6 000		4 000
12а	– вернулось из финской армии	1 800		
13	Эвакуировано т.н. прибрежных шведов	7 900		7 900
14	Бежало на Запад	70 000		70 000
15	Погибло гражданских лиц в результате советских бомбардировок	800		800
16	Военнослужащие, казненные Красной армией в Чехии и Германии	1 000		1 000
Вторая советская оккупация (1944–1989 гг.)				
17	Арестовано	30 000	20 000	10 000
18	Депортировано	23 000	20 000	3 000
19	Погибло в движении сопротивления	3 000		3 000
20	Арестовано по политическим мотивам в 1953–1989 гг.	500		

III

ЗДРАВООХРАНЕНИЕ

Вирве Каск

Поскольку специальное исследование, касающееся здравоохранения в период с 1940 по 1991 гг. отсутствует, то представленный ниже материал может рассматриваться только как первоначальный обзор, составленный на основании информации, имеющейся в нашем распоряжении. В обзоре приведены проблемы здравоохранения, характерные для различных этапов вышеуказанного периода, прослежена динамика изменения основных статистических показателей и положения в здравоохранении, а также представлены некоторые демографические данные.

50-летнюю оккупацию можно разделить на три периода: 1940–1941 гг., 1941–1944 гг. и 1944–1991 гг. Первый и второй периоды характеризуются потерями, свойственными военному времени, третий период вплоть до 1953 г. отмечен сталинскими репрессиями, и лишь с середины 50-х годов началось более стабильное строительство системы здравоохранения. В период с 1939 по 1953 гг. Эстония потеряла, по меньшей мере, 735 врачей¹ (около 79%, исходя из количества врачей по состоянию на 1939 г.), в т.ч. 25 преподавателей Тартуского университета². На начальном этапе советской оккупации наиболее важным считался рост количественных показателей, однако со временем стали также обращать внимание на качество и содержание медицинской помощи, причем система здравоохранения зачастую должна была решать вопросы социальной помощи.

Средняя продолжительность жизни эстонцев в 1940 г. составляла 58,4 лет (в Финляндии – 57,3 лет), а в 1991 г. – 70 лет (в Финляндии – 75,5 лет)⁴.

3.1. О НЕКОТОРЫХ ТРУДНОСТЯХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СТАТИСТИЧЕСКИХ ДАННЫХ⁵

Сравнение статистических данных усложняется, прежде всего, тем обстоятельством, что соответствующие таблицы составлены по разным методикам. Поэтому нелегко установить даже такой показатель, как число

врачей, действовавших в Эстонии на начальном этапе рассматриваемого периода. В последний перечень, составленный Палатой врачей весной 1940 г., включено 848 врачей, поскольку до этого (10 марта 1940 г.) из списка были исключены имена 150 врачей – прибалтийских немцев, выехавших из Эстонии. Однако в таблице, опубликованной в Эстонском статистическом ежегоднике, указано, что в 1940 г. работало 1056 врачей. Если верить этой таблице, то к 1991 г. количество врачей возросло более чем в шесть раз (6527), медицинских работников среднего звена – более чем в 9 раз, а медицинских учреждений стало в 2 раза больше. Все эти данные нуждаются в основательных комментариях, особенно если мы хотим сравнить их с данными за 1940 г. или с данными по Финляндии, сохранившей после войны свою независимость. Согласно таблице, в 1940 г. в Эстонии на каждые 10 000 жителей приходилось по 10 врачей, 14,1 медицинских работника среднего звена и 47,7 больничных койко-места; в 1991 году эти цифры составляли соответственно 41,6, 84,1 и 112,2. В Финляндии средняя продолжительность жизни в 1940–1991 гг. увеличилась на 18,2 года, а у нас – на 11,6 года.

Однако статистические данные составляют всего лишь одну часть обзора положения в здравоохранении. Поэтому следует подчеркнуть, что хотя 20 лет независимости оказалось недостаточно для создания целостной системы здравоохранения, население Эстонской Республики было все же в нормальных пределах обеспечено медицинской помощью. Первым серьезным ударом стала эмиграция 195 врачей в рамках переселения в Германию прибалтийских немцев. Врачи подверглись также мобилизации в армии обеих стран, оккупировавших Эстонию, во время войны вся система здравоохранения подчинялась нуждам армии. В послевоенных условиях созданию системы здравоохранения препятствовали жестокие репрессии, последствия которых ощущались даже тогда, когда с медицинского отделения Тартуского университета прибыло новое поколение врачей «с политически безупречным прошлым».

Основные проблемы, связанные с охраной здоровья людей, не решаются за одну ночь. Например, алкоголизм и туберкулез представляли для Эстонии серьезную проблему уже в царское время, оставаясь таковыми и в наши дни. Не исчезнут в скором времени также проблемы, возникшие в оккупационный период (например, массовые аборты, наркомания).

3.2. ПЕРВАЯ СОВЕТСКАЯ ОККУПАЦИЯ (1940–1941 гг.)

Проведя формальную национализацию системы здравоохранения, новые власти не успели в течение первого года оккупации предпринять что-либо серьезное, помимо планирования новых направлений работы. В Министерстве социальных дел разрабатывались новые законы и распоряжения, которые можно было бы быстро и без излишних затрат претворить в жизнь (например, изменения в правилах охраны труда, разработка Закона об охране труда работников умственного труда).

Вторая программа касалась ресурсоемких нововведений, в том числе организации бесплатного лечения, введения всеобщего пенсионного обеспечения по старости и строительства домов отдыха.⁷

Были национализированы частные лечебные учреждения, лаборатории, крупные аптеки, фармацевтические и оптические магазины и мастерские, а также магазины и мастерские медицинских средств и оборудования. Кроме того, была реорганизована и расширена таллиннская сеть здравоохранения, а в общее пользование переданы 12 больниц (бывшие частные клиники) вместо прежних трех.⁸ Расширилась также тартуская сеть здравоохранения.⁹ Цены на лекарства были заморожены, причем лекарств с Запада больше не получали. К концу первой советской оккупации число врачей в Эстонии уменьшилось на 229 человек.¹⁰ Из них 57 врачей стали жертвами репрессий, 89 эвакуировались в советский тыл после нападения немцев на СССР, а 17 врачей были вывезены туда под предлогом мобилизации. Одной из первых жертв репрессий НКВД среди эстонских медиков стал бывший государственный старейшина и министр иностранных дел, признанный окулист Фридрих Акель, которого арестовали 17 октября 1940 г. и расстреляли 3 июля 1941 г. в Таллинне. Оккупационные власти установили в Эстонии режим тотальной слежки и доноительства, который гражданам демократического государства был до этого неизвестен. Насилие, применявшееся в течение десятилетий, нанесло психическому здоровью народа ущерб, который ощущается на протяжении нескольких поколений.

3.3. НЕМЕЦКАЯ ОККУПАЦИЯ (1941–1944 гг.)

В отличие от советской оккупации, немецкий оккупационный режим был **военным** на протяжении всего своего существования. Вся система здравоохранения (в т.ч. больницы) была подчинена законам, применявшимся на оккупированных территориях, мирное население получало медицинскую помощь лишь в последнюю очередь, то же касалось и получения лекарственных средств. Угрозу для мирных жителей представляли также прочие проблемы военного времени, особенно, плохие бытовые условия и ограниченное питание. К обеспечению военных нужд подключили также медицинскую кафедру Тартуского университета.¹¹

Из-за отсутствия медикаментов, недостатка продуктов и антисанитарных условий жизни страдали, прежде всего, городские жители. Из инфекционных заболеваний наиболее распространенной была дифтерия (до 25 случаев в неделю). На сыпной тиф приходилось по 7 случаев в неделю, встречались также единичные случаи брюшного тифа. Увеличилось количество венерических заболеваний, особенно у женщин.

Немецкие оккупационные власти также применяли репрессии, но не в таких масштабах, как при советском оккупационном режиме. Были казнены 19 врачей – как эстонцев, которых подозревали в коммунистических взглядах (доктор Артур Мезритс), так и оставшихся медиков еврейского

происхождения. Трех врачей-евреев спасли от гибели укрывавшие их коллеги-эстонцы. Арестованы были профессора медицинского факультета Тартуского университета Рудольф Бернакофф и Вальтер Хийе, которых подозревали в пробританских взглядах. По имеющимся сведениям, в рамках всеобщей мобилизации 1944 г. в немецкую армию призвали 39 эстонских врачей, из которых 6 были убиты на фронте. 3 врача погибли в 1943–1944 гг. в результате советских авианалетов на эстонские города.

В период, когда на смену немецкой оккупации вновь пришла советская, среди десятков тысяч беженцев, покинувших Эстонию, было также 312 врачей, на родине их осталось 389.¹² Массовые репрессии первого года советской оккупации породили огромный страх, вынуждавший людей покидать свою страну. Известно, что среди беженцев было около 155 студентов Тартуского университета, продолживших образование и получивших диплом врача уже на чужбине, а также 12 профессоров медицинского факультета университета. Не менее 8 врачей-беженцев погибло в пути.

3.4. ВТОРАЯ СОВЕТСКАЯ ОККУПАЦИЯ (1944–1991 гг.).

3.4.1. ПОДГОТОВКА К ВОССТАНОВЛЕНИЮ СИСТЕМЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ ЭСТОНСКОЙ ССР (1943–1944 гг.)

Подготовка медицинских кадров началась в 1943 г. после того, как 31 декабря 1942 г. Совет народных комиссаров ЭССР признал необходимым основать на территории РСФСР учебное заведение для фельдшеров-акушерок с эстонским языком обучения. Помимо этого, по договоренности с Народным комиссариатом здравоохранения СССР в Москве были организованы курсы для руководителей отделов здравоохранения и их заместителей (15 человек), планировщиков (15), эпидемиологов (10), бактериологов (5) и врачей, руководящих работой медицинских учреждений (12). Планировалось также проведение курсов для помощников санитарных врачей.

11 января 1944 г. был подготовлен проект оперативного плана восстановления народного хозяйства Эстонской ССР, включавший также первостепенные задачи в области здравоохранения (помимо прочего, план предполагал проведение различных мероприятий в тылу). Наиболее важными задачами здравоохранения Народный комиссариат считал постановку на учет медицинских работников, открытие лечебных учреждений, изоляцию инфекционных больных и проведение санитарно-гигиенического контроля.¹³ Для осуществления этих мер был издан приказ от 27 июня 1944 года по вопросам кадров, оборудования, лечения и организационной работы. Из-за нехватки специалистов, на должности руководителей отделов здравоохранения приходилось, помимо врачей, принимать также фельдшеров и студентов старших курсов медицинского отделения, состоявших в КПСС. Они приехали в Эстонию в составе т.н. опе-

ративных групп сразу после прибытия советских войск. Общее руководство системой здравоохранения осуществлял народный комиссар Виктор Хийон, а специальным отделом руководил студент Александр Ряни. Например, заведующим отделом здравоохранения на острове Сааремаа назначили фельдшера Пауля Обершнайдера, а Валгаским отделом стал руководить студент Кирилл Кленский.

С установлением новой советской оккупационной власти возобновились массовые аресты, которым, в числе прочих, подверглись известные врачи, решившие остаться на родине. 14 октября 1944 г. был арестован Юхан Реймасте, 23 октября – Вольдемар Сумберг, в ноябре – Аугуст Кукемилк, 18 декабря – Роберт Латтик, 23 декабря – Херман Курба (к концу года – 10 врачей). К 1953 году жертвами репрессий стали не менее 54 эстонских врачей.

3.4.2. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАБОТЫ В ОБЛАСТИ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В 1944–1949 гг.

В Тарту было восстановлено медицинское училище, возобновило работу и Таллинское медицинское училище (на базе резвакуированного из Тамбова училища для подготовки медсестер). В конце 1945 г. были открыты также медицинские училища в Раквере и Вильянди. На курсы повышения квалификации врачей в Москве и Ленинграде было направлено 40 медиков.¹⁴ Подготовкой медицинских кадров занималось и Общество Красного Креста ЭССР. Нехватка кадров обуславливала назначение на ответственные должности работников, не имевших соответствующей квалификации и не владевших эстонским языком, что еще более усиливало антипатию врачей к «русским порядкам».

1 ноября 1944 г. началась вакцинация населения против наиболее распространенных инфекционных заболеваний (дифтерии, оспы, тифа, паратифа и дизентерии). Для пресечения распространения дифтерии предусматривались прививки для детей в возрасте от 6 месяцев до 12 лет; профилактика желудочно-кишечных инфекций охватывала возрастную группу от 12 до 55 лет. Серьезной проблемой являлась также чесотка, поэтому при кожно-венерологических диспансерах были созданы отдельные лечебные пункты.

9–11 марта 1945 г. состоялся съезд работников здравоохранения ЭССР. На нем было заявлено, что всего в системе здравоохранения насчитывается 1645 должностных мест для врачей общего профиля и 245 – для стоматологов; первые были заполнены на 26,9%, вторые – на 26,1%. В реальности требовалось 900 врачей, т.е. не хватало 457 специалистов. В отношении медицинского факультета Тартуского государственного университета было признано, что по сравнению с 1941 г. сохранилось лишь 2/3 преподавательского состава; заведующих кафедрами, не имевших научной степени, насчитывалось 11 человек, а должности ассистентов занимали студенты старших курсов. В 1944 г. в университете

были созданы новые кафедры – кафедра организации здравоохранения и кафедра инфекционных заболеваний. В ноябре 1944 г. в Таллинне работали Управление медицинского снабжения, Управление вышгородских медицинских учреждений и Научно-медицинская библиотека, общая численность работников в которых достигала 2487 человек.¹⁵ После демобилизации и возвращения из СССР, в 1945 году, в Эстонии насчитывалось 443 врача и 65 стоматологов.¹⁶

В Тарту отдел здравоохранения начал свою работу сразу после вступления советских войск (25 августа 1944 г.). В городе не работал ни один врач, не действовало ни одно лечебно-профилактическое учреждение. Прежде всего, была открыта городская больница, работавшая в помещениях женской клиники. Позже в работу включились инфекционная больница, кожно-венерологический диспансер, водолечебница, детская туберкулезная больница, 1-ая поликлиника, туберкулезный диспансер и санэпидемстанция. В течение первого года (с 25 августа 1944 г. по 10 октября 1945 г.) количество медицинских работников возросло от одного специалиста до 44 врачей и 67 медсестер.

Из 272 зданий домов отдыха и санаториев (1941 г.) к осени 1944 г. осталось 186. Грязелечебницы в Хаапсалу и Пярну были разрушены, а лучшие курорты Эстонии – в Нарва-Йыэсуу, Ору и Пюхаярве были сожжены почти дотла. Развитие сети санаториев началось медленно, однако были открыты дома отдыха в Выру и Аэгвийду.

Для борьбы с инфекционными заболеваниями в 1945 г. была проведена масштабная вакцинация. По плану для инфекционных больных было предусмотрено 770 койко-мест, но на самом деле их было создано 1011. Во всех сельских медицинских пунктах имелись изоляторы, удалось также организовать санитарный транспорт.

В 1946 г. в Эстонии было 519 врачей, которые замещали должности 871 медика (коэффициент совместительства 1,6). План комплектации был выполнен на 64,8% (требовалось 800 врачей, которые должны были заполнить 1242 должности), не хватало 281 врача. Многие плановые должности занимали, как было отмечено выше, лица с низкой квалификацией, прибывшие из СССР. Из-за недостатка врачей-специалистов большие трудности ощущались, прежде всего, при оказании специализированной врачебной помощи.¹⁷ Для того, чтобы повысить качество специализированного лечения и обеспечить организационно-методическое руководство, в 1946 г. в ЭССР был создан институт главных врачей.¹⁸ Открывались и восстанавливались детские санатории и больницы. В 1946 г. завершились строительство детского санатория в Таэваскоя и восстановление детского санатория в Лустивере. В Тарту была открыта первая детская туберкулезная больница. В Таллинне и Тарту были созданы станции переливания крови.

Остро стояла проблема туберкулеза: каждый месяц в среднем умирало от 15 до 25 больных, в основном, в возрасте 20–30 лет. Возможность изоляции тяжелобольных отсутствовала.

К концу 1950 г. в ведении Министерства здравоохранения ЭССР действовало 138 больниц, в которых насчитывалось в общей сложности 6357 койко-мест¹⁹, однако целый ряд лечебно-профилактических учреждений относился к системам других ведомств.²⁰

В то же время продолжались репрессии. В ходе массовой депортации 25 марта 1949 г. в Сибирь были сосланы с семьями таллиннский городской врач Николай Сарв и тартуский врач Клавдия Безаницкая. Вторичному аресту были подвергнуты известные врачи: Михкель Каск – в 1947 г., Харри Рютманн и Леонхард Мардна – в 1949 г. Из числа врачей Таллиннской центральной больницы были арестованы главный хирург ЭССР Георг-Бернхард Ярвекулг – в феврале, а Рудольф Мюйрсепп и Юлиус Палдрок – в ноябре 1951 г. Г.-Б. Ярвекулг погиб 10 августа 1953 г. в Нарвском лагере политзаключенных.

3.4.3. ЗДРАВООХРАНЕНИЕ В 1950–1991 гг.

В 1950 году основными проблемами медицинской научно-исследовательской работы были объявлены туберкулез, травматизм, профессиональные заболевания и дизентерия. Было заявлено, что рождаемость повысилась, общая и детская смертность понизились, а естественный прирост населения стал положительным.²¹ В то же время деятельность медицинского факультета Тартуского государственного университета понесла невосполнимые потери вследствие массовых репрессий, которые после мартовского Пленума КПЭ в 1950 г. достигли своей кульминации. 56 преподавателей университета подверглись репрессиям, были исключены сотни студентов, многие из них были арестованы.²² Из 17 профессоров медицинского отделения 12 были обвинены в т.н. буржуазном национализме и отстранены от работы; их заменили обладавшие более низкой квалификацией, но преданные партии врачи-коммунисты. Качество преподавания и научных исследований снизилось. Позже часть профессоров была вновь принята на работу.

В связи с политической «оттепелью», начавшейся в 1956 г., формирование системы здравоохранения также стало проходить спокойнее. В результате естественного развития наблюдался прогресс в науке и технике, повышалось благосостояние народа. Это отражалось и в медицине. Улучшились все демографические показатели (повысилась рождаемость, понизились общая и детская смертность, увеличился естественный прирост населения), велось строительство больших больниц, а бесплатная врачебная помощь стала доступной каждому – все это можно назвать положительной стороной социалистического общества.

С другой стороны, закрытость, присущая советской системе, тормозила развитие – в свободном обществе прогресс мог быть гораздо более ощутимым. Изоляция от Запада обусловила техническое отставание. Отсутствовала необходимая информация о международных исследованиях, а иностранную научную литературу, как и медикаменты

и современную аппаратуру, приходилось заказывать за валюту. Международные контакты были сведены к минимуму и больше зависели от места в партийной иерархии, чем от таланта и способностей человека. Больничная сеть была трехступенчатой, т.е. состояла из партийных, центральных и районных больниц, причем их возможности разительно различались. Техническое отставание врачам приходилось компенсировать своим умением и трудолюбием. Врачебная помощь, ориентированная на конкретного человека, все более заменялась борьбой с заболеваниями вообще. В милитаристском государстве предпочтение отдавалось военной промышленности, и когда в последние годы существования СССР экономическая ситуация ухудшилась, некоторые группы лекарственных средств попали в разряд дефицитных.

Советская алкогольная политика была неотделимой частью общества, основанного на насилии. Уже в первый год оккупации водка стала доступной повсеместно и без всяких ограничений. В результате **алкоголизм** стал общесоюзной медицинской проблемой. В Эстонии власти пытались объявить алкоголизм пережитком буржуазного общества и скрыть от общества наличие этой проблемы. До 1985 г. была запрещена публикация данных о количестве алкоголя, потребляемого в год на душу населения.²³ Этот показатель достиг своего пика в 1982–1984 гг.: 11,2 литра (в Финляндии в то же время – 6–7 л). Потребление алкогольной продукции несколько уменьшилось в 1985 г., однако смертность большей части жертв советского алкоголизма лишь сместилась на более позднее время, когда Эстония вновь стала независимой. Количество алкоголиков, находившихся на учете в лечебных учреждениях, достигло максимума в 1985 году, после чего уменьшилось, а в 1991 году число таких пациентов на 4168 человек превышало соответствующий показатель 1980 года. В этот же период численность наркоманов и токсикоманов возросла с 93 до 266.

Аборты, которые в Эстонской Республике, а также поначалу и в Советском Союзе были запрещены, узаконили в 1955 году. Вскоре это стало настоящей проблемой, достигшей пика в 1970-е гг. (в 1970 г. на 100 родившихся приходилось 188,7 абортов). Независимая Эстония унаследовала и эту проблему.²⁴

Благодаря изолированности от внешнего мира в период оккупации, **наркомания** появилась в Эстонии относительно поздно. Если в 1980 г. было зарегистрировано только 1000 случаев употребления наркотических средств, то в 1985 г. – уже 5000. ВИЧ-инфекция была отмечена в Эстонии лишь в единичных случаях в последние годы оккупации (в 1990 г. было выявлено 6 носителей ВИЧ-инфекции и 8 заболевших СПИДом).²⁵

К моменту окончания 50-летнего периода советской оккупации, в 1991 г., в Эстонии насчитывалось 6527 врачей, 13 215 медицинских работников среднего звена и 17 626 больничных койко-мест (в расчете на 10 000 человек, соответственно – 41,6, 84,1 и 112,2). Однако показатель средней продолжительности жизни эстонцев, который до оккупации был выше, чем у финнов, теперь уступал показателю северных соседей на 5,5 лет.

- ¹ См. Merila-Lattik, Helbe, 1995, более подробно – Merila-Lattik, 2000, 7–34 и приложения.
- ² Подробнее см. в статье «*Kõrgharidus ja teadustöö*» (Laas, Jaan); также Merila-Lattik 2000 (перечень на стр.11–51 и далее).
- ³ Report, 1991, 45
- ⁴ В качестве источников использованы ежегодники Eesti Statistika и Eesti NSV Rahvamajanduse Statistika и Ilmoja 2002. – Более подробный обзор: Ahelik 1980
- ⁵ См. Eesti Statistika, 1937, 1938, 1939, 1940 (январь); Ahelik 1980
- ⁶ См. Merila-Lattik, Helbe, 2000, 17
- ⁷ Обсуждались, например, следующие темы: реорганизация прежней системы здравоохранения, командировки медицинских работников в СССР для ознакомления с советской системой здравоохранения, национализация частных медицинских учреждений и предприятий, предоставление трудящимся бесплатной врачебной помощи, предоставление всем туберкулезным больным бесплатного лечения, введение государственного социального обеспечения для рабочих и служащих, задачи медицинских учреждений по профилактике инфекционных заболеваний и борьбе с ними, расширение системы здравоохранения, выявление причин временной нетрудоспособности на более крупных промышленных предприятиях, исследование санитарно-медицинских условий в районах добычи горючих сланцев, открытие дополнительных больниц в связи с началом войны, действия Эстонского общества Красного Креста в условиях военного положения.
- ⁸ В Городской центральной больнице (бывшей Городской больнице) к работе приступили 30 врачей, была установлена общая норма вместимости – 562. Были образованы 2-ая Городская больница (бывшая Больница всеобщей больничной кассы, соответственно 12 и 160), Таллиннская терапевтическая больница (бывшая клиника Грейфенхагена, 4 и 60), 2-ая невропатологическая больница (бывший санаторий Хирша, 2 и 40), 1-й родильный дом (бывшая клиника Крулля, 3 и 35), 2-й родильный дом (бывшая клиника Кньюпфера, 2 и 25), инфекционная больница (бывшая 2-ая больница на ул. Магазины, 7 и 300); а также отделение для туберкулезных больных, Таллиннская детская больница (бывшая клиника Крулля, 70 койко-мест), кожно-венерологический диспансер (ул. Везренни, с увеличением койко-мест).
- ⁹ Ранее в Тарту работали: инфекционная больница, мужская и женская больницы, врачебная консультация для матери и ребенка, отдел здравоохранения, полиция по охране здоровья. Всего насчитывалось 165 койко-мест, 17 врачей, 2 стоматолога, 13 фельдшеров-медсестер. После увеличения насчитывалось: койко-мест – 303, врачей – 76, стоматологов – 13, фельдшеров-медсестер – 84, остального персонала – 195, всего – 368 человек.
- ¹⁰ Из них 45 уехали в ходе завершающего этапа переселения прибалтийских немцев. Подробнее см. Merila-Lattik 2000, 19–23.
- ¹¹ Подробнее см. в статье «Высшее образование и наука» (5.3.1.) настоящего издания.
- ¹² EE 11, 403; Merila-Lattik 2000, 24–28.
- ¹³ Точнее: в течение трех дней поставить на учет и утвердить в должности всех медицинских, фармацевтических и прочих работников системы здравоохранения (используя при необходимости на должностях врачей студентов 4-х и 5-х курсов, а также медицинский персонал среднего звена); в течение трех дней организовать работу санитарно-эпидемиологических станций и инфекционных

больниц; в течение пяти дней ввести в действие больницы общего типа, амбулатории, лепрозории, детские учреждения и необходимую аптечную сеть; в течение семи дней организовать в необходимом количестве санитарно-карантинные пункты упрощенного типа и дезинфекционные камеры, чтобы обеспечить санитарно-карантинный режим для всего населения территории, подвергнутой угрозе инфекционного заражения; в течение семи дней выявить и изолировать лиц, страдающих инфекционными заболеваниями; в течение четырнадцати дней открыть сельские медицинские пункты, причем при каждом таком пункте организовать в течение первых 20 дней стационарные отделения в расчете на 5–10 койко-мест и аптечный пункт; начиная с первого дня производить санитарно-эпидемиологические исследования и дезинфекцию в населенных пунктах, местах водозабора, на складах, в жилых домах, магазинах и т.д.

¹⁴ 10 эпидемиологов, 10 санитарных инспекторов, 5 окулистов, 5 хирургов, 3 гинеколога, 4 педиатра, 2 врача по кожно-венерологическим заболеваниям, 2 врача-невропатолога (приказ Наркома здравоохранения ЭССР от 11.XII.1944).

¹⁵ 353 врача, 448 медсестер, 117 фельдшеров, 106 акушерок, 25 массажистов, 46 лаборантов, а также 1368 прочего персонала, работающего в медицинских учреждениях (доклад наркома Совету народных комиссаров от 17.XI.1944).

¹⁶ ЕЕ 11, 403.

¹⁷ Например, для замещения должностей эпидемиологов удалось найти специалистов в пределах всего лишь 6%, санитаров и окулистов – 20%, отоларингологов – 40% от необходимого количества.

¹⁸ *Ahelik* 1980, 289.

¹⁹ В т.ч. в городах – 61 (5014 койко-мест), в сельской местности – 77 (827). Всего в лечебных учреждениях насчитывалось 7151 койко-место. См. *Ahelik* 1980, 336 и далее.

²⁰ Например, медицинские учреждения для работников железнодорожного и водного транспорта, санатории общего типа для профсоюзных работников и пр. (см. Народное хозяйство ЭССР 1970 г.)

²¹ См. *Ahelik* 1980, 312. Ср. постановление Коллегии министерства здравоохранения ЭССР от 25 августа 1949 г.

²² Подробнее см. в статье «*Kõrgharidus ja teadustöö*» 5.4.1.; целый ряд деталей приводит Merila-Lattik 2000, 27–32 – В период политической «оттепели», последовавшей вслед за смертью Сталина, некоторые преподаватели были вновь приняты на работу.

²³ По имеющимся данным, первая статья с указанием конкретных данных была опубликована лишь в 1985 г. на страницах газеты *Noorte Hääli*.

²⁴ Uibu, Kalju. 2000/2001, 15 и далее.

²⁵ Liiv, Anti. 2000.

Использованная литература

Eesti Statistika. Tallinn, 1931, 1937, 1938, 1939.

Eesti Statistika. Tallinn, 1940 (январь): стр. 8–44, 65–74, 172, 193–198, 279, 429, 500, 595.

Eesti Statistika aastaraamat:

1981, стр. 266–269,

1982, стр. 243–246,

1983, стр. 250–253,

1984, стр. 245–248,

1985, стр. 266–299,

1987, стр. 9–24, 435–358,

1989, стр. 334–353,

1990, стр. 45–56, 320–334,

1991, стр. 172–179,

1992, стр. 11–12, 26–27, 171–177.

ENSV Rahvamajanduse Statistika aastaraamat 1977–1988. Tallinn, 1989

Tervishoid Eestis 1917–1950. Koostajad S. Ahelik, E. Kipper, M. Nõmm, L. Varend.
Tallinn, 1980

Ilmoja, Vello; Mardna Peeter. Tervishoid Eestis uue aastatuhande lävel. TEA, 2002,
стр. 288–294.

IV

ПОСТОЯННЫЕ НАРУШЕНИЯ ЗДОРОВЬЯ

Хейно Ноор

Репрессивная политика и террор со стороны СССР повлекли за собой тяжелые человеческие потери в оккупированной Эстонии. Совершая массовые убийства, аресты и депортации, советская власть уничтожила или искалечила огромное количество людей и вызвала постоянные нарушения психического и физического здоровья у тысяч жителей Эстонской Республики. От прямых или косвенных репрессий пострадала примерно половина населения страны.¹ Пережитое насилие оставило неизгладимый след в народной памяти и привело к неизлечимым нарушениям здоровья, последствия которых будут ощущаться еще на протяжении нескольких поколений.

В данной главе рассматриваются нарушения здоровья, возникшие вследствие преступлений против человечности, совершенных в Эстонии в период советский оккупации, в числе которых особое место занимают сталинские репрессии (1940–1941 и 1944–1954 гг.).² Для анализа мы применяем как виктимологический, так и советологический подход, поскольку приходится рассматривать многие явления советской действительности.³

4.1. ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

В 1968 г. ООН принята Конвенция о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечности. Согласно этому документу, **преступлениями против человечности, к которым не применяется срок давности**, считаются *совершаемые оккупационной властью в отношении какой-либо национальной, этнической, расовой или религиозной группы и/или членов такой группы в военное или мирное время преднамеренные и/или предумышленные убийства, уничтожение, насильственное переселение, депортация, преследование и гонения, создание таких условий существования, которые рассчитаны на полное или частичное физическое уничтожение либо на предотвращение деторождения, причинение серьезных телесных повреждений или умственного расстройства.*

В Пениitenciарном кодексе Эстонской Республики (ПАЭ, 2003, 1, 504; статья 89) дается следующее определение преступлений против человечности:

систематическое или массовое нарушение прав и свобод человека, ограничение названных прав и свобод, а также убийство, истязание или изнасилование лиц из числа гражданского населения, причинение вреда их здоровью, их насильственная депортация, высылка, принуждение к занятиям проституцией, бесхозяйное лишение свободы либо иное ненадлежащее обращение с ними, совершенные при подстрекательстве либо под руководством государства, организации или группы лиц.

Подобные преступления совершались в Эстонии в течение всего периода советской оккупации.

Представленные данные, наблюдения и анализ основаны на результатах десятилетней деятельности (1993–2003 г.) Тартуской службы медицинской реабилитации (СМР), которая в порядке гражданской инициативы оказывает безвозмездную помощь более чем 700 жертвам репрессий (как советских, так и нацистских). Автор настоящей главы, являющийся врачом-консультантом СМР, был в 1941 г. депортирован советскими репрессивными органами, в 1944 г. арестован и 8 лет провел в лагерях (в ГУЛАГе) в качестве политзаключенного.⁴

4.2. ЗНАЧЕНИЕ СОВЕТСКИХ РЕПРЕССИЙ

Репрессии, совершенные в отношении эстонского народа в годы советской оккупации, по их обширности и тяжести можно сравнить с **Холокостом**. Исследователи подтверждают, что почти у всех выживших жертв Холокоста отмечены длительные физические или психические расстройства.⁵ Подобные изменения в психике проявляются во втором и даже в третьем поколении, т.е. в общей сложности примерно в течение 50 лет. Следовательно, в Эстонии они исчезнут не ранее чем в 2030–2040-х годах. 30–60% выживших после репрессий нуждаются в опеке, из них 10–30% – в медицинской помощи. То, что произошло у нас, можно назвать эстонским Холокостом.⁶ Однако хотя непосредственные или отдаленные последствия репрессий схожи с последствиями Холокоста, у нас они мало изучены. То же можно сказать и о проявлениях этноцида, ставшего основой советской репрессивной политики.⁷ Длительная насильственная советизация Эстонии создала тотальную психотравматическую ситуацию. Конкретные проявления психических травм, их длительность и последствия зависели от дотравматического состояния той или иной социальной группы или личности, степени тяжести травм и адаптационных возможностей.

Нельзя сказать, что советское время было для эстонского народа бесконечной цепью преступлений против человечности. Многие репрессированные сумели сохранить и развивать как национальные ценности, культуру, науку, так и экономику. Это следует учитывать, но все же не следует приуменьшать страдания тех, кто боролся против насилия.

4.3. ЦЕЛИ РЕПРЕССИЙ И РЕПРЕССИВНЫЕ МЕРЫ

Репрессиями называют осуществляемое в отношении жителей оккупированной территории насилие, которое соответствует политическим целям иноземной власти и противоречит нормам международного права.

Целью советских репрессий было подавление и/или уничтожение активной части народа.⁸ В то же время, насильственные действия представляли собой средство, заставлявшее чувствовать постоянный сознательный или подсознательный страх и, как следствие, подчиняться, молчать или приспосабливаться к существующей ситуации, смириться или более того – сотрудничать с властью, поскольку, помимо прочего, это был страх лишиться возможности для самореализации. **Формирование чувства страха и тревоги являлось как целью, так и результатом мер, направленных против человечности.** С другой стороны, тяжелую травму, причиненную эстонскому обществу, пытались стереть из его памяти посредством непрекращающейся «промывки мозгов», **что означало насильственное переформирование позиций, убеждений и человеческих принципов.** Чувства и воля объекта «промывки мозгов» должны были преобразиться таким образом, чтобы они соответствовали образу т.н. советского человека, у которого не должно было быть национальных, религиозных или общечеловеческих идеалов. Уклонение от соблюдения «норм советской морали» опять же влекло за собой репрессии.

Основными **насильственными мерами** были массовые убийства, депортации,¹⁰ пытки и угрозы. Немецкие оккупационные власти, пытаясь заручиться поддержкой эстонского народа в войне против СССР, подробно описывали жестокость и масштабность советского террора в период с 1940 по 1941 год. Оставшиеся в живых жертвы могли подтвердить правдивость представленных данных. Страх перед возвращением советской власти в 1944 г. заставил десятки тысяч эстонцев покинуть родину. В период второй советской оккупации 1944–1990 гг. очень многие из тех, кто остался, подверглись репрессивным мерам, известным уже с 1940–1941 гг.

Пытки можно подразделить на физические и психические. В СССР оба способа считались оправданными.¹¹ Их применяли в качестве обычных вспомогательных средств для получения информации, признавательных показаний или доносов.

В качестве физических пыток применялись избивания, удушение, «воздействие» электрическим током и огнем, сдавливание половых органов, выворачивание головы и шеи и т.п. Иногда крики и стоны жертв усиливали с помощью громкоговорителей или граммпластинок.¹²

Психические пытки применялись в виде угроз нанесения телесных повреждений, угрозы оружием, длительного лишения сна, ночных допросов, многодневного содержания в темной одиночной камере и т.п. Жертв заставляли также смотреть на пытки других допрашиваемых, в т.ч. родственников, и участвовать в их унижении (например, одного допрашиваемого ставили на колени, заставляя его широко раскрыть рот, а другой

допрашиваемый должен был под угрозой выстрела в затылок мочиться туда, чтобы следователь мог получить от последнего желаемые «показания» против первого допрашиваемого).

Следы, остающиеся в сознании человека после психических пыток, зачастую бывают более серьезными, чем телесные повреждения. На основании полученного таким образом «признания» могли вынести смертный приговор; особенно это касалось политических процессов, где было достаточно лишь признания вины. И даже в наши дни такими «признаниями» можно манипулировать в злонамеренных целях, если это касается поднятых постфактум политических «дел», к которым не применяется срок давности.

Следователи могли при помощи пыток добиться, чтобы пытаемый **оговорил** обвиняемого, возложив на него реальную или вымышленную вину («я был не один», «не столько я, сколько он» и т.п.), или **донес** на него. До 1950-х гг. в советской системе правосудия господствовала т.н. доктрина Вышинского, основанная на презумпции виновности. Она заключалась в том, что не государство (следствие, суд и т.п.) должно было доказывать вину обвиняемого, а сам обвиняемый обязан был доказать свою невиновность.

Одним из приемов психологического давления было объявление человека подозреваемым (например, в том, что он враг народа, контрреволюционер, кулак, сын (дочь) кулака, фашист, инакомыслящий, неблагонадежный элемент). С таким человеком общаться было опасно.

Угрозы и запугивания усиливались их масштабами: они использовались не только в тюрьмах, которые на тюремном жаргоне назывались «малой зоной», но и на просторах всего Советского Союза, получившего на тюремном языке меткое название «большая зона». Попадание из «большой зоны» в «малую» было лишь делом времени. В «большой зоне» жили т.н. советские люди, над головами которых постоянно висел дамоклов меч страха.

4.4. ОСНОВНЫЕ РАССТРОЙСТВА ЗДОРОВЬЯ

Расстройством здоровья называется состояние, при котором нарушено физическое и/или психическое благополучие человека, причем человек этот нуждается в лечении, а в наиболее тяжелых случаях неизлечим. Ниже более подробно рассматриваются основные расстройства здоровья, от которых эстонский народ страдает вследствие тюремных и прочих репрессий.¹³ Кодовый номер, указанный после диагноза, представляет собой обозначение данного расстройства здоровья, применяемое в действующей Всемирной классификации болезней.

(ICD – 10, Всемирная Организация Здравоохранения, Женева, 1992.)

4.4.1. СОМАТИЧЕСКИЕ, ИЛИ ФИЗИЧЕСКИЕ ЗАБОЛЕВАНИЯ И ТРАВМЫ

Наиболее распространенной внешней причиной смерти или расстройства здоровья в результате применения насилия является кратковременное или длительное *насилие* (X85-Y09).

Недостаточное питание, маразматический квашиоркор, алиментарная дистрофия (E42), хроническая недостаточность витаминов, авитаминоз, пеллагра, скорбут (E50, E64), а также их остаточные явления и отдаленные последствия.

Пневмокониоз (J60-J65) возникал в результате принудительных и каторжных работ на медных, золотых, никелевых, угольных и пр. рудниках и шахтах, где отсутствовала минимальная охрана труда.

Лучевая болезнь в совокупности с пневмокониозом (T66, V88) возникала в результате выполнения работ по добыче радиоактивных руд (например, урана) в тюремных лагерях на Колыме, в Норильске или др. Многие из пострадавших умерли в Эстонии вскоре после возвращения домой.

Такие инфекционные заболевания, как *легочный и костный туберкулез (A15, A19, B90), сыпной тиф (A79), сопутствовавший завшивленности (A75), и их остаточные явления, брюшной тиф (A01)*. Особый характер носило такое инфекционное заболевание, как *бруцеллез (A23)*. Им заболели многие депортированные в 1949 г. в Сибирь женщины, которых заставляли работать без средств защиты в зараженных возбудителями бруцеллеза хозяйствах, где содержались овцы, крупный рогатый скот или северные олени. Многие из этих женщин страдают и по сей день, став пожизненными инвалидами из-за тяжелой формы полиартрита, вызванной хроническим бруцеллезом, а также из-за бездетности.¹⁴

Постоянные нарушения здоровья возникли и в виде *синдрома жестокого обращения (Y07)*, т.е. в результате длительного пребывания на холоде, под открытым небом или без пищи и воды (X53, X54). *Переломы и прочие травмы (T03)* возникали в результате пыток и побоев, а также господствовавших в ГУЛАГе бесчеловечных условий труда.

Неизлечимые заболевания, возникавшие в результате сужения артерий нижних конечностей (например, *облитерирующий эндартерит*) (I73 – I99), зачастую приводили к гангрене (R02) и ампутации конечностей либо смерти. В большинстве случаев подобные расстройства здоровья возникали у заключенных, долгое время работавших на рудниках и в шахтах Заполярья (Воркута, Инта).

4.4.2. РАССТРОЙСТВА ПСИХИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ

Психическая травма – это обусловленное потрясением или чрезмерными отрицательными эмоциями состояние психического напряжения, влияющее на психику человека и влекущее за собой расстройство психического здоровья. Травмирующее событие является объективно или с точки зрения пострадавшего ужасным или связано с несчастным случаем или насилием

либо потерей контроля над своей жизнью. Если травма и связанные с ней последующие симптомы вызваны репрессиями и влияют на духовную жизнь человека или связанных с ним людей, то такая травма считается репрессивной. По сравнению с природными катастрофами и т.н. форс-мажорными обстоятельствами, травма, причиненная человеком, вызывает гораздо более тяжкие стойкие расстройства здоровья.

В международной классификации психические травмы и их причины подразделяются по степеням тяжести.¹⁵ Психические травмы, причиненные жителям Эстонии в рассматриваемый период, по степени тяжести относятся к экстремальным и *катастрофическим*.

В *репрессивных травмах* можно условно выделить три фазы:

- шок, потрясение, испуг, сопутствовавшие вызову в следственные органы, аресту или ссылке;
- адаптация, привыкание к ситуации (эта фаза могла продолжаться всего лишь несколько дней, но могла длиться годами);
- регрессия симптомов и посттравматическое стрессовое расстройство. В совокупности со стойкими остаточными явлениями и периодическими осложнениями могут продолжаться в течение всей жизни (см. подраздел 4.4.4.).

Во всех трех фазах могут возникнуть и другие более или менее тяжелые расстройства здоровья.

Специфическим приемом в советской практике применения политических репрессий и наказаний было **помещение лиц, подозреваемых либо уличенных в антисоветских настроениях или деятельности, в закрытые психиатрические больницы**. Применялась доктрина, согласно которой лицо, настроенное против советской власти, является пособником враждебного государства или империалистического окружения, классовым врагом или врагом народа, которого следует ликвидировать, т.е. изолировать от советского общества. Либо «преступник» является общественно опасным душевнобольным, который должен пребывать в психиатрической больнице. Таким образом, даже психиатрия была связана с политикой. Часто интернированному ставили диагноз «неврозоподобная шизофрения» или «вялотекущая шизофрения», после чего назначали лечение, в рамках которого на личность можно было оказывать влияние при помощи психотропных лекарственных средств. По имеющимся сведениям, в Тартуской психиатрической клинике такие диагнозы не ставились и вышеназванные методы не применялись (*Mehilane* и *Vasar*, 2004) – здешние диссиденты скорее попадали в тюремные лагеря, чем в психиатрические больницы.

Первого президента Эстонии Константина Пятса, арестованного 30 июля 1940 г., в течение 15 лет содержали в качестве интернированного в закрытых психиатрических больницах России. В декабре 1954 г. его привезли на месяц в Эстонию и поместили в психиатрическую больницу в Ямеяла с ложным диагнозом «старческий психоз». Уже в январе 1955 года он в сопровождении специального конвоя был переправлен обратно в Россию. К. Пятс умер 18 января 1956 г. в Бурашевской психоневроло-

гической лечебнице под Калинином от плеврита и инфекционного воспаления печени (Х. Ноор, 1994). В 1990 г. его прах удалось переправить с тамошнего специального кладбища в Эстонию, и 21 октября 1990 г. он был похоронен на таллинском кладбище Метсакальмисту.

4.4.3. ПСИХОСОМАТИЧЕСКИЕ ЗАБОЛЕВАНИЯ

Причиной, способствующей возникновению этих заболеваний, был постоянный стресс (состояние напряжения, обусловленное внешней средой и нарушенным равновесием внутренней среды организма) и дистресс (состояние чрезмерного напряжения, скрытая ярость, сдерживаемая ненависть; недостаток питания; тяжелые климатические условия и т.п.).¹⁶ Что касается психосоматических болезней, встречающихся у репрессированных, то наиболее распространенными среди пожизненных заболеваний являются гипертонические болезни (I 10–I 15), желудочно-тонкокишечная, или т.н. стрессовая язва (K28), бронхиальная астма (J45), хронический язвенный колит, или язвенное воспаление толстой кишки (K51).¹⁷

4.4.4. ПОСТТРАВМАТИЧЕСКОЕ СТРЕССОВОЕ РАССТРОЙСТВО (F43.1)¹⁸

В международной терминологии англоязычное сокращение **PTSD** обозначает посттравматическое стрессовое расстройство. Это было и остается для репрессированных и их близких главным расстройством психического здоровья. Оно характеризуется навязчивым переживанием травмировавших событий и повторяющимися ночными кошмарами. Зачастую пострадавший ощущает состояние тревожного ожидания и страха, когда оказывается на объектах, в местах или вблизи лиц, напоминающих о пережитой травме, либо при приближении соответствующих дат. Пострадавшие пытаются избегать всего, что связано с травмирующими событиями, – это может проявляться таким образом, что человек не способен или не желает вспоминать некоторые детали, связанные с возникновением травмы. Может развиваться чувство общего отчуждения, а также произойти сужение спектра чувств, их притупление и обеднение. В определенные моменты могут проявляться чрезмерная бдительность и бодрость, возникать «вспышки прошлого» и «обратные кадры». Возможны также вспышки подавляемой ярости или выявляется потребность в постоянных пересказах пережитых страданий. Бывают, хотя и редко, случаи, когда человек постоянно и привычно ощущает себя жертвой, проявляя т.н. виктимизм (англ. *victim* – жертва) и пессимистические настроения.

С одной стороны, может случиться, что не все симптомы посттравматического стрессового расстройства проявляются одновременно, с другой же стороны, могут добавиться симптомы подавленности и депрессии. Одним из способов преодоления подавленности является т.н. трудовоголизм – «побег» в работу, стремление преодолеть себя и любой ценой

чего-либо добиться, даже если при этом приходится рисковать здоровьем. При возникновении нового потрясения может произойти обострение остаточных симптомов репрессивной травмы, особенно если речь идет об очень глубоком психическом переживании, характеризуемом выражением «слишком больно, чтобы плакать». Хроническое посттравматическое стрессовое расстройство сопровождается *ночными кошмарами и другими расстройствами сна* (F51.5, F51.4), которые зачастую могут обостряться перед важными для пострадавшего событиями или датами. После такого сна человек просыпается со смешанными чувствами, в тревоге и плохом настроении, причем такое состояние оказывает тяжелое влияние и на его близких. Травматические сны нередко сопровождаются нарушениями работы сердца, одышкой, судорогами, вскриками, потливостью (синдром ночного кошмара).¹⁹

Человек, страдающий от ночных или дневных «вспышек прошлого», часто теряет ритм дня и жизни, он вновь и вновь должен психологически восстанавливать себя, заново переосмысливая действительность. Могут возникнуть поведенческие проблемы и подавленность, может углубиться депрессия. Человек начинает бояться, избегать ситуаций, которые хотя бы в малой степени напоминают травмирующие события, у него развивается т.н. *травматофобия*. Таким образом, убегая от реальности, человек пытается справиться с самим собой. Временной интервал между возникновением травмы и проявлением посттравматических симптомов может быть разным, но, как правило, не превышает шести месяцев.

Длительное посттравматическое стрессовое расстройство оказывает влияние не только на членов семьи пострадавшего, но и на других близких или даже более далеких людей, т.е. на весь социум. У многих членов семей репрессированных в советское время возник **проксимальный стресс**. Жить с тяжело травмированным человеком, быть свидетелем его страданий, проявляя при этом выдержку и спокойствие, очень нелегко. Зачастую наряду с проксимальным развивается также дистальный стресс – напряженное участие всего общества в связанных с репрессиями эмоциональных переживаниях и сопереживание пострадавшим вызывает в обществе **хроническую тревогу и страх**. Особенно тяжелое воздействие на репрессированных оказывало то, что из-за давления оккупационных властей от них отказывались жених или невеста либо супруг (супруга). Отсутствие у заключенных половой жизни и возникшие в тюрьме нарушения здоровья часто приводили к таким расстройствам, как половое бессилие и бесплодие. **Длительное насильное содержание большого количества людей наиболее фертильного возраста вдали от дома и ограничение рождаемости стали основными причинами снижения численности эстонского населения.**

Тяжесть и длительность посттравматического стресса зависели от дотравматических личностных качеств человека, суровости и продолжительности репрессий, а также от посттравматической ситуации – приняли ли человека обратно семья и общество, мог ли он вернуть свои права,

доброе имя, здоровье и трудоспособность, т.е. **социально реабилитироваться**. Большое значение имели признание и внимание в семье и в обществе, а также юридическая, моральная и материальная компенсация.

Отметим, что восстановление физического и психического здоровья и самочувствия людей, пострадавших от нацистских репрессий, происходило значительно быстрее и эффективнее. На их долю сразу же пришли общественное признание и сочувствие, а также различные неоднократные компенсации. В то же время жертв советских репрессий дома ожидали гонения и ограничения в выборе места работы и жительства, а также при получении образования и жилья.²⁰ Это была настоящая *политика сегрегации и советского апартеида* (Enn Sarv, 1997). Политика, приводящая к стойкой, кумулятивной, накапливающейся психической травме. Так тень ГУЛАГа преследовала человека всю жизнь.

4.4.5. ВЛИЯНИЕ РЕПРЕССИОННЫХ ТРАВМ НА ЛИЧНОСТЬ

Необратимым, хроническим последствием длительного посттравматического стрессового расстройства могут стать *изменения личности* (F62.0). У репрессированных могли появиться такие черты, отсутствовавшие до получения травмы, как недоверие к близким или к обществу, определенная паранойя и своеобразное ощущение пустоты. Их нервы «постоянно на пределе», кажется, будто везде подстерегает опасность. Жертвы советского террора являются людьми, интерес которых обращен скорее к своему внутреннему (интроверты), нежели к внешнему миру (экстраверты).

В настоящем анализе не затрагиваются заболевания и психические расстройства, обусловленные нетравматическими внешними факторами или повреждениями мозга, а также эндогенные психозы, вызванные наследственными или иными внутренними причинами жизнедеятельности организма.

4.5. СПОСОБНОСТЬ И НЕСПОСОБНОСТЬ СПРАВЛЯТЬСЯ С РЕПРЕССИОННЫМИ ТРАВМАМИ

4.5.1 ЗАЩИТНЫЕ И АДАПТАЦИОННЫЕ РЕАКЦИИ

Условия жизни репрессированных нередко были настолько тяжелыми, что нормальное существование для них исключалось, нередко они оказывались несовместимыми с жизнью. Политзаключенным часто говорили, что для них «выживание не предусмотрено», к тюремному жаргону относится также высказывание «умри сегодня, а я завтра». И все же для того, чтобы справиться с собой и своей жизнью, репрессированные применяли различные стратегии и приемы.

Приспособляемость к жизненными трудностями означала деятельность, с помощью которой репрессированные (в действитель-

ности – весь притесненный народ) старались преодолеть страх, защитить духовную жизнь и психическое здоровье от вредных воздействий. У людей, подвергнутых прямым или косвенным репрессиям, да и у тех, кто условно находился на свободе, могли развиваться индивидуальные *защитные и адаптационные реакции*, которые должны были создать т.н. психический щит. Среди этих реакций основными были следующие: *деперсонализация* – психическое самоотчуждение, роботоподобное или безучастное поведение; *регрессия* – возврат притесняемого лица к более ранним формам поведения и мышления (иногда вплоть до детской стадии «как бы понарошку»); *вытеснение* – выборочное исключение мыслей, идей, а также воспоминаний, вызывающих чувство безнадежности; *отрицание* – систематическое отбрасывание из сознания жизненно опасных обстоятельств, отдаление от них; *осмысление* – поиск вечного смысла и утешения в крайне депрессионном состоянии; *рационализация* – разумное объяснение и обоснование обстоятельств, не имеющих разумного объяснения.²¹

Особое значение приобрел *синдром заложника*, который помогал выжить и справиться с жизнью. Этот синдром сводится к психологическому отождествлению себя с агрессором, когда притесняемый воспринимает идеологию притеснителя.²² Человек, живший за советским «железным занавесом», мог и нередко начинал хвалить советский режим и оправдывать всю систему насилия.²³

Все эти защитные и адаптационные реакции, действовавшие в течение многих лет, способствовали формированию раздвоенного мышления и расщеплению личности, что в совокупности могло способствовать возникновению или углублению психических расстройств.

К стратегическим приемам выживания относилось также умение политзаключенного распределять свой суточный паек. По обе стороны лагерной колючей проволоки справляться с жизнью помогали патриотические чувства, верования, представления и фантазии (вера в победу справедливости, ожидание «белого корабля» или прибытия «победоносных войск освободителей»), которые представляли собой *ритуальные или близкие к ритуальным модели поведения*.²⁴ Из уст в уста передавались обнадеживающие или «пророческие» вести-слухи. Хотя трезвый ум не всегда мог принимать их за чистую монету, тем не менее, на их основе можно было получать крупницы информации, чувственный опыт и поддержку, поскольку иллюзии придавали людям силы. Из этого следует, что советская власть сама создавала предпосылки возникновения и развития антисоветского фольклора и подпольной литературы. Субкультура тюремных лагерей и иных мест заключения была своеобразной частью культуры сопротивления.

Большое значение имели возникшие среди заключенных и депортированных конспиративные идеологические объединения. Властям удалось раскрыть несколько таких обществ. Провал грозил репрессиями, вплоть до смертных приговоров. Иногда КГБ сам провоцировал и фабри-

ковал подобные «заговоры», оформляя «уголовные дела» и приговаривая участников к лагерям или расстрелу.

Наибольшую помощь в те годы оказывала **религия**.²⁵ При анкетировании почти 2/3 опрошенных ответили, что в заключении им придавали силы молитвы, религиозная надежда и братья по вере. Религиозная жизнь некоторых репрессированных могла быть фрагментарной и состоять лишь из нескольких молитв, но и это оказывало поддержку. В период репрессий осмыслительно-разъяснительная функция религиозной жизни оставалась, естественно, довольно скромной, поскольку на первом месте скорее стояли поиски личной связи с Богом, помогавшие преодолевать бездуховность и укреплять веру, надежду и любовь.²⁶

Психическое расстройство, вызывающее неспособность человека справиться с жизненными трудностями, может проявляться в самоубийствожающем, даже *суицидальном поведении*. В годы советской оккупации количество самоубийств в Эстонии оставалось высоким; ежегодно отмечалось 24–25 и даже более случаев в расчете на 100 000 человек. Однако среди лиц, подвергнутых политическим репрессиям, суицидальное поведение и самоубийства встречались крайне редко. В ГУЛАГе самоубийства также были редким явлением.²⁷ Видимо, это объясняется совокупным влиянием нескольких факторов – таких, как особая солидарность, сплоченность и взаимная забота политзаключенных друг о друге, ежедневная близость смерти, вера в вечные истины, побеждающие смерть.²⁸ Самоубийство могло также не состояться из-за крайнего измождения, полного истощения и апатии человека.

Обзор сформировавшихся к концу оккупационного периода настроений, помогавших справиться с жизненными трудностями, приводится в статье Марью Лауристин «*Inimene ja süsteem*» («Человек и система»)²⁹. Исследование, проведенное в 1988 г., содержит, помимо прочего, следующие данные:

- 35–40% опрошиваемых отметили личные трудовые успехи, достаточное признание и наличие культурных ценностей. Одновременно с этим, они были достаточно критичны в отношении общества и системы. Только 5–7% считали, что их идеологические принципы совпадают с советской идеологией;
- 20% нашли для себя подходящую, как бы скрытую социальную нишу и среду;
- 20% предпочли бы жить лишь в своем доме и в кругу своей семьи (своего рода внутреннее изгнание);
- 15% ощущали себя за бортом жизни (по словам исследователей, они отстранили себя от общества).

4.6. ОТДАЛЕННЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ РЕПРЕССИВНОЙ ПОЛИТИКИ, СВЯЗАННЫЕ С РАССТРОЙСТВАМИ ЗДОРОВЬЯ

4.6.1. ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ЗАГРЯЗНЕНИЕ ЖИЗНЕННОЙ СРЕДЫ

Если обобщить последствия оккупации, то помимо физического загрязнения окружающей среды следует также указать на ее психологическое загрязнение. Причина заключалась в следующих мерах, определявших советской репрессивной политикой:

- агрессивная индустриализация и урбанизация, постоянное подчеркивание роли России и русских в качестве «старшего брата», подчинение системы образования господствующей идеологии;
- причинение вреда самосознанию нации и личности, искажение понятия «мы», уменьшение значения эстонской культуры под прикрытием ложного принципа «национальная по форме, социалистическая по содержанию», ограничение и запрещение творчества, проникнутого национальными идеями, наказание за подобные проявления творчества;
- поляризация и раскол нации под псевдолозунгом о классовой борьбе, преследования патриотически настроенных личностей, особенно – представителей интеллигенции, внедрение тотальной системы слежки и доносов;
- насильственное насаждение материализма и атеизма, ограничение церковной деятельности, наложение запрета на издание Библии, уничтожение книг религиозного содержания, физические и моральные репрессии в отношении духовных лиц и верующих;
- разрушение любых истинных убеждений и ценностей (аномия), формирование типа безбожного безликого человека, не имеющего национальности. С грустным юмором можно сказать, что начался процесс превращения *homo sapiens* в *homo soveticus*.

Составной частью репрессивной политики, психологически загрязняющей жизненную среду, являлась государственная алкогольная политика, которая по существу выражалась в тотальном спаивании населения. Последствия этой политики мы наблюдаем и в независимой Эстонии начала XXI века, причем нередко алкоголь связан с потреблением целого ряда других психоактивных, или наркотических веществ. Самоуничтожение нации, получившее начало в период советских репрессий, может оказаться бомбой замедленного действия для психического здоровья эстонцев.

К психологическому загрязнению жизненной среды относятся также **унижение и оскорбление человеческого достоинства**. На фоне всеобщей безнаказанности и отсутствия раскаяния распространялись моральный и правовой нигилизм, искажение этических норм, двойное мышление, отрицание каких-либо принципов, норм и ценностей и как следствие – беззаконие. Понятия добра и зла, вины и прощения потеряли

свое значение. Явления, связанные со многими подобными искажениями (беззаконие, всеобщий алкоголизм, растлевающий личность), присутствуют и в наши дни, и, вероятно, будут существовать еще долго.

Прощение преступлений, необходимое для очищения души и достижения психологического освобождения, может быть только глубоко осознанным и не должно основываться лишь на решении не отвечать на несправедливость. Однако прощение, прежде всего, предполагает раскрытие виновного или преступника. Многие жертвы и исполнители репрессий до сих пор страдают от психического расщепления личности и психологического загрязнения. Пока еще никто публично не покаялся в совершении преступлений против человечности, к которым не применяется срок давности. Поэтому трагедия, связанная с репрессиями, нас еще не миновала. Очищение (катарсис) души через прощение пока еще не совершилось.

«Исторический опыт Эстонии нуждается также в биографиях депортаторов и квислингов – не для того, чтобы отомстить, а для того, чтобы понять. Победителя отличает великодушие» (Lennart Meri, 2000).³¹

Значение политических и социально-психологических факторов, рассматриваемых с точки зрения физического и психического здоровья человека, ярко доказывается опытом эстонской Поющей революции (1988–1991 гг.) и следующего за ней периода. Новое национальное пробуждение народа, укрепление чувства общности («мы»), рост надежд и искренней политической активности, а также преодоление социальных страхов повлекли за собой другие положительные изменения: уменьшилось количество самоубийств, случаев алкогольного отравления и самоуничтожающего поведения. В то же время оживилась религиозная жизнь, местами увеличилась рождаемость (H. Noog, 1993). Однако в последующих кризисах переходного периода многие из этих положительных тенденций не сохранились.

К числу отдаленных последствий продолжавшейся десятилетиями советской репрессивной политики следует причислить также подрыв и разрушение генофонда народа путем уничтожения, насильственного переселения и изгнания наиболее здоровой его части. Исследования и обобщения на эту тему еще ждут своего часа.

4.8.2. ОСОЗНАНИЕ И ЛЕЧЕНИЕ ОТДАЛЕННЫХ ПОСЛЕДСТВИЙ РЕПРЕССИВНОЙ ПОЛИТИКИ

- Отдаленные тяжкие последствия советской репрессивной политики, особенно причиненные людям стойкие расстройства здоровья, сказываются по сегодняшний день. Их нужно осознавать и лечить. Для всесторонней оценки причиненного вреда необходимо проводить дальнейшие исследования в области социологии, медицины, здравоохранения и криминологии.
- Необходимо постоянно требовать от России, которая является правопреемницей Советского Союза как государства-оккупанта, признания и возмещения ущерба, причиненного эстонскому государству

и народу. Правомерно ожидать, что Россия раскается и принесет Эстонии свои извинения.

Информацию относительно проводимых в Эстонии исследований, касающихся расстройств здоровья, произошедших в результате репрессий, можно получить в Музее оккупации (www.okupatsioon.ee).

¹ Talve, Leo. 19.- 23. 10. 1991

² Описание репрессий периода немецкой оккупации (1941-1944) – Indrek Paavle, 2002, 9-26.

³ Определение виктимологии: *The scientific study of the extent, nature and causes of criminal victimization, its consequences for the persons involved and the reactions thereto by society, in particular the police and the criminal justice system as well as voluntary workers and professional helpers.* (www.victimology.nl/)

⁴ В т.ч. 11 дней в камере смертников. Родители автора также были арестованы в 1941 г. и казнены в лагере Сосьва в 1942 г.

⁵ Как утверждают, их психическое здоровье находилось под серьезной угрозой (нем. *psychisch schwer gefährdete Personengruppe*, см. Lansen, Johan, 1995)

⁶ Первыми это сделали Хейно Ноор и Юхан Кокла. Издававшаяся в Стокгольме газета *Eesti Päevaleht* от 3.04.1992.

⁷ См. постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 31.01.1938. Sabbo, Hilda, 2000, nr. 20. - Cp. Must, Aadu. Postimees, 28.08.2003.

⁸ Sarv, Enn, 1997, 68.

⁹ Обвинение могли предъявить в связи с должностью, которую человек занимал до оккупации (например, государственный служащий, полицейский), его принадлежностью к какой-либо добровольной организации (Кайтселийт, Найскодукайтсе, Найслийт), родом занятий (священник) или наличием у него собственности (хуторянин, торговец).

¹⁰ Подробнее см. в статье «Человеческие потери» настоящей книги.

¹¹ В СССР пытки назывались «мерами физического воздействия». В секретной телеграмме ЦК ВКП(б), разосланной в январе 1939 г. за подписью Сталина, подчеркивается: «ЦК ВКП(б) разъясняет: применение физического воздействия в практике НКВД было допущено с 1937 года с разрешения ЦК ВКП(б)... ЦК ВКП(б) считает, что метод физического воздействия должен обязательно применяться и впредь, в виде исключения, в отношении явных и не разоружающихся врагов народа, как совершенно правильный и целесообразный метод».

¹² В Таллинне в здании НКВД (на ул. Пагари), во Внутренней тюрьме в Свердловске др.

¹³ Здесь использована международная классификация болезней МКБ-10 (*International Statistical Classification of Diseases and Related Health Problems. World Health Organisation, Geneva, 1992*) и указанные в ней кодовые номера. Названия психических расстройств соответствуют Классификации психических болезней и поведенческих расстройств МКБ-10 и прилагаемым к ней рекомендациям (WHO, 1992 и *Tartu Ülikool*, 1999).

¹⁴ Известно, что радиационные поражения (например, лучевая болезнь), могли возникнуть у людей, депортированных в 1949 г. в Семипалатинскую область Казахстана, где существовали полигоны для испытаний ядерного оружия. (Toom, Marju. *Eesti Sõnumid* от 13 марта 1995). Эти возможные расстройства здоровья следует отделять от бруцеллеза, выявленного на животноводческих фермах в местах депортации. Очевидно, что необходимо выявить наличие воз-

- можных генетических изменений у депортированных, находившихся в этом районе, и у их потомков.
- ¹⁵ *Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders, 4. Edition, 1994 (DSM-IV).*
- ¹⁶ Например, экстремальный холод или жара, отсутствие солнечного света в северных широтах России в период полярной ночи.
- ¹⁷ В Германии подобные болезни известны как *Spätheimkehrers-Krankheit*. Тысячи пленных немцев не были после войны отпущены домой, их годами держали в тюремных лагерях. В конце 1950-х гг., после т.н. амнистии Аденауэра, большинство все-таки было отпущено домой, однако к тому времени они уже страдали вышеназванными болезнями, полученными в ГУЛАГе. Благодаря этой же амнистии и с такими же нарушениями здоровья в 1960-х гг. вернулись в Эстонию те, кто воевали на стороне Германии и были приговорены к срокам каторжных работ «25+5».
- ¹⁸ Англ. *Posttraumatic stress disorder*, ук. PTSD.
- ¹⁹ Несколько типичных случаев: К. (75), бывший политзаключенный лагеря на Колыме описывает, как в течение 40 лет постоянно видит во сне, что он борется с чекистами, стучится кулаками в тюремную стену и просыпается, пугая свою жену. – Л. (80), бывший политзаключенный лагеря в Кировской области, чаще всего видит во сне борьбу с нападающими на него «блатными». – Н. (80), бывший политзаключенный лагеря в Ивделе, постоянно видит во сне погоню и то, как страшного вида тюремщик перед окончанием срока приказывает ему «Еще пять лет, подпиши!». Н. просыпается от болей в сердце, в одну из таких ночей он получил инфаркт сердца.
- ²⁰ До 1956 г. в паспортах репрессированных имелись зашифрованные отметки, которые означали, что на этих людей налагались ограничения в местах прописки и работы, а также при приеме в учебные заведения.
- ²¹ Советский механизм «промывки мозгов» был большей частью основан на психологической рационализации. Люди доказывали себе, что страдания, бедность, ограничения свободы личности и др. средства политического давления они терпят во имя победы в классовой борьбе, справедливых войнах, мировой революции, во имя победы социализма и коммунизма, а также наступления светлого будущего.
- ²² Т.н. Стокгольмский синдром заложника описан в 1971 г. на примере ограбления банка, когда грабители хорошо обращались с захваченными в качестве заложников банковскими служащими. Через несколько дней у последних возникли теплые чувства к грабителям, заложники поставили себя на их место и требовали от полицейских прекратить усилия по их освобождению.
- ²³ Этот синдром отмечен также у творческих личностей. Вспомним «Поэму Сталину» Юхана Смуула, а также произведения многих других авторов, которые свидетельствуют о том, что писатель стал идеологическим заложником.
- ²⁴ Наглядным примером являются Певческие праздники конца 1980-х гг., которые стали символом достижения свободы. Примером культурного сопротивления, способности справиться с жизненными трудностями в условиях оккупационной власти и оставаться самим собой можно считать песню *“Mu isamaa on minu arm”*, которую сводный хор и весь народ исполняли на каждом празднике.
- ²⁵ Это доказывается социально-психологическим исследованием, проведенным в Тарту в 1998-2001 гг. (около 100 респондентов). См. Lehtsaar/Noor, 2002.
- ²⁶ «*Meie elu on taevas*» (Наша жизнь – на небесах) – этот девиз многих пострадавших сформулировал заключенный тюремного лагеря на Колыме пастор Харри Хаамер (в 1993 г. в Эстонии вышла в свет его одноименная книга).

- ²⁷ Это подтверждают В. Франкль и Т. Брониш, изучавшие психику заключенных нацистских лагерей смерти.
- ²⁸ Автора данной статьи от самоубийства также удерживала вера в вечные истины.
- ²⁹ Опубликовано в сборнике *Eesti rahva elulood, III*. Tallinn, 2003.
- ³⁰ В данном сборнике это подробно описывают Анто Раукас и Рейн Ратас.
- ³¹ Lennart Meri. *Inimene ongi ajalugu*. Предисловие к сборнику *Eesti rahva elulood, I*. Tallinn, 2000.

Использованная литература

- Bronisch, Thomas. *Suicidality in German concentration camps*. Archives of Suicide Research 2, 1996.
- Diagnostic and statistical manual of mental disorders*. Fourth edition. American Psychiatric Association. Washington, 1994.
- Eesti rahva elulood, III*. Tallinn, 2002.
- Eitinger, Leo. *Victimology. Psychiatry and its Related Disciplines*. The next 25 Years. World Psychiatric Association Symposium, Copenhagen, 1986.
- Frankl, V. E. *Psychologie und Psychiatrie des Konzentrationlager*. In: H. N. Gruhle et al. *Psychiatrie der Gegenwart. Forschung und Praxis*. Berlin, Göttingen, Heidelberg, 1961.
- Haamer, Harri. *Meie elu on taevas*. Tallinn, 1993.
- Hion, Ene; Lauristin, Marju; Vihalemm Peeter. *Meie muutuv elulaad*. Tallinn, 1988.
- Jacobsen, Lone; Vesti, Peter. *Torture Survivors – a New Group of Patients*. The Danish Nurses' Organisation. Copenhagen, 1990.
- Kallasmaa, Talvi. *Isiksus ja kohanemine. Isiksuse psühholoogia*. Tartu Ülikooli kirjastus, 2003.
- Пенитенциарный кодекс (ПАЭ, 2003, 1, 504).
- Keerberg, Aita. *Kroonilise PTSD / PTSD esinemine repressseeritute ning ravi üldised põhimõtted*.
- Eesti repressseeritute arstiabikeskuse (MRT) toimetised. Рукопись. Tartu, 2000.
- Kelam, Tunne. *Tartu rahu ning okupatsioonijärgse Eesti vanim demokraatlik erakond. (Hirmu ületamine)*. Kõne Eesti Rahvusliku Sõltumatuse Partei asutamisel 20. augustil 1988 Põlistveres. Рукопись.
- Küüditamine Eestist Venemaale 1941*. Eesti Represseeritute Registri Büroo (ERRB). Tallinn, 2001.
- Lansen, Johan. *Spätfolgen bei den Opfern der Shoah*. In: Multikulturelle Gesellschaft – monokulturelle Psychologie. Antisemitismus und Rassismus in der psychosozialen Arbeit. Dtsch. Gesellschaft für Verhaltenstherapie. Tübingen, 1995.
- Lauristin, Marju. *Inimene ja süsteem*. „Eesti rahva elulood“, III. Tallinn, 2003.
- Lehtsaar Tõnu; Noor Heino. *Kannatustega toimetulek Eestis*. Projekti materjalid. Tartu, 1998.
- Lehtsaar Tõnu; Noor Heino. *Religiooni osa poliitilise repressiooni järgse traumaga toimetulekul*. Usuteaduslik Ajakiri, 2003, 1 (51).
- Lehtsaar Tõnu; Noor Heino. *Religiooni osa repressioonijärgse traumaga toimetulekul*. Tartu Ülikooli usuteaduskond., Рукопись. 2003.

- Mehilane, Lembit; Vasar Veiko. *Psühhiaatrikliinik*. Kogumikus „Tartu Ülikooli Kliinikum 200“. Tartu, 2004.
- Meri, Lennart. *Inimene ongi ajalugu*. Eessõna kogumikule „Eesti rahva elulood“, I. Tallinn, 2000.
- Noor, Heino. *Consequences of Communist Crimes against Humanity. Psychological Findings in Estonia*. In: Anti-Communist Congress and Proceedings of the International Public Tribunal in Vilnius 2000. Vilnius, 2002.
- Noor, Heino. *Coping and suicidal behaviour among the victims of political regimes*. In: Caring for Victims, 9th International Symposium on Victimology. Amsterdam, 1997.
- Noor, Heino. *Inimsusvastaste kuritegude sotsiaalpsühholoogilisi tagajärgi*. Kultuur ja Elu, 2000, 4.
- Noor Heino. *Konstantin Pätsi viimane eluaasta*. Postimees, 23. veebruar 1991.
- Noor Heino. *Parasuicide incidence in the Changing Society of Estonia. Political Aspects of Mental Health*. In: B. Strauss, H. Speidel (Eds.) *New Societies. New Models in Medicine*. New York, Stuttgart, 1993.
- Noor Heino. *Torture survival, political rituals and suicide. National experience of Estonia*. Annual Report of RCT and IRCT. Copenhagen, 1996.
- Noor, Heino. *Vaimse tervise poliitilisi aspekte. Enesehävituslikust käitumisest sovetiaegses Eestis*. Akadeemia, 1994, 9.
- Noor, Heino; Kokla, Jühan. *Eestlaste holocaust*. Eesti Päevaleht, Stockholm, 3.04.1992.
- Psüühika- ja käitumishäirete klassifikatsioon RHK-10. Kliinilised kirjeldused ja diagnostilised juhised*. Maailma Terviseorganisatsioon, 1992. Tartu Ülikool, 1999.
- Rahvusvaheline haiguste klassifikatsioon RHK-10. Tõlge eesti ja ladina keelde*. Eesti Vabariigi Sotsiaalministeerium. Tallinn, 1994.
- Ryn, Zdzislaw. *The evolution of Mental Disturbances*. In: *The Concentration Camp Syndrome (KZ-Syndrome)*. Department of Social Pathology, Medical Academy, Krakow, Poland, 1992.
- Rüütel, Arnold. *Head Eestimaa inimesed*. Avaldus. Postimees, 8.03.2005.
- Sabbo, Hilda. *Võimatu vaikida, V*. Tallinn, 2000.
- Сахаров, Андрей. *Непороговые биологические эффекты*. Знамя, 1990.
- Salo, Vello. *Küüditatud 1941*. Brampton, Kanada, 1993.
- Sarv, Enn. *Õiguse vastu ei saa ükski. Eesti taotlused ja rahvusvaheline õigus*. ORURK, 11. Tartu, 1997.
- Sorring, Kirsten. *A life in the Shadow of Gulag (Heino Noor's Story). Victims of Torture*. IRCT. Copenhagen, 1997.
- Sorring, Kirsten. *The Tortures Still Give Him Nightmares. Victims of Torture*. IRCT. Copenhagen, 1997.
- Varju Peep. *Eesti rahva inimohvrid Nõukogude ja Saksa okupatsioonide ajal 1940–1953*. ORURK, 10. Tartu, 1997.
- Värnik, Airi. *Maaelu enesetapu peeglis*. Postimees, 29.03.1994.

V

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ И НАУКА

Яан Лаас

Основной ущерб, причиненный оккупациями высшему образованию и науке, касается таких областей, как кадры, материальная база (здания, оборудование и т.п.), ущемление академических свобод, насаждаемая сверху структура, а также общее ограничение свободы научного общения.

Тяжелейшие потери понесли научные кадры: в 1945 г. в Эстонии насчитывалось на 83 доктора наук и 283 магистра меньше, чем в 1940 г., то есть республика лишилась 57% докторов наук и 64% магистров. В 1941 г. были убиты 12 преподавателей и ученых, в советских тюрьмах скончались три профессора Тартуского университета, а десять преподавателей были высланы. Из страны были вынуждены бежать более половины эстонских докторов наук и две трети магистров. Во время немецкой оккупации несколько десятков университетских преподавателей были арестованы, девять – казнены. В первые годы второй советской оккупации в 1944–1949 гг. были репрессированы и подверглись заключению многие выдающиеся ученые. В 1950 и 1951 гг. в ходе кампании по разоблачению буржуазных националистов и против преклонения перед Западом по идеологическим причинам были репрессированы многие сотрудники Академии наук, а из высших учебных заведений Эстонии в общей сложности было уволено 125 преподавателей.

Невосполнимые потери вызвало и уничтожение справочных изданий, прочих ценных книг и периодики, а также введение тотальной идеологической цензуры. Большой урон развитию эстонской экономики и культуры нанесли подчинение научной работы оккупационным властям, ее бюрократизация, непропорциональное раздувание или, наоборот, сокращение отдельных исследовательских направлений, а также изоляция эстонских ученых от научной жизни остального мира.

5. 1. НАУКА И ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ ДО ОККУПАЦИЙ

В результате 20-летнего спокойного периода развития эстонской науки при **Тартуском университете** (ТУ) было в общей сложности защищено 156 докторских и 441 магистерская диссертация.¹ Численный рост квалифицированных научных кадров, расширение функций науки и разнообразие практических потребностей обусловили в 1934–1939 гг. развитие сети научных учреждений Эстонии.² В 1940 г. в Эстонии насчитывалось 544 профессиональных научных работника (преимущественно преподаватели высших учебных заведений); на 1 января 1940 г. в ТУ обучалось 2789 студентов.

В 1936 г. на базе технического факультета Тартуского университета был основан **Таллиннский технический институт** (ТТИ; с 1938 г. – **Таллиннский технический университет**, ТТУ). В институте было три отделения: строительное, химическое, а также механическое и механико-технологическое. Штатом предусматривалось 14 профессур и шесть доцентур. Из ТУ были приглашены 11 профессоров и три доцента; за 1936–1940 гг. диплом высшего технического учебного заведения получили всего 24 человека. В 1940 г. в ТТУ обучалось 628 студентов.

В 1937 г. было основано важное исследовательское учреждение – **Институт природных богатств**, в рамках которого начали работать 10 секций. В 1939 г. в институте было 23 наемных работника (всего – 66 сотрудников).

В 1938 г. была заложена основа **Эстонской Академии наук** (ЭАН). Законом предусматривались две секции – гуманитарная и естественнонаучная, в каждой по 10 членов. Первое пленарное собрание ЭАН состоялось 28 ноября 1938 г.; президентом был избран Карл Шлоссманн, вице-президентом – Юлиус Марк. Вокруг академии были сконцентрированы Эстонское научное общество, Общество естествоиспытателей, Академическое историческое общество и Эстонское краеведческое общество.

В 1920–1930-х годах получили государственную поддержку и предшественники старейших отраслевых научных учреждений – сельскохозяйственные исследовательские институты. В 1929 г. в Куремаа была открыта Опытная станция свиноводства, а в 1936 г. в Ыйзу – Опытная станция молочного дела (в 1938 г. она была передана в ведение Министерства земледелия). В тогдашнем развитии науки большую роль играли любительские исследования, проводившиеся в рамках всевозможных научных обществ и институтов. По некоторым оценкам, исследователей-любителей насчитывалось около 700 человек.

5. 2. ПЕРВАЯ СОВЕТСКАЯ ОККУПАЦИЯ

Оккупационные власти немедленно приступили к радикальной перестройке структуры высших учебных заведений и порядка обучения, согласно пред-

писаниям новой власти. Сеть научных учреждений и научная работа подогнялись под советские образцы.

Прежде всего, началась советизация и идеологизация деятельности, структуры и содержания обучения в важнейших научных центрах и высших учебных заведениях (ТУ, ТТУ, ЭАН). Чистки в высших учебных заведениях и научных учреждениях начались уже при т.н. народно-демократическом правительстве, пришедшем к власти 21 июня 1940 г. Содержание высшего образования, подчинение обучения и развития науки коммунистической идеологии, а также монопольное руководство этими системами оставалось основной целью советской власти в дальнейшем; в то же время на протяжении десятилетий продолжалась борьба против оккупационного режима, причем ее содержание и формы отличались большой изменчивостью.

5.2.1. ЭСТОНСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Эстонская Академия наук была ликвидирована на основании законодательного акта от 17 июля 1940 г. Выдающиеся эстонские ученые, пользовавшиеся международным признанием, были оттеснены от решения ключевых вопросов развития науки. В комментарии к закону, правда, декларировалось, что ликвидация Эстонской Академии наук не является враждебным актом. Напротив, утверждалось, что для более глубокого развития научной работы будут разработаны соответствующие планы, однако это так и осталось демагогической попыткой загладить репрессивный акт.

В 1940 г. в Эстонской Академии наук было 13 членов. Судьбы их в ходе первой советской, а затем немецкой оккупации сложились следующим образом:

Пауль Когерман (1891–1951) был арестован в июне 1941 г. и выслан в сибирские лагеря, Людвиг Пуусеп (1875–1942) скончался в Тарту в октябре 1942 г. от рака желудка, Теодор Липпмаа (1892–1943) погиб во время советской бомбардировки 27 января 1943 г., Хендрик Сепп (1888–1943) умер в Латвии 5 сентября 1943 г., Александр Пальдрок (1871–1944) умер в Курессааре 1 июля 1944 г. Остальные члены академии – Хуго Кахо (1885–1964), Эдгар Кант (1902–1978), Оскар Лоориц (1900–1961), Юлиус Марк (1890–1959), президент Карл Шлоссманн (1885–1969), Густав Суйц (1883–1956), Юри Улуотс (1890–1945) и Эрнст Эпик (1893–1985) были вынуждены бежать из Эстонии в 1943–1944 гг. Многие из них не один десяток лет плодотворно работали в эмиграции.

К началу второй советской оккупации в стране не осталось ни одного члена Эстонской Академии наук. Таким образом, организационная структура эстонской науки была основательно разрушена, а кадры распылены. В основанной в 1946 г. Академии наук ЭССР продолжал работать лишь один академик – освобожденный из заключения П. Когерман (организатор изучения горючих сланцев).

5.2.2. ТАРТУСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ (С 9 ОКТЯБРЯ 1940 г. – ТАРТУСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ)

Летом 1940 г. «народное правительство» Йоханнеса Вареса пришлось реорганизовывать деятельность ТУ. Ректор университета Х. Кахо и деканы вынуждены были оставить свои посты. На их место пришли новые люди: 19 июля ректором был назначен проф. Хейнрих Рийкоя, а проректором – проф. Артур-Тызлейд Клийман. Пред ними стояла задача: провести первую политическую чистку среди преподавателей.

Спустя несколько дней после принятия Верховным Советом Конституции Эстонской ССР (25 августа 1940 г.) делегация новых руководителей эстонского просвещения отправилась в Москву за инструкциями по реорганизации деятельности университетов и научных учреждений. В состав делегации входили заместители Народного комиссара по делам образования Йоханнес Семпер и Александер Вальсинер, ректор ТУ Хейнрих Рийкоя и ректор ТТУ Юри Нуут. Возглавил делегацию Ханс Круус.

Эстонская делегация провела несколько продолжительных совещаний у председателя Всесоюзного комитета по делам высшей школы С. Кафтанова. Проблема заключалась в переводе учебной работы на систему курсов, ранее не применявшуюся в высших учебных заведениях Эстонии. По мнению возглавлявшего делегацию Х. Крууса, озабоченность вызывали возможности и уровень преподавания основ марксизма-ленинизма, поскольку не хватало хороших преподавателей. Делегация покинула Москву, увозя с собой письмо Кафтанова, дававшее Наркому просвещения ЭССР Ниголу Андресену полномочия решать вопросы, связанные с высшими учебными заведениями Эстонии, в пределах компетенции Всесоюзного комитета по делам высшей школы (по крайней мере, на протяжении одного учебного года).

10 сентября ректором ТУ был назначен профессор истории Х. Круус. К руководству стали привлекать и преподавателей из России. Проректором по учебной работе стал прибывший из Ленинграда финноугровед Кристьян Куре. Как на коммуниста, на него были возложены задачи по идеологическому руководству. В качестве заведующего кафедрой марксизма-ленинизма, он надзирал за ходом большевизации университета. Его ограниченность и непоследовательность вспоминали многие тогдашние преподаватели.

30 сентября 1940 г., когда университет был вновь открыт, на торжественном собрании в актовом зале выступил с речью и второй секретарь КПЭ Николай Каротамм. Он заявил, что партия начнет внимательно следить за происходящим в университете, и что теперь самое главное – это политико-воспитательная работа.

Во второй половине 1940 г. из университета было уволено много высококвалифицированных преподавателей. На их место были приняты идеологически приемлемые и более покладистые ученые и педагоги. В одном только осеннем семестре 1940 г. вакантные места заняли 70 новых

преподавателей и научных работников.³ Поскольку на 15 апреля 1941 г. в университете работало в общей сложности 385 человек, занятых учебной и научной работой,⁴ становится ясно, что за короткий период времени сменилась или была перемещена пятая часть всех сотрудников ТУ. Первый советский учебный год в Тартуском университете начался 30 сентября 1940 г. На всех факультетах учебная работа была переведена на новые учебные программы, основанные на курсовой системе, принятой в СССР. 9 октября 1940 г. Совет Народных Комиссаров Эстонской ССР утвердил временный устав университета. Официально он стал называться Тартуский государственный университет (ТГУ). В новом уставе подчеркивалась дальнейшая идеологическая цель университета – подготовка кадров, способных усваивать передовую науку и технику, вооруженных знанием научного социализма, готовых защищать советскую родину и беззаветно служить делу построения коммунистического общества.⁵

Согласно новому уставу, университет подразделялся на шесть факультетов, а они, в свою очередь – на 77 кафедр, в дополнение к ним было еще четыре общеуниверситетские кафедры. Вместо прежнего университетского правления был создан Совет ТГУ. Наряду с проректорами и деканами в совет входили также представители партийной, профсоюзной и комсомольской организаций. В начале 1941 г. был создан отдел кадров ТГУ, одной из задач которого было следить, чтобы комплектуемые кадры отвечали не только профессиональным, но и идейно-политическим требованиям.⁶

5 сентября 1940 г. при университете была создана первичная партийная организация. В начале 1941 г. в нее входило 15 членов КПСС и восемь кандидатов. Основной задачей организации была идеологическая работа и «борьба с реакционными элементами» как среди преподавателей, так и среди студентов. В повестке дня многочисленных собраний парторганизации постоянно присутствовали пункты «Идеологическая работа» и «Борьба с враждебными буржуазными элементами». Во второй половине 1940 г. руководство университета в сотрудничестве с Министерством просвещения ЭССР приступило к резкому изменению социального состава студенчества. Постановлением министра просвещения от 6 августа предусматривалось, что в университет в первую очередь необходимо принимать молодежь из семей рабочих, крестьян и трудящейся интеллигенции.⁷ Помимо документов об образовании, возрасте, отношении к воинской службе и гражданстве, кандидаты в студенты должны были теперь представлять также справку из волостной или городской управы о социальном происхождении, прежней работе, а также материальном положении семьи до 21 июня 1940 г. Заявления кандидатов на поступление в университет рассматривала комиссия из трех членов (ректор, а также представители ЦК КПЭ и Центрального совета профсоюзов). В осеннем семестре 1940 г. в университет было подано свыше 1000 заявлений. На 1 октября 1940 г. в ТУ насчитывалось 3478 студентов, но после просмотра списка, на основании успеваемости и многих других

причин, в течение последующего полугодия (к концу весеннего семестра) их число сократилось до 1987 человек.

Многие бывшие преподаватели (в основном преподаватели общественных дисциплин) были вынуждены покинуть университет в осеннем семестре 1940 г. Большинство выдающихся ученых были арестованы и высланы в сибирские лагеря.⁸

Беспощадные репрессии оккупационных властей коснулись прежде всего ученых и преподавателей социальных и гуманитарных дисциплин, связанных с идеологией – правоведов, историков, историков литературы и искусствоведов.

За сравнительно короткое время было уничтожено поколение профессоров-правоведов, за 20 лет независимости получивших образование в ТУ и прошедших подготовку на высоком европейском уровне.⁹ Вот как писал об этом заслуженный эстонский правовед профессор Ильмар Ребане: «Время, начиная с военной оккупации Эстонской Республики, в жизни факультета можно коротко охарактеризовать как кровопускание. Жертвами насильственного сталинского режима пали и лишились жизни профессора Антс Пийп и Уно Лендер, и.о. старшего ассистента Рейн Элиазер и, по всей вероятности, Рихард Рязго, сведения о котором отсутствуют, начиная с его ареста в 1941 г., – то есть, по крайней мере, четверо».¹⁰

Для преподавания марксизма-ленинизма и срочного насаждения соответствующего мировоззрения была создана общеуниверситетская кафедра, руководителем которой назначили К. Куре. Для преподавателей, а также для всех остальных работников в актовом зале стали проводить еженедельные лекции по основам марксизма-ленинизма («промыывание мозгов»), на которых выступали лекторы ЦК КПЭ.

В мае 1941 г. был составлен первый централизованный план университета по научной работе. Важное место в нем занимали перевод советских учебников на эстонский язык, а также их использование в высших учебных заведениях Эстонии.

Несмотря на усилия тогдашних идеологических руководителей университета, на затраченное время и немалые средства, акции по идеологическому перевоспитанию преподавателей не дали существенных результатов. Преподавателей, искренне поддерживавших оккупационные власти и советскую идеологию, было мало. Самым, пожалуй, убежденным коммунистом того времени можно считать Харальда Хабермана, который в 1940 г. стал руководителем службы государственной безопасности Эстонской ССР и верным орудием в руках оккупационных властей.

В ходе июньской депортации 1941 г. ТГУ лишился еще десятка преподавателей. Причину сравнительно умеренной чистки мы видим в том, что университет еще не полностью был захвачен большевиками, и без участия опытных преподавателей его функционирование было бы невозможно.

Идеологическую чистку интеллигенции оккупационные власти продолжали вплоть до начала войны 22 июня 1941 г. В советский тыл эвакуировались лишь немногие работники университета.

В июле 1941 г. университетские здания и имущество тяжело пострадали от артиллерийского огня и боевых действий отступающих из Тарту оккупационных войск. Университет лишился 22 зданий, в том числе трех учебных корпусов и трех жилых домов. По данным, собранным А. Миттом, заведовавшим хозяйственной частью (осень 1944 г.), было уничтожено 19 крупных зданий: 12 – в Раади, 3 – в ветеринарной клинике, 4 – в иных местах. Тяжело пострадало главное здание, учебный корпус на ул. Айа (Ванемуйзе), 46, обсерватория, здания Ботанического и Математического институтов. Было уничтожено или тяжело пострадало свыше 80 тыс. м³ университетских площадей. Для первоначального приведения зданий в порядок только стекла требовалось 12 тыс. м².^{11, 12}

Велики были также потери культурного наследия: погибли 135 частных библиотек, сгорели отраслевые библиотеки нескольких подразделений университета, склады книжных магазинов и типографий (в общем – не менее 465 тыс. книг).

5. 2. 3. ТАЛЛИНСКИЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

В начале 1940 г. в ТТУ было два факультета – строительно-механический и горно-химический; насчитывалось немногим более 600 студентов и 75 преподавателей.¹³

9 октября 1940 г. было утверждено временное Положение о Таллинском техническом университете ЭССР. Оно легло в основу советизации ТТУ и организации его дальнейшей деятельности. Важным нововведением стало создание структурных единиц нового типа – кафедр. Осенью 1940 г. для усиления идеологической работы была образована кафедра основ марксизма-ленинизма, ее руководителем и ординарным профессором был назначен ленинградский коммунист А. Сипсакас. Для научно-педагогических кадров университета стали проводить политзанятия.

По имеющимся данным, в начале войны в советский тыл эвакуировались 33 преподавателя и 350 студентов ТТУ, большинство – в порядке принудительной мобилизации.

5. 3. НЕМЕЦКАЯ ОККУПАЦИЯ

Немецкая оккупация (1941–1944) также была сопряжена с большими страданиями, человеческими потерями и материальным ущербом. Перед многими патриотически настроенными учеными были поставлены различные политические, идеологические и мировоззренческие проблемы.

5. 3. 1. ТАРТУСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

В первые месяцы оккупации были убиты девять преподавателей университета, среди них четыре преподавателя юридического факультета: проф. А.-Т. Клийманн, помощник преподавателя Вяйно Ланг, ассистенты

Александр Лооринг и Эльмар Круус.¹⁴ Кроме тех, кто еще недавно помогал репрессивным органам и активно поддерживал советскую власть, среди погибших были также люди, убитые без какого-либо обоснования. По данным советских властей, в первый период войны погибло свыше 40 университетских преподавателей и студентов.¹⁵

18 июля 1941 г. временным ректором университета стал Э. Кант. Вскоре он распорядился уволить всех, кто был принят на работу после 21 июня 1940 г., выбросить из библиотек всю коммунистическую литературу и убрать из названий советскую терминологию.¹⁶

Патриотически настроенные преподаватели и широкая общественность надеялись на открытие эстонского национального университета (по возможности в прежнем виде и как можно скорее). Однако в конце 1941 г. в Берлине было заявлено, что все высшие учебные заведения Остланда будут закрыты до победного окончания войны.¹⁷ В виде исключения предполагалось разрешить работу по отдельным имеющим важное военное значение специальностям. Ликвидации национального университета помешали также затянувшаяся война и желание оккупационных властей сотрудничать с молодежью оккупированных территорий. Университет был также необходим как учебное заведение, готовившее врачей, ветеринаров и агрономов для воюющего государства.

В январе 1942 г. оккупационные власти разрешили начать учебную работу на медицинском, ветеринарном и сельскохозяйственном факультетах. В отношении Тартуского университета Эстонского самоуправления (таково было теперь название университета) был применен Закон Эстонской Республики об университете, по которому им должен был единолично руководить ректор, без какого-либо совещательного органа. Преподаватели ТУ считались служащими Эстонского самоуправления. В августе 1942 г. было получено разрешение приступить к учебной работе на гуманитарных факультетах по специальным учебным планам военного времени. От поступающих требовался год работы на государственной службе. Предпочтение отдавалось молодым людям, отслужившим в немецкой армии, которых принимали без экзаменов (высшее образование в качестве премиальных за лояльность!). В октябре 1942 г. в университет было принято 835 новых студентов, из них по результатам экзаменов – только 133.¹⁸

Научная работа во время немецкой оккупации отошла на задний план. В качестве нового учреждения в 1943 г. при университете был открыт Институт антропологии и расовой теории (*Antropoloogia ja Rassisteaduse Instituut*), призванный развивать и пропагандировать расовую теорию с учетом местных условий. 15 апреля 1943 г., после объявления Германией тотальной войны, началась кампания по военному использованию университетской науки Прибалтики. Было установлено 18 тем, важных с военной точки зрения (темы группы А). Исследования по менее значительным с военной или экономической точки зрения темам (темы группы В, С и D) были либо приостановлены, либо разрешены в огра-

ниченном объеме отдельным исследователям. Подобное регулирование научной работы и планирование средств нанесло преподавателям, научным сотрудникам и вспомогательному персоналу университета как моральный, так и материальный ущерб.

В марте 1944 г. немецкие оккупационные власти решали, закрыть университет или эвакуировать его в Кенигсберг. Преподаватели ТУ были единодушно против обоих планов и, игнорируя оккупационные власти, организовали охрану университетского имущества, а затем развернули вывоз его большей части в окрестности Тарту. Во второй половине августа многие работники университета были эвакуированы вместе с частью ценного имущества в Хаапсалу и Таллинн. Эти единодушные действия преподавателей и работников университета предотвратили бесследное исчезновение преподавателей и окончательное уничтожение материально-технической базы.

Многие высококвалифицированные ученые, как и большая часть народа, избрали в 1942–1944 гг. путь эмиграции (см. статью «Человеческие потери»).¹⁹ За Балтийское море бежали 110 университетских преподавателей, примерно столько же художников, актеров, музыкантов, писателей и журналистов.²⁰ Репрессии советских оккупационных властей или страх перед новой оккупацией, заставившие людей бежать на Запад, привели к тому, что Эстония лишилась большей части своих ведущих ученых.²¹

В ходе боев за Тарту в августе–сентябре 1944 г. университет потерял еще 15 своих учебных и хозяйственных зданий. То же, что уцелело в огне войны, находилось в непригодном состоянии, поскольку кабинеты и лаборатории были разрушены и опустошены. Общий ущерб был оценен более чем в 40 млн. рублей.²² По данным советской стороны, в весеннем семестре 1941 г. из персонала и студентов пали в ходе боев или были расстреляны немцами и их приспешниками 57 человек.

5.3.2. ТАЛЛИННСКИЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Первая группа немецких военных ворвалась в главный корпус ТТУ 28 августа 1941 г. Немецкие спецкоманды вывезли из аудиторий предметы из ценных металлов, чем причинили университету ущерб в 112 000 рублей.²³

12 сентября 1941 г. ректором был назначен проф. Роберт-Йоханнес Ливлэндер, несколько позднее ТТУ был переименован в Таллиннский технический университет Эстонского самоуправления. Несмотря на усилия преподавателей, к учебной работе удалось приступить лишь 1 февраля 1942 г. Если в весеннем семестре 1941 г. в университете насчитывалось 110 преподавателей и 1258 студентов, то теперь осталось всего лишь 64 преподавателя и 428 студентов. Сокращение численности преподавателей и студентов было (наряду с условиями военного времени) вызвано и структурными преобразованиями – экономический факультет

был переведен обратно в Тартуский университет. В остальном же структура ТТУ осталась прежней.²⁴

Из-за недостаточного финансирования семестры 1941/42 учебного года оказались сверхкороткими (оба продолжительностью менее трех месяцев; осенний семестр 1941 г. переместился в первую половину 1942 г.).²⁵ Осенью 1942 г. было принято 110 новых студентов, и их общая численность достигла максимального за этот период уровня (693 – по состоянию на 1 декабря). Следующей весной студентов было 675, осенью – 495 и в конце июня 1944 г. – 499. Численность преподавателей также оставалась сравнительно небольшой (в осеннем семестре 1942 г. – 58, в весеннем семестре 1943 г. – 62, в осеннем семестре 1943 г. – 58).

Учебная работа протекала с большими трудностями и оставляла желать лучшего. Большинство студентов были вынуждены наряду с учебной работать, а также принимать участие в обязательных мероприятиях по заготовке топлива. Несмотря на то, что 29 научных тем были отнесены к важным с военной точки зрения, а 22 темы отнесены к важным с точки зрения восстановительных работ, научная работа по существу не финансировалась.²⁶

16 февраля 1944 г. учебная работа была приостановлена, и ТТУ оставался закрытым вплоть до окончания немецкой оккупации. Патриотически настроенным преподавателям удалось предотвратить эвакуацию персонала и имущества университета в Германию.

Советские власти оценили материальный ущерб, причиненный немецкой оккупацией 1941–1944 гг. ТТУ, в общей сложности, в 146 679 рублей.²⁷

5. 4. ВТОРАЯ СОВЕТСКАЯ ОККУПАЦИЯ

Эстония как составная часть советской империи под гнетом тоталитарной идеологии и политики. На протяжении долгого времени Советский Союз представлял собой сталинистскую тоталитарную систему, в которой подавлялись все признаки гражданского общества. С помощью системы экономической политики, тоталитарной идеологии, страха и террора, КПСС полностью контролировала советское общество. Одна из исходных предпосылок сталинизма гласила, что, вооружившись правильной и всепобеждающей теорией, можно изменить мир, добившись триумфа коммунистических идей. Сталинистская тоталитарная система правления продержались в СССР вплоть до смерти Иосифа Сталина в 1953 г. Затем начались определенные перемены. В 1953 г. первым секретарем ЦК КПСС стал Никита Хрущев. В 1956 г. он выступил на закрытом заседании XX съезда КПСС с докладом о культе личности Сталина и его последствиях. Съезд обсудил вопрос о культе личности и осудил его. Идеологическая борьба вокруг культа личности и дальнейшего развития страны вновь вспыхнула в июне 1957 г., когда Пленум ЦК КПСС

разоблачил и отстранил от руководства государством группу политических деятелей, выступавших против генеральной линии партии. Эти годы назвали хрущевской «оттепелью» – в стране были проведены экономические реформы ограниченного масштаба, произошла относительная идеологическая либерализация. Союзные республики получили некоторые экономические права. Наиболее важным в этом плане было создание в 1957 г. Советов народного хозяйства. Однако планы построения коммунизма и политический курс СССР оставались прежними.

В 1964 г., с приходом к власти Леонида Брежнева, курс развития СССР вновь изменился. Начались новые ограничения в идеологической сфере. В середине 1970-х гг. застой и экономические трудности начали усугубляться. Грандиозные планы построения коммунизма застопорились окончательно. Восторжествовал реакционный тезис о новой общности – так называемом едином советском народе, который лег в основу новой волны русификации. Время правления Брежнева впоследствии назвали годами застоя, но, по мнению многих аналитиков, его было бы правильнее назвать постсталинизмом.

В 1985 г. во главе Советского Союза встал Михаил Горбачев, который с помощью новой политики перестройки попытался начать строительство «социализма с человеческим лицом» и спасти страну от краха.

Местное эстонское руководство, начиная с 1940 г. усердно исполняло все распоряжения советских властей. В начале второй советской оккупации еще сохранялись определенные иллюзии о возможности ограниченной автономии республики. Однако в 1947–1948 гг. сталинизм во всей присущей ему циничностью был насажден и в Эстонии. Начиная с 1949 г. в руководстве стали все больше доминировать эстонцы-коммунисты из России, партийные и государственные чиновники, чье мировоззрение сформировалось в рамках тоталитарной сталинской системы. В 1949 г. резко обострилась борьба за власть в руководстве КП(б)Э. На состоявшемся в марте 1950 г. VIII Пленуме ЦК КП(б)Э родившиеся в России коммунисты под руководством Ивана (Йоханнеса) Кэбина одержали решительную победу. В ходе последовавшей затем чистки, из партии была исключена большая часть местных коммунистов. Началась «охота на ведьм» в научных учреждениях, высших учебных заведениях и творческих союзах, уничтожение книг, изданных в эстонское время. Власть поощряла доноительство и анонимные обвинения. Несмотря на то, что сталинский режим в СССР был ликвидирован, люди, активно насаждавшие его в Эстонии, по-прежнему оставались у власти. И. Кэбин возглавлял КП(б)Э (впоследствии КПЭ) с 1950 по 1978 г. (то есть 28 лет), а затем с 1978 по 1983 г. занимал пост Председателя Президиума Верховного Совета ЭССР. В 1978 г. первым секретарем КПЭ стал эстонец из России Карл Вайно, который пробыл на этом посту 10 лет, ревностно проводя политику русификации.

5. 4. 1. ТАРТУСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Коммунистическая партия и первичная партийная организация ТГУ приступают к советизации университета. 17 ноября 1944 г., торопясь по идеологическим соображениям, оккупационные власти вновь открыли Тартуский государственный университет. Он продолжил свою деятельность на основе структуры и учебных планов, принятых в 1940–1941 учебном году. В списке студентов числилось 1455 человек, из них на первый курс было принято 543 студента.

Первичная партийная организация ТГУ, состоявшая из трех человек, приступила к работе 25 октября 1944 г. под руководством секретаря Лидии Роотс. Весной 1945 г. в нее входило 11 членов и три кандидата в члены партии. На многие годы основной заботой парторганизации стала идеологическая воспитательная работа и продвижение своих людей на руководящие должности, а также выдавливание из университета ученых и преподавателей, признанных непригодными по идеологическим соображениям. Понятно, что руководство университета в вопросах кадровой политики было далеко не свободно.

Для контроля над руководящими работниками и надзора за каждым существенным повышением по служебной линии, в СССР была введена всесоюзная номенклатура должностей ЦК КПСС. На всех входящих в нее работников составлялись подробнейшие личные дела. Номенклатура была двухступенчатой: всесоюзная (ЦК КПСС) и республиканская (ЦК КПЭ). Количество номенклатурных должностей все росло, в начале 1947 г. было увеличено и число так называемых всесоюзных должностей ТГУ. Дополнительно в номенклатуру ЦК КПСС были включены заведующие определенными кафедрами (история СССР и история ЭССР; теория и история государственного права; международное право; административное право; гражданское право и гражданское процессуальное право; земельное и колхозное право; государственное право; уголовное право и уголовный процесс). В номенклатуру ЦК КПЭ были включены должности заведующих кафедрами диалектического и исторического материализма, всеобщей истории, истории литературы, фольклора. Был расширен и так называемый резерв номенклатуры.

На всех людей, занимающих эти должности, в срочном порядке представлялись подробные личные дела в ЦК КПЭ.²⁸

Этот новый порядок значительно сузил возможности проведения собственной кадровой политики в ТГУ и других высших учебных заведениях и научных учреждениях и во многом сократил свободу выбора при заполнении вакантных академических должностей. Компартия все более пристально следила за всеми кадровыми перестановками в университете. Главным критерием при выборе или повышении в должности были не компетентность или талант, а идеологическая лояльность и социальное происхождение.

В 1947–1953 г. в Эстонии наиболее актуальной идеологической проблемой стала борьба с так называемыми буржуазными национали-

стами. Хотя никакого четкого определения проявлений буржуазного национализма не существовало, власти с энтузиазмом включились в эту кампанию.

Помимо коммунистов ТГУ, на так называемых буржуазных националистов охотилось и Министерство просвещения ЭССР. Так, заместитель министра Х. Маран в секретном письме (от 10 февраля 1947 г.) секретарю ЦК КПЭ Николаю Каротамму подверг идеологическому разоблачению или сомнению целый ряд преподавателей ТГУ. В письме перечислены «буржуазные националисты» и каждому дана оценка: Якоб Кентс, доцент кафедры географии, «не только чуждый, но и вредный элемент для той ответственной работы, которой он занимается»; Виллем Аллтоа, доцент кафедры истории литературы, «... не свободен от буржуазно-националистического уклона и, принимая во внимание его прежнюю деятельность и нынешние работы (...), он не может руководить работой студентов в таком важном секторе, как история литературы»; Яан Конкс, доцент кафедры истории СССР, «составлял во время оккупации учебники истории. (...) Эти книги как непригодные изъяты из обращения. Руководство же университета считает возможным использовать автора...»; Даниэль Пальги работает в Тарту редактором научной литературы, «в общем (...) известен как историк литературы буржуазно-националистического направления»; Йоханнес Сильвет, преподаватель английского языка, «... в августе 1944 г. выступил против наступающей Красной армии на стороне оккупационных властей и был ранен. (...) эвакуировался в Германию. В сентябре 1945 г. вернулся в Тарту. (...) Странной кажется та расторопность, с которой Й. Сильвет был привлечен к работе в университете (...), хотя из вышеперечисленных фактов должно быть ясно, что он этого не достоин».²⁹

Письмо Х. Марана не осталось без внимания. Н. Каротамм отдал своим подчиненным строгий приказ: «Если факты подтвердятся, этих буржуазно-националистических деятелей надо из университета убрать».³⁰

Одной из форм идеологической обработки преподавателей была обязательная учеба в Вечернем университете марксизма-ленинизма. Однако несмотря на эти широкомасштабные меры, на заседаниях партбюро вновь и вновь приходили к заключению, что университетские кадры настроены недостаточно прокоммунистически и что мировоззрение их по-прежнему «засорено».

После VIII Пленума ЦК КПЭ (1950 г.), 20 мая, состоялось очередное заседание партбюро ТГУ, на котором обсуждалось положение с кадрами.³¹ Члены бюро Вилль, Рааг, Раудсепп и др. решили, ввиду «засоренности кадров», принять соответствующие меры. Они состояли в увольнении и перемещении деканов, заведующих кафедрами и профессоров, отстранении от учебной работы доцентов и увольнении многих преподавателей. Эти «меры» планировалось применить в общей сложности в отношении 46 преподавателей и работников семи факультетов.³²

В составленной в январе 1951 г. заведующей отделом кадров ТГУ Х. Кург справке заведующему отделом пропаганды и агитации ЦК КП(б)Э Энделю-

Йоханнесу Яанимяги, перечислены имена 16 бывших работников университета.³³ В списке 16-ти безработных преподавателей было три профессора – Эльмар Илус, Эльмар Лийк и Харри Моора, пять доцентов – Рихард Клейс, Лео Леэсмент, Вальмар Адамс, Йоханнес Сильвет и Юхан Аул, четыре старших преподавателя – М. Кенгсепп, Я. Савиаук, Фред Куду и Артур-Роберт Хоун, а также еще несколько преподавателей военной подготовки.

После чистки, произведенной среди преподавателей, очередь дошла и до ректора. На заседании партбюро университета 13 марта 1951 г. обсуждалась работа проректора по науке Эдуарда Мартинсона. Кроме того, проводилось «критическое обсуждение» ректора Альфреда Коорта. На том же заседании секретарь партбюро университета отметил: «Что касается ведения научного совета на русском языке, то, думаю, что это правильно и никто возражать не будет».³⁴ В 1951 г. Тартуский университет наряду с советизацией подошел и к полной русификации.

Освобождение А. Коорта от должности ректора состоялось 8 июня в кабинете секретаря ЦК КПЭ И. Кэбина, где сразу же был назначен новый ректор. В целом в течение одного года из ТГУ было уволено или вынуждено уйти 76 преподавателей и свыше 120 прочих работников.³⁵

Нового ректора довольно долго подыскивали за пределами Эстонии. В начале 1950 г. остановились на кандидатуре этнического эстонца, преподавателя физики Ленинградского государственного университета Федора Клемента. После долгих согласований он был утвержден Министерством высшего образования СССР и Политбюро ЦК КПСС (!) настолько важной стала в те годы должность ректора университета.³⁶

В конце первой рабочей недели Ф. Клементу сообщили из ЦК КПЭ, что ему непременно надо принять участие в пленарном заседании Академии наук, которое состоится вскоре, поскольку на нем он будет выдвинут в действительные члены Академии. Это явилось большой неожиданностью и для самого Клемента. Так Академия наук ЭССР выбирала в 1951 г. новых членов.³⁷

Став ректором, Ф. Клемент твердой рукой начал вводить в университете советские порядки. 15 февраля 1952 г. состоялось открытое партийное собрание коммунистов университета, на котором было отмечено множество недостатков. Особенно было подчеркнуто, что «не ведется активная борьба с элементами буржуазной идеологии в науке. Совершенно неудовлетворительно ведется разоблачение буржуазно-националистических концепций в вопросах истории Эстонии».³⁸ Решение общего партийного собрания на русском языке было сделано по известным советским образцам.

В 1952 г. поисками и вербовкой преподавателей для высших учебных заведений Эстонии из Ленинграда и Москвы занимался также первый секретарь ЦК КП(б) Эстонии И. Кэбин. В своем письме от 17 января 1952 г. он просит министра высшего образования СССР В. Столетова направить профессоров в высшие учебные заведения Эстонии – как читать лекции, так и на постоянную работу. Особый интерес для партийного руководи-

теля представляет тема «Диалектика мичуринской биологии». Столетов пообещал при первой же возможности удовлетворить просьбу – прислать на работу в вузы Эстонии специалистов высокой квалификации.³⁹

Переломным стал 1953 год: в начале марта умер И. Сталин. Но в первой половине этого года еще продолжали доминировать культ великого вождя и жесткая критика в адрес преподавателей, неспособных понять значение «научных трудов» Сталина.

С середины 1950-х годов начинается новый период развития высшего образования и науки. Идеологическая и политическая воспитательная работа смещаются в сферу деятельности кафедр общественных наук, особенно марксизма-ленинизма (впоследствии переименованные в кафедры истории КПСС) и научного коммунизма.

Из кафедр общественных наук ТГУ первой начала работу осенью 1944 г. кафедра основ марксизма-ленинизма, впоследствии переименованная в **кафедру истории КПСС**. В первый год работы на кафедре было только двое преподавателей: заведующий Вильгельм Рейман и Лидия Роотс. В следующем учебном году число преподавателей кафедры возросло до семи. Руководил кафедрой в 1960–1968 гг. Йоханнес Якобсон, в 1969 г. заведовать кафедрой стал Йоханнес Калитс. В 1980–1981 учебном году на кафедре было 15 преподавателей, в том числе один доктор наук и 14 кандидатов. Историю КПСС преподавали на первом и втором курсах в объеме 170 часов, на некоторых отделениях – 120 часов.

Кафедра научного коммунизма ТГУ была основана в 1964 г. в связи с включением научного коммунизма в учебные планы высших учебных заведений в качестве обязательного предмета. Кафедрой руководили Александр Блумфельдт, Калев Когер, Иван Волков, преподавателями работали Мезта Мурд, Тоомас Алаталу, Ивар Аймре, Мярт Кубо и др.

Научный коммунизм преподавался в ТГУ на пятом и шестом курсах в объеме 80 часов, завершался курс государственным экзаменом.

В 1980–1981 учебном году на кафедре было восемь преподавателей. Они издавали совместные сборники трудов по научному коммунизму и прочие материалы по идеологическому воспитанию.

Партийная организация ТГУ начала действовать 25 октября 1944 г. Тогда в университете насчитывалось трое коммунистов: Ханс Круус, Карл Таэв и Лидия Роотс. В 1980 г. в ней насчитывалось 600 членов партии и 43 кандидата. На протяжении десятилетий важнейшей задачей партийной организации университета, как уже отмечалось выше, было усиление идеологической борьбы, и, прежде всего, борьба с проявлениями буржуазного национализма.

Работа на посту секретаря партийной организации университета была для будущих деятелей коммунистической номенклатуры чем-то вроде экзамена на идейно-политическую верность. После этого экзамена открывались новые возможности для карьеры по специальности или карьеры в более широком политическом смысле. Во главу партийной организации обычно избирали кого-нибудь из университетских коммунистов.

Должность университетского парторга занимали: Лидия Роотс, Аркадий Уйбо, Аугуст Премет, Павел Калью, Андрей Вилл, Арно Кёэрна, Женни Ананьева, Всеволод Архангельский, Лийна Степанова, Йоханнес Калитс, Эндель Лаазик, Эндель Силк, Антидеа Метса, Уно Полисински, Лембит Райд, Эдгар Салумаа, Вильмар Руус, Калев Когер, Яан Рейманд, Адвиг Кирис, Пауль Кенкманн и др. Членами партбюро или парткома перебивали очень многие преподаватели и администраторы. На всех лежит известная ответственность за советизацию университета, тесное сотрудничество с оккупационными властями и нанесение урона государственности Эстонии.

5. 4. 2. ТАЛЛИННСКИЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ (В 1944–1989 гг. – ТАЛЛИННСКИЙ ПОЛИТЕХНИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ)

27 сентября 1944 г. под председательством нового директора ТПИ Альбрехта Алтма состоялось первое собрание преподавателей; учебная работа началась 15 ноября. К концу года в институте насчитывался 941 студент (в феврале их было 499). К концу ноября насчитывалось 86 преподавателей, в том числе 32 профессора и доцента, пять старших преподавателей, три преподавателя и 46 ассистентов (в феврале работников в общей сложности было 66). Коммунистов в трудовом коллективе ТТУ было всего лишь трое (первичная партийная организация). Ее первоочередными задачами были превращение ТПИ в советский технический вуз, повышение идейно-политического уровня учебной работы, преодоление влияния «эстонских националистов» и вербовка новых членов КПЭ. Более точные указания первичным организациям в первые послевоенные годы неоднократно давал первый секретарь ЦК КПЭ Николай Каротамм.⁴⁰

Воспитанием технической интеллигенции активно занимался и председатель Совета народных комиссаров А. Веймер. 9 февраля 1945 г. Совет народных комиссаров ЭССР и Центральный Комитет КП(б)Э приняли совместное постановление «Об улучшении работы высшей школы». Все вузы и их кафедры были обязаны тщательно и принципиально следить за тем, чтобы лекции и семинары велись «на уровне последних достижений передовой науки», а особенно – за тем, чтобы они были идеологически верными и опирались на теорию марксизма-ленинизма. Последняя же «являлась методологической основой всей передовой науки, служила интересам трудового человечества и была свободна от фальсификаций и идеалистической ограниченности».⁴¹

В 1947 г. проявляется враждебное отношение первичной партийной организации ТПИ к позиции и лекционным материалам некоторых преподавателей. В протоколе закрытого заседания от 24 июня были перечислены профессора, которые игнорируют достижения Советского Союза и преклоняются перед Западом: Пауль Когерман, Оттомар Маддисон, Лео Юргенсон, Арнольд Хумал.⁴² В октябре того же года в ТПИ открылось отделение Вечернего университета марксизма-ленинизма при Таллинн-

ском городском комитете КПЭ. В течение нескольких последующих лет там учились все преподаватели института.

В рамках все обостряющейся идеологической борьбы неожиданный поворот получили выступления мужского хора ТПИ в 1948 г. в Тарту и Риге. После того как хор промаршировал по улицам Риги, исполняя *Gaudeamus*, в Риге, Москве, Таллинне, а также на партбюро института были сделаны далеко идущие выводы. Заседание партбюро ТПИ постановило: «Усилить борьбу с буржуазно-националистическими и корпоративными пережитками во всем преподавательском и студенческом коллективе. Подключить к этой работе все общественные организации, администрацию и групповые тройки».⁴³

Накануне V съезда КПЭ на закрытом заседании парторганизации ТПИ (от 15 октября 1948 г.) было подчеркнuto: «Руководящие кадры института очищены от людей, которые оказались неспособны осуществлять правильную советскую учебно-воспитательную работу в ТПИ и являлись идеологически и политически чуждым элементом для советского общества (проф. Вырк, доцент Оэнго, ассист. Хеллам)». И далее: «... на должности директора и заместителя директора (...) назначены новые работники».⁴⁴ В качестве большого достижения приводился следующий факт: «на протяжении одного только 1947–1948 учебного года из института в качестве социально чуждого элемента отчислено 30 студентов».⁴⁵

Особый размах и масштабы получают репрессии по идеологии и социальному происхождению после VIII Пленума ЦК КПЭ (март 1950 г.). Общее собрание первичной партийной организации ТПИ, насчитывавшей 51 члена, длившееся семь с половиной часов, обсуждало персональные вопросы и заслушало доклад о результатах VIII пленума. По персональным вопросам было решено: «Эрит Вольдемар, исключить из партии как случайно принятого в ее ряды (...), Лукас Яан Маркович... исключить из партии (...), Муллас Олав Юрьевич... исключить из партии (...)». В отношении двух последних причиной исключения являлось то, что «Лукас и Муллас арестованы органами госбезопасности».⁴⁶ В выступлениях, прозвучавших на общем собрании, на ряд преподавателей указали как на чуждый и вредный элемент и потребовали убрать их из института. Кроме профессора Оттомара Маддисона, к числу вредителей были причислены также профессор Пауль Когерман, Яан Карк и доценты Оскар Киррет, Хуго Оэнго, Георг Метс и Бернхард Веймер. В конце 1940-х и начале 1950-х гг. работу в институте потеряли многие известные преподаватели. Были уволены основоположники высшего технического образования профессора О. Маддисон и Я. Карк, уволен и арестован профессор Ханс Вырк, которого в 1951 г. обвинили в антисоветской агитации. В 1950 г. были арестованы преподаватели военного дела О. Муллас и Я. Лукас, последний скончался в лагере в 1953 г.

В 1945–1951 гг. репрессивная политика партийной организации ТПИ существенно затрудняла учебную работу и научную деятельность вуза, сковывая возможности и развитие многих людей.

Как указывалось выше, начиная с середины 1950-х гг. т.н. идейно-политическая деятельность и идеологическая воспитательная работа все больше ложатся на плечи кафедр, непосредственно связанных с идеологией.

Факультет общественных наук – факультет внедрения коммунистических идей, идеологического отбора и контроля. Начиная с 1945 г. в ТПИ действовали две соответствующие кафедры: кафедра основ марксизма-ленинизма и кафедра политэкономии. В 1961–1962 учебном году преподаванием основ марксизма-ленинизма и политэкономии занимались уже три кафедры: реорганизованная и ставшая самостоятельной кафедра философии, кафедра истории КПСС и кафедра политической экономии. В 1963 г., исходя из решений июньского Пленума КПСС по идеологической работе, в ТПИ в срочном порядке была организована еще одна, главная идеологическая кафедра – кафедра научного коммунизма. На протяжении тридцати последующих лет эти четыре кафедры занимались насаждением и распространением основ коммунистической идеологии. В задачи перечисленных кафедр входил как общий идеологический надзор и контроль над студенчеством, его убеждениями и устремлениями, так и обобщение региональных особенностей развития коммунистической идеологии и включение их в общую теорию. Рассмотрим поближе деятельность двух упомянутых кафедр и причиненный ими ущерб.

Кафедра истории КПСС ТПИ: «все силы и энергия – на коммунистическое воспитание студенчества». История КПСС была обязательным предметом с самого начала оккупации. Самостоятельной (только история КПСС) кафедра стала с 1961–1962 учебного года.

Опубликованные т.н. научные труды и диссертации ведущих преподавателей кафедры на протяжении десятилетий отличались откровенной враждебностью по отношению к Эстонской Республике и ее независимости, искажением исторических событий и фактов. Так, руководивший в 1949–1954 гг. кафедрой марксизма-ленинизма Адольф Пясс написал кандидатскую диссертацию на тему «Коммунистическая партия Эстонии – вдохновитель и организатор борьбы трудового народа с иностранными интервентами и их пособниками – эстонскими буржуазными националистами в 1918–1920 гг.» Труды аналогичного содержания были характерны для преподавателей кафедры на протяжении 40 лет. В 1962–1964 гг. кафедрой истории КПСС руководил А. Пясс, который в 1956–1960 гг. был директором Института истории партии при ЦК КПЭ. В 1964–1967 гг. обязанности заведующего кафедрой исполнял Юло Тайгро, в 1967–1977 гг. – Эдгар Маттизен и в 1977–1985 гг. – Мати Граф.

В 1985 г. на кафедре работало 15 штатных преподавателей, в том числе 3 доктора наук и 12 кандидатов наук. Историю КПСС преподавали в качестве обязательного предмета студентам всех общетехнических специальностей в объеме 120 часов, а студентам экономического факультета – в объеме 170 часов. В 1985 г., когда в высших учебных заведениях Эстонии обучалось в общей сложности 9609 студентов, на принудительное изучение

псевдонауки – истории КПСС – было затрачено около 260 000 учебных часов. За одно десятилетие на это ушло свыше 2,6 млн. учебных часов. Теперь можно сказать, что это был также огромный материальный ущерб.

Кафедра научного коммунизма: «целостные знания о закономерностях развития коммунистической формации и путях становления диктатуры пролетариата». Кафедра была основана уже к началу 1963–1964 учебного года. Вначале на должность завкафедрой пригласили кандидата исторических наук Бориса Тамма. Одним из сотрудников стала и бывший секретарь ЦК ЛКСМ Эстонии (1955–1962) Клара Халлик, которая в 1974–1984 гг. возглавила кафедру. После К. Халлик кафедрой заведовал Юзеф Лившиц.

Новый предмет преподавали студентам ТПИ всех специальностей в объеме 70 часов. Среди преподавателей числились также Габриэль Хазак, Херберт Вайну, Микк Титма, Георг Соотла, Ивар Аймре и др. Эти люди были в то время ведущими специалистами Эстонии по научному коммунизму и в качестве преподавателей и экзаменаторов выполняли идеологический заказ. Студентам же приходилось тратить примерно 150 тысяч часов ежегодно на прослушивание лекций по т.н. научному коммунизму (плюс время на подготовку к экзаменам).

Начиная с 1974–1975 учебного года, государственный экзамен по научному коммунизму стал обязательным во всех высших учебных заведениях. Ликвидирована кафедра научного коммунизма ТПИ была в конце 1980-х годов.

Рост и изменение функций партии и комсомола – идеологических организаций ТПИ. Поздней осенью 1944 г. в вузе было всего три коммуниста. К декабрю 1945 г. в партийной организации насчитывалось уже 14 членов и четверо кандидатов в члены партии. В последующие годы численность коммунистов стала расти, и они начали обсуждать и контролировать работу деканатов и кафедр, комплектацию должностей, выборы научных сотрудников, доцентов и профессоров, выдачу обязательных характеристик-рекомендаций для зарубежных командировок, идейно-политическое воспитание студентов и т.п. Партийная организация и особенно ее руководство за несколько лет стали органом тотального внутриинститутского идеологического контроля. Кроме того, в ее компетенцию входили также хозяйственные и организационные вопросы. В 1950 г. в парторганизации института насчитывалось 58, в 1960 г. – 102, в 1970 г. – 296, в 1980 г. – 417 и в 1985 г. – 472 члена.⁴⁷ (В 1986 г. в ТПИ работало свыше 2100 человек; студентов насчитывалось более 9000.)

За десятилетия оккупации функции и деятельность первичной партийной организации ТПИ претерпели изменения. В первое десятилетие (1945–1955) основное внимание было направлено на идеологическую борьбу с проэстонски настроенными преподавателями и студентами, а также на искоренение т.н. буржуазного национализма и низкопоклонства перед Западом. В итоге – на превращение вуза в «социалистический очаг культуры».

К концу 1973 г. 39% преподавателей института были коммунистами. Преподаватели кафедр общественных наук почти стопроцентно состояли в партии. На протяжении десятилетий партийной организацией ТПИ руководили многие. Назовем лишь некоторых партработников, членов бюро и парткома.

В 1944–1952 гг. в авангарде были коммунисты Людвиг Кальман, Аугуст Сипсакас, Алексей Цыганков, Фердинанд Эйзен, Эрвин Кангур, Людвиг Шмидт, Г. Родионов, Адольф Пясс, А. Пальм и Альберт Корсмик. Понемногу в партбюро, насчитывавшем девять членов, появлялись новые люди. Во второй половине 1950-х годов долгое время секретарем был Аугуст Клемент. В 1960-х годах в руководство партийной организацией выдвинулись Агу Аарна, Карл Аллик, Всеволод Архангельский, Бернхард Хийре, Сергей Докелин, Иво Сойдра, Эрих Кёппер, Владимир Козлов, Эндель Уус, Олег Буссель, Хуго Тийсмус и Вольдемар Маазик. В 1970-х годах их ряды пополнили Ааду Тальтс, Хели Йоонасе, Э. Когерман, Михкель Пикнер, Ольга Пыдер, Ульяс Тамм, Линда Вамбола, Габриэль Хазак, Игорь Михельсон, Рейн Отсепп, Х. Херм, Мати Граф, Райво Вихвелин и др. В 1980-х годах партком ТПИ насчитывал уже 20 членов. К началу десятилетия к партактиву примкнули Андрес Кеэваллик, Лейли Мёльдре, Эдуард Сауль, Владимир Татроков и др.

В начале 1945 г. в ТПИ обучалось около 1000 студентов (из них 4 комсомольца). В 1950 г. их было уже 365, в 1960 г. – 887, в 1970 г. – 3572 и в 1980 г. – 4966.⁴⁸ Одной из основных задач комсомола было претворение в жизнь политики коммунистической партии и выполнение ее конкретных решений. Важное место в деятельности организации занимал также контроль над мировоззрением и идейно-политическими настроениями молодежи.

5. 4. 3. АКАДЕМИЯ НАУК ЭСТОНСКОЙ ССР

В 1946 г. была основана Академия наук Эстонской ССР (АН), где за сравнительно короткий срок сосредоточились научные силы, которые отвечали тогдашним идеологическим требованиям и классово-принадлежности. 5 апреля 1946 г. в замке Тоомпеа состоялось первое общее собрание Академии наук ЭССР, в котором приняли участие 14 действительных членов академии с ученой степенью доктора наук и 10 членов-корреспондентов. Президентом АН был избран Ханс Круус, вице-президентами Юхан Ваабель и Аксель Киппер, секретарем – Юри Нуут. Во второй половине года в ведение АН передали 10 научных учреждений, к концу года в них в общей сложности работало 360 человек (в том числе 160 научных сотрудников). К концу 1947 г. в АН было уже 4 отделения, 12 институтов, 3 музея и 3 научных общества. Из 862 штатных должностей было занято 745.

В апреле 1947 г. состоялась первая научная сессия АН, давшая обзор деятельности академии, тематики исследований и первоначальных

результатов научных изысканий. В ходе сессии руководство АН продемонстрировало свою верность коммунистической партии и оккупационным властям, а также заверило в своих верноподданнических чувствах лично И. Сталина – «...великого ученого нашей эпохи».⁴⁹ Намеченная сессией исследовательская работа по экономике и развитию культуры продолжалась недолго: последовавшая за широкомасштабной депортацией 1949 г. новая волна репрессий обострила идеологическое противостояние интеллигенции и властей. Идеологическое руководство КПЭ вновь принялось усердно выискивать и повсеместно искоренять буржуазных националистов.

28 января 1950 г. на заседании бюро ЦК КП(б)Э обсуждалась работа Отделения общественных наук АН. Идеологический руководитель КПЭ И. Кэбин дал Академии наук и проделанной ее руководством работе уничтожающую оценку: «Мы взяли лишь часть работы АН, потому что именно здесь проявляется эта насквозь прогнившая политика, свойственная Академии наук с самого начала. Причина в том, что, по мнению Крууса, наука принадлежит буржуазной интеллигенции, и пролетарской партии делать здесь нечего. Бытовало также мнение, будто приглашение людей из других союзных республик, эстонцев в том числе, отбрасывает эстонскую культуру и науку на 10–15 лет назад. Этот тезис пропагандировал Андресен, такая позиция не чужда и Круусу... 25% кадров АН – выходцы из буржуазных партий. В Академии наук много тех, кто никогда не станет советскими учеными. ... Круус в отборе кадров вел антипартийную политику. ... “Верхушка” сидит и не пускает партийную науку в массы...».⁵⁰ В заключение И. Кэбин предложил исключить Х. Крууса из партии.

Ханса Крууса исключили из партии 18 марта, незадолго до VIII пленума. В апреле того же года он был объявлен запрещенным автором, исключен из членов АН (это решение общее собрание академии якобы бурно приветствовало), а в октябре его арестовали.

В 1950 г. президентом Академии наук ЭССР стал Йохан Эйхфельд, а в начале 1952 г. место вице-президента занял Густав Наан. Оба были российскими эстонцами, прошли советскую школу и имели опыт работы в СССР. Были они единомышленниками и по вопросу проводившихся чисток, и в отношении дальнейшего направления работы академии.

В 1951 и 1952 гг. секретари Центрального Комитета КП(б)Э Иван Кэбин и Леонид Ленцман непосредственно занимались исследовательской тематикой академии, следили за отчетами и всевозможными материалами сессий, а также занимались идеологическим контролем. В конце 1951 г. в работе академии имелось уже много т.н. закрытых, или секретных тем. Секретари ЦК требовали предоставления аннотаций и отчетов для изучения проведенных в академии работ, а также характеристики авторов. Для научных работников это означало постоянный стресс и неуверенность в завтрашнем дне.

1952 г. принес с собой новые идеологические нападки на буржуазных националистов и привел к перемещению многих работников академии. В

сентябре на VII съезде КП(б)Э с речью выступил начальник Политуправления Балтийского флота Комаров, заявивший следующее: «Хотелось бы услышать, почему до сих пор у нас в партии и в республике на важных руководящих постах действуют люди, известные своими националистическими взглядами? Я, прежде всего, имею в виду Веймера... Говорят, он поддерживал противников советской власти. Почему же его выдвинули на такую важную работу, как научная проработка экономики Эстонии? ... Надо как можно скорее очистить важные посты от людей, подобных Веймеру, людей, поддерживающих буржуазных националистов и прикрывающих врагов советского народа.»⁵¹

Арнольд Веймер был освобожден от должности директора Института экономики АН ЭССР постановлением бюро ЦК КП(б)Э от 28 ноября 1952 г. Академик Николай Томсон покинул пост вице-президента в 1953 г., академик Николай Бузулуков оставил пост академика-секретаря в 1954 г., а многие другие ученые, вызванные для объяснений, с тревогой ожидали возможного развития событий.

Атмосфера тотального страха и опасности говорить о советской власти и ее идеологах даже в самом узком кругу, воцарилось на долгое время. Даже события 1953 г., смерть Сталина и последовавшие за ней изменения, не нарушили в Эстонии этого политического безмолвия. Победе и долговому сохранению идеологического направления, заданного Кэбином и Ленцманом в академических учреждениях, высших учебных заведениях и прочих «очагах» культуры способствовало и то, что на руководящие должности, дававшие возможность тотального контроля над умонастроениями, выдвигались люди, верные правящей клике. В 1950 г. президентом Академии наук был назначен Йохан Эйхфельд, директором Института языка и литературы АН – Х. Тобиас. В 1951 г. вице-президентом академии стал Густав Наан, директором Института истории – Виктор Маамяги. В том же 1951 г. началось широкое распространение идеологически правильных литературоведческих работ Энделя Сыгеля. На следующий год он пришел работать в Институт языка и литературы АН. В 1955 г. директором Института языка и литературы стал непреклонный большевик, присланный в 1940 г. в Эстонию, – старший политрук Красной армии Эдуард Пяль.⁵² В 1968 г. эту должность унаследовал Э. Сыгель, который к тому времени уже долгое время защищал принципы партийности литературы и искусства и требовал пристального следования классовому подходу. Многолетний главный редактор издательства «Ээсти раамат» Аксель Тамм так пишет о Сыгеле: «... кто еще, как не Эндель Сыгель с его железными принципами, мог бы руководить деятельностью литературоведов и написанием истории литературы. Эндель Сыгель сосредоточил в своих руках как редактирование истории литературы, так и контроль за литературной частью во всех справочных изданиях».⁵³

Идеологизация работы институтов социальных и общественных наук АН ЭССР и фальсификация истории распространялась также на содержание справочных изданий, имеющих более широкое общественное зна-

чение. Когда во второй половине 1960-х гг. началось издание «Эстонской советской энциклопедии», то членами ее редколлегии стали заслуженные коммунисты Хендрик Аллик, Йохан Эйхфельд, Харальд Хаберман, Каарел Ирд, Федор Клемент, Альберт Лаус, Виктор Маамяги, А. Панксеев и Арнольд Веймер. Общественную научную редакцию эстонской литературы возглавил Э. Сьгель. Главным редактором энциклопедии был назначен Г. Наан – в свое время верный последователь направления Кэбина – Ленцмана, следивший за неизменностью идеологического курса.

Восемь томов ЭСЭ вышли в 1968–1976 гг.; дополнения и регистры были опубликованы в дополнительном томе в 1978 г. В статьях ЭСЭ по социальным и гуманитарным дисциплинам были последовательно соблюдены необходимые идеологические каноны, а описание исторических событий исходило из пропагандистской, фальсифицированной в СССР истории.

17 лет спустя стала выходить новая ЭСЭ. И хотя за это время во всех областях жизни произошли огромные изменения, мерки создателей энциклопедии остались прежними. При подготовке и печати первых томов в редколлегии было еще много представителей просоветской идеологии. Руководили работой Г. Наан, В. Маамяги и Э. Сьгель. Главным редактором первых четырех томов был Г. Наан, который пробыл в этой должности до 12 февраля 1989 г.

5. 5. УСТАНОВЛЕНИЕ ТОТАЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ И УНИЧТОЖЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ

В СССР были задействованы оба известных в истории вида цензуры – цензура предварительная и цензура по выходу из печати. Кроме того, был введен доселе неизвестный способ: постоянное исправление ранее опубликованных данных и высказываний в справочных изданиях и литературных произведениях. Такую новую цензуру стали называть перманентной.⁵⁴

После оккупации Эстонии в 1940 г. перманентная цензура была введена молниеносно и в полном объеме. Первой важной сферой работы было введение тотальной предварительной цензуры и чистка библиотек от политически вредной литературы. Полное изъятие из обращения справочных изданий, научной и научно-популярной литературы, а также других ценных книг затруднило как занятия студентов, так и научную работу преподавателей и ученых.

Согласно проведенным в 1995 г. исследованиям, в 1940–1941 гг. из всех библиотек Эстонии было в общей сложности изъято около 50 000 экземпляров книг. Эта литература была свезена в Тарту, где для ее уничтожения было нанято 20 человек, которые рубили книги топорами в течение двух недель.⁵⁵

Летом 1941 г. немцы также установили многоступенчатую цензуру для идеологического контроля над всей издающейся печатной продук-

цией. При чистке библиотек за основу брались списки запрещенных книг, которые содержали литературу, изданную как в Германии, так и в Эстонии. На сей раз из библиотек изымали коммунистическую литературу, английскую и французскую литературу (начиная с 1933 г.), книги еврейских авторов, литературу антигерманского толка и т.п. По оценкам, данным во время советской оккупации, во время немецкой оккупации было уничтожено свыше 250 000 книг.⁵⁶

В первые годы второй советской оккупации параллельно с идеологической профилактикой шла подготовка к проведению в библиотеках более масштабных идеологических чисток. Предполагалось, якобы, даже запретить и уничтожить всю ценную литературу на эстонском языке – как в публичных, так и в личных библиотеках. В секретном докладе начальника Главного управления по делам литературы и печати ЭССР Л. Пялля (20 октября 1948 г.) ЦК КПЭ утверждалось: «Следует признать, что изданную до установления советской власти в Эстонии литературу необходимо по большей части изъять. Несмотря на то, что некоторые произведения обладают литературной или научной ценностью. ... Так, пришлось изъять журнал *Looming* («Творчество») до июля 1940 г., журнал *Varamu* («Кладезь»), *Eesti kirjandus* («Эстонская литература»), частично Эстонскую энциклопедию».⁵⁷

Распространенное в 1947 г. в СССР закрытое письмо ЦК ВКП(б) интеллигенции, положило начало кампании против низкопоклонства перед Западом, против космополитов и буржуазных националистов. Под низкопоклонством перед Западом подразумевалось упоминание зарубежных авторов, ознакомление с их гипотезами и теориями, публикация научных работ на иностранных языках, а также просто чтение иностранных книг.

В результате этой кампании был значительно ограничен доступ к специальной зарубежной литературе, а эстонским обществоведам было дано задание подвергнуть идеологической переоценке все национальное и мировое культурное наследие.

Сторонники тотальной цензуры дали отрицательную оценку, например, библиотеке ТГУ и ее специальному фонду (насчитывавшему 10 000 томов). В начале 1948 г. по распоряжению начальника Главлита библиотека была даже закрыта вплоть до изъятия запрещенной литературы».⁵⁸

На основании системы, выработанной в СССР, чистка библиотек была завершена к началу 1950-х годов. Большая часть изданной в Эстонии литературы и литературы на иностранных языках была переведена в т.н. спецфонды (пять из них были большими), где читать необходимую литературу можно было только по специальному разрешению.

К.-О. Вескимяги так оценил все запреты, изъятия и устранения по состоянию на 1966 г.: «Если теперь подсчитать все это, то из книг времен Эстонской Республики советская власть запретила 27 500–28 300 наименований». То есть около 87%.⁵⁹

5. 6. УЩЕРБ, ПРИНЕСЕННЫЙ АРХИВАМ И МУЗЕЯМ

5. 6. 1. АРХИВНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ И ПОТЕРИ

В 1920–1930-х гг. в Эстонии было создано государственное централизованное архивное дело, организованы государственные центральные архивы и сформирована сеть местных архивов. Архивное дело получило стремительное развитие, оно соответствовало практическим нуждам государства и требованиям эстонской исторической науки. При развитии и упорядочении архивов внимание, прежде всего, обращалось на более древние периоды (до 1710 г.). Старейшие архивные документы изучались более тщательно, их старались привести в хорошее состояние и сделать пригодными для использования. В апреле 1940 г. в фондах Государственного архива насчитывалось около 4000 погонных метров архивных дел.

С советской оккупацией в 1940 г. началось преобразование архивов и их использование в интересах новой власти. Уже 4 сентября было издано постановление об организации архивного дела.⁶⁰

Все ценные с государственной точки зрения документы, в том числе и фонды частных предприятий и физических лиц, были объявлены все-народным достоянием. Централизованному государственному хранению теперь подлежало гораздо больше документального материала. В 1940–1941 гг. эстонским государственным архивам пришлось принять массу архивных дел национализированных или ликвидированных предприятий и переселенцев, обосновавшихся в 1939 г. в Германии.

В 1941 г. советские оккупационные власти намеревались эвакуировать все важнейшие эстонские архивные дела в Россию, в Государственный архив Кировской области. Из-за ограниченных транспортных возможностей этот план не был осуществлен. Вывезли лишь часть самых ценных документов.

Определенная часть ценных фондов эстонских фабрик и заводов погибла при транспортировке или в результате военных действий.⁶¹

Последовавшая вскоре немецкая оккупация причинила архивному делу очередной ущерб. Так, например, в 1942 г. из Тартуского архива было вывезено в Германию, в Потсдамский военный архив, 2658 единиц хранения, касавшихся немецкой оккупации 1918 г. Из таллиннского Городского архива в Германию было вывезено свыше 7000 единиц хранения ценных документов. Большой ущерб причинили эстонским архивам военные действия и бомбардировки. Полностью погибло здание Городского архива Нарвы. В Городском архиве Таллинна сгорело около половины материалов. В огне пожара погибло много ценных документов Государственного центрального архива, всего свыше 100 000 единиц хранения.⁶²

Вскоре после войны на первый план выдвинулись комплектация и упорядочение материалов, поскольку примерно 80% архивных материалов было в разрозненном состоянии.⁶³ В результате спешки экспертиза была неудовлетворительной: были уничтожены материалы, которые подлежали хранению.⁶⁴

5. 6. 2. ПРЕОБРАЗОВАНИЯ И РЕПРЕССИВНАЯ ПОЛИТИКА В МУЗЕЙНОМ ДЕЛЕ

С самого начала оккупации деятельность эстонских музеев подверглась преобразованию по советским меркам. Музеи как идеологические учреждения были взяты под пристальный партийный контроль. Основным идеологическим требованием оккупационных властей к музеям было следующее: найти и показать документы, иллюстрирующие обострявшуюся классовую борьбу, а также продемонстрировать предметы быта, показывающие различные условия жизни различных классов и слоев населения. Повсюду требовалось возвеличивание Октябрьской революции и экспонирование оружия, боевых знамен, флагов и прочих предметов тех времен. Очень важное место занимали примеры исторических дружеских связей эстонского и русского народов. Со второй половины 1940-х до 1950-е гг. использовались любые возможности для демонстрации достижений русской науки, культуры и экономики и, особенно, превосходства нового «передового общественного строя» по сравнению с «вырождающейся западной цивилизацией».

5. 6. 3. ПРОЦЕСС ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ (1945–1946 гг.)

Небольшие коллективы работников музеев потряс и надолго деморализовал прошедший в 1945–1946 гг. процесс Исторического музея. Это был политический процесс, который начался с доносов в КГБ, а затем привел на скамью подсудимых и в заключение весь научный состав музея и некоторых работников технического персонала. 15 человек (8 мужчин и 7 женщин) были обвинены в попытке организации вооруженного восстания для свержения советской власти в Эстонии. Осуществить свои планы они, якобы, собирались с помощью собранного в музее старого поломанного оружия, а также запрещенной литературы.⁶⁵ Первоначально на основании доносов были арестованы четыре работника музея, а затем, после интенсивных допросов, забрали весь научный персонал. После того, как часть допрашиваемых с некоторыми оговорками призналась во вполне невинных антисоветских разговорах, а лейтенант КГБ Ершов, специалист по оружию, пришел к заключению, что собранное в музее старое, поврежденное и сломанное оружие возможно привести в рабочее состояние («... недостающие части можно заменить, если есть запчасти, то оружие пригодно к употреблению»), подготовка к восстанию была сочтена доказанной.

23 мая 1945 г., когда расследование заговора еще шло полным ходом, в дело вмешалось и бюро ЦК КПЭ. Дело было обсуждено и принято постановление «О положении в Таллинском историческом музее». В нем подчеркивалось, что в аппарат музея проникли антисоветские элементы, которые показывали с положительной стороны деятельность немецких оккупантов. Постановили, что руководящий аппарат музея необходимо укомплектовать политически надежными кадрами.⁶⁶ К концу октября след-

ствии было закончено, а его материалы направлены в Особое совещание, которое приговорило мужчин, в основном, к десяти годам лишения свободы, а женщин – к восьми годам лагерей (с некоторыми исключениями).

Все осужденные отсидели срок полностью, один умер в лагере, другой – непосредственно после освобождения. В 1957–1958 г. дело было пересмотрено и закрыто за недостаточностью улик и отсутствием состава преступления. Сирье Аннист, изучившая процесса об Историческом музее, его ход и последствия, пришла к выводу, что «ученые, попавшие в колесо параноидальной коммунистической тоталитарной системы, были просто виновны в том, что имели демократические убеждения о допустимости различных точек зрения и дискуссий, а также считали, будто имеют право на свой язык, культуру и государство. С такими взглядами они были неприемлемы для системы, представляющей совершенно иную культуру».⁶⁷

5. 7. УЩЕРБ, ПРИЧИНЕННЫЙ ФАЛЬСИФИКАЦИЕЙ СОЦИАЛЬНЫХ, ГУМАНИТАРНЫХ И ИСКАЖЕНИЕМ ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУК

Идеологическое давление оккупационных властей нанесло большой вред эстонской науке: многие признанные положения были запрещены, а исторические факты подверглись переработке и приспособлению к коммунистической идеологии. Много исследовательских сил и учебного времени студентов было затрачено на обширные исследования по псевдонаукам – истории КПСС и научному коммунизму, а также на их широкомасштабное преподавание во всех высших учебных заведениях Эстонии.

Провозглашение победы марксизма-ленинизма (дополненного сталинизмом) и жесткое следование этим канонам в области научных исследований создали условия для развития псевдонаучных теорий в сфере естественных и точных наук. Так, буржуазной лженаукой провозгласили генетику. Исследования в этой области были запрещены, а видные ученые подверглись репрессиям. Долгое время тормозилось и развитие кибернетики. На почве псевдонаучных идеологических теорий рождались все новые и новые сталинские планы преобразования природы. Ниже мы подробнее рассмотрим гибельные последствия фальсификации истории Эстонии и насаждения учения Т. Лысенко.

5. 7. 1. СОЗДАНИЕ И ПОСЛЕДУЮЩЕЕ ВНЕДРЕНИЕ СОВЕТСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ИСТОРИИ ЭСТОНИИ

Положение исторической науки в Эстонии существенно ухудшилось в период с 1939 по 1944 г. Это было связано с условиями работы и возможностью публикаций, с ведущими специалистами в различных областях истории, а также с педагогическим персоналом высших учебных заведений. Некоторые признанные специалисты умерли во время немецкой оккупации (Отто Лийв, Хендрик Сепп), некоторые бежали на Запад

(Эвальд Блумфельдт, Юхан Вазар, Арнольд Соом, Эрик Тендер), некоторые были арестованы в 1945 г. (Аугуст Аннист, пробыл в заключении с 1945 по 1950 гг.; Пеэтер Тарвель, пробыл в заключении с 1945 по 1950 гг., умер в Сибири на поселении в 1953 г.).

Осенью 1944 г. при ТГУ были скомплектованы три маленькие кафедры истории, в каждой всего по два-три преподавателя. В 1947 г. был основан Институт истории Академии наук Эстонской ССР с тремя исследовательскими секторами. Директором института стал Рихард Клейс, возглавили секторы Артур Вассар, Харри Моора и Вольдемар Вага. В том же году в Таллинне был открыт Эстонский филиал Института марксизма-ленинизма при ЦК ВКП(б) – Институт истории партии при ЦК КП(б)Э. Директором этого абсолютно советского учреждения стал прибывший из России и обладавший навыками партийной работы Иван Кэбин, его заместителем – Йоосеп Саат. Основной задачей института было изучение истории партии и издание на эстонском языке трудов классиков марксизма-ленинизма. Так началась реорганизация изучения истории Эстонии и приведение ее в полное соответствие с марксистско-ленинской методологией (переписывание исторических фактов с точки зрения коммунистической идеологии). Важной задачей было также воспитание нового поколения историков.

Историческая наука для честных историков была в те годы нелегким делом. «Особенно ограничены были возможности в области новейшей истории, все имевшиеся по этим вопросам труды попали в список запрещенных книг еще в 1940 г. ... Работы по новейшей истории полностью зависели от пропагандистских целей партийных руководителей. ... Все неуютное подлежало забвению, не могло ни стать достоянием гласности, ни войти в историю. Половина жизни была засекречена. Родилась советская двойная мораль, в которой цинично переплелись ложь, страх за собственную шкуру, подхалимаж, ханжество и восхваление власть предержащих».⁶⁸ Даже работая над историей партии, приходилось сталкиваться с большими трудностями, поскольку упоминание многих коммунистических лидеров предыдущих десятилетий было под запретом (они были уничтожены в ходе сталинских репрессий). С течением времени этот список пополнялся все новыми именами деятелей эстонской культуры, ученых, бывших деятелей коммунистической партии и их верных прислужников.

Во второй половине 1940-х гг. основными проблемами советской трактовки новейшей истории Эстонии стали: изображение аннексии Прибалтийских государств как добровольного присоединения к СССР, переоценка политического, экономического и культурного развития Эстонии в последние десятилетия, а также разоблачение и искоренение буржуазного национализма. На самую правильную идеологическую оценку этих животрепещущих вопросов и на создание новой (советской) истории эстонского народа претендовали две соперничавшие группировки. Первой была команда «идеологической исторической службы» лагеря

Н. Каротамма во главе с Хансом Круусом, второй – набравшая силы еще более просталинистская группа И. Кэбина во главе с Густавом Нааном.

Переписывание новейшей истории Эстонии началось одновременно со второй советской оккупацией. В 1945–1947 гг. теоретическим и фактическим лидером этого процесса был Х. Круус. Уже в 1945 г. он, будучи Наркомом внешней политики, в докладе, прочитанном в ТГУ, дал марксистскую оценку внешней политике Эстонской Республики. Доклад был опубликован в газете **Postimees**. Впоследствии Х. Круусу пришлось показаться в своих буржуазных взглядах на многие вопросы истории и, прежде всего, на Освободительную войну. С публичной самокритикой и переоценкой своих прежних работ и взглядов вынуждены были выступить также Р. Клейс и Х. Моора.

На значительно более радикальном, исходящем из классовых позиций, сталинистском переписывании истории Эстонии настаивал Г. Наан, только что отшлифовавший в Москве свое партийное образование. В 1945–1946 гг. он опубликовал в журнале «Эстонский большевик» три статьи, которые в 1947 г. были изданы в виде книги «*Eesti kodanlike natsionalistide ideoloogia reaktsiooniline olemus*» («Реакционная сущность идеологии эстонских буржуазных националистов»).⁶⁹ Этот труд сразу же стал основополагающим документом в борьбе с буржуазным национализмом и идеологическим оправданием позднейших чисток, проведенных И. Кэбином и КГБ. Книга стала также идеологическим обоснованием и подготовкой к переписыванию истории Эстонии под руководством Г. Наана (любопытно, что она осталась его единственной научной «монографией»).

Среди обществоведов разоблачением буржуазных националистов, наряду с Г. Нааном, по-большевистски напористым стилем выделялись также Виктор Маамяги и Пауль Вихалемм.

Разоблачение и искоренение буржуазных националистов, а также осуждение и перевоспитание ученых, преклоняющихся перед Западом, приняли особый размах во время борьбы за власть, развернувшейся в 1949–1951 гг. в руководстве КП(б)Э. В главных научных учреждениях (ТГУ, Академия наук ЭССР) на смену людям, тесно связаным с эстонской наукой и культурой, пришли приглашенные из России и верные И. Кэбину коммунисты.

С поста президента Академии наук был уволен ведущий историк Х. Круус, который четыре года провел в тюрьме под следствием. С поста директора Института истории АН был уволен Р. Клейс, а при ТГУ были ликвидированы профессуры по археологии и истории Эстонии. В том же году директором Института истории стал Г. Наан, который также возглавил работу над сталинистской историей ЭССР. Уже на следующий год Наан был избран академиком, а затем выдвинут на пост вице-президента АН Эстонской ССР. Директором Института истории стал В. Маамяги, окончивший в 1941 г. Ленинградский университет.

На протяжении ряда лет на повестке дня стояла работа над срочным идеологическим заказом – написанием «Истории Эстонской ССР». Г. Наан

обладал полным доверием властей и возглавил рабочую группу авторов, в которую входили Х. Моора, А. Вассар, Хильда Моосберг, И. Саат и В. Маамяги. Новая трактовка истории Эстонии рождалась в сотрудничестве с партийным руководством. В сомнительных случаях Наан обращался за помощью непосредственно к Кэбину.

Сравнительно объемистая (484 страницы) «История Эстонской ССР (с древнейших времен до наших дней)» вышла в конце 1952 г. Ее рекомендовалось широко использовать в партийной пропаганде, а также в качестве учебного пособия в высших и средних учебных заведениях. Так появилась сталинистская история Эстонии.

Вскоре, спустя несколько месяцев после смерти Сталина в марте 1953 г., выяснилось несоответствие книги изменившейся политической обстановке. Немедленно приступили к подготовке второго издания книги. В новом вышедшем в 1957 г. издании «Истории Эстонской ССР» многие формулировки были изменены, появились прежде не упоминавшиеся исторические личности и т.п., однако «исторические истины, установленные при Сталине, остались неизменными...».⁷⁰ В целом же советская фальсификация истории сохранялась вплоть до распада СССР (см. также А. Вийрес, 2003). Спустя долгое время после осуждения культа личности Сталина и отмены решений VIII Пленума ЦК КП(б)Э, в третьем томе трехтомной «Истории Эстонской ССР» (1971 г.) все еще можно было прочесть: «В конце 1940-х – начале 1950-х гг. заметную роль в идеологическом укреплении эстонской марксистской исторической мысли сыграл действительный член Академии наук ЭССР Г. Наан».⁷¹ Еще в начале 1980-х гг. в Эстонии были изданы объемистые труды «История Тартуского университета. 1632–1982» (1982 г.) и «Таллиннский политехнический институт. 1936–1986» (1986 г.), которые уже через год после выхода в свет оказались устаревшими, написанными в духе и традициях советской фальсификационной истории.

5.7.2. ЛЫСЕНКОВЩИНА ПРОТИВ ГЕНЕТИКИ ⁷²

Террор и уничтожение миллионов безвинных людей затронули и науку. Научная мысль насильственно загонялась в русло, угодное Сталину и его сподвижникам. Одним из крупных научных направлений, которое уже в 1930-х гг. подверглось идеологической критике, была генетика. Агробиолог Трофим Лысенко (1898–1976) назвал генетику продажной девкой империализма. Генетическая теория была признана буржуазной лженаукой. Лысенко и входившие в его окружение ученые отрицали наличие генов как передатчиков наследственной информации. Лысенко утверждал, что не какие-то там гены, а организм в целом является носителем наследственности. Наряду с демагогической критикой классической генетики, Лысенко пренебрежительно относился и к эволюционному учению Дарвина, утверждая, что его следует заменить мичуринским творческим дарвинизмом, который отрицает внутривидовую борьбу как

важный фактор эволюции. Проще говоря, Лысенко заменил истинную теорию эволюции ламаркизмом.

Властям Лысенко обещал в ближайшее время поднять советское сельское хозяйство на небывалый доселе уровень. Он пропагандировал т.н. колхозную науку, которая заключалась в том, что любой колхозник способен развивать науку, ставить научные опыты, публиковать свои научные труды и т.п. Всем этим Лысенко породил огромную армию претенциозных недоучек и лжеученых, которые понятия не имели о чистоте научных опытов, научных традициях, а также о достижениях науки на различных этапах ее развития. Лысенко внушал своим последователям, что наука – дело простое и доступное, что только при социалистическом строе возможно объективное разрешение практически важных проблем, которые при капитализме решены быть не могут.

Когда был убит великий ученый Николай Вавилов, многие представители истинной биологии и особенно генетики осознали масштабы угрозы, исходящей от Лысенко. Его взгляды подверглись критике со стороны таких выдающихся ученых как П. Жуковский, Н. Дубинин, И. Шмальгаузен, А. Формосов, А. Сабинин и др. Чтобы обезопасить себя и мичуринскую биологию, Лысенко обратился за помощью к Сталину. Кроме того, он решил пойти в контрнаступление, организовав августовскую сессию Всесоюзной академии сельского хозяйства им. В. И. Ленина (ВАСХНИЛ) «О положении в биологической науке», которая проходила с 31 июля по 7 августа 1948 г.

Лысенко преследовал чудовищную цель: разгромить быстро развивающуюся эволюционную теорию и генетику и заменить эти науки советским мичуринским дарвинизмом и новым учением о наследственности, отрицающим наличие генов, передающих наследственную информацию.

Основной доклад на августовской сессии делал сам Лысенко. Затем последовали 48 содокладов, восхвалявших его революционные взгляды.

После этого слово было предоставлено (под издевательские возгласы мичуринцев) восьми ученым, представлявшим серьезную науку.

После августовской сессии ВАСХНИЛ начались жестокие репрессии – увольнения сотен ученых, выступавших с критикой Лысенко, аресты, высылки в лагеря и даже смертные казни в сталинских застенках. Десятки институтов и исследовательских лабораторий были закрыты или изменили профиль работы. Таким образом, продолжение исследований по генетике, теории эволюции, биохимии, физиологии и другим близким отраслям науки, в которых Лысенко усматривал развитие взглядов, конкурирующих с его учением, стало невозможным. В результате более трех тысяч ученых вынуждены были искать новую работу или менять сферу деятельности.

Как это было принято и узаконено при советской власти, все принятые центром (Москвой) акции следовало повторять на местах. Уже в сентябре в Тартуском государственном университете, Академии наук Эстонии и др. научных учреждениях начались поиски врагов народа –

антимичуринцев и антилысенковцев. Проходили закрытые собрания партийных организаций (в ТГУ – 14 сентября 1948 г.) по выявлению ученых, распространяющих идеи менделизма, с тем, чтобы осудить их публично. На закрытом партийном собрании с основным докладом выступил физиолог растений Х. Каллас. Его выступление (как и доклад в актовом зале через день) было настолько сумбурным, что даже соратники по партии остались недовольны. Из протокола собрания можно понять, что Х. Каллас критиковал профессора Юхана Ауля за расизм и пропаганду чистой науки. На собрании подверглись острой критике профессор Лидия Поска-Тейс (за преподавание законов Менделя!), Херберт Норманн (за молчание, когда хвалили менделизм!), профессор Хейнрих Рийкоя и Константин Раммуль (за защиту чистой науки!), Харальд Хаберман (за направление в печать антидарвинистского, по мнению лысенковцев, учебника Полякова!) и т. п. Основным критиком этих и других профессоров выступал далекий от науки полковник Вилль. 16 сентября в актовом зале университета прошло собрание, на котором превозносили материалистическое биологическое учение Мичурина, открытое для человечества Лениным и Сталиным (!) и претворенное в жизнь великим ученым академиком Лысенко. Однако бесконечное восхваление Мичурина и Лысенко вскоре наскучило и для разнообразия многим захотелось крови. Набросились на тех ученых, которые пытались оправдать свои взгляды и объективно оценить работы Мичурина. Доцент Хуго Суттер заявил, что Мичурин был действительно прекрасным садовником, но его теоретическая база слаба. Это вызвало возмущение организаторов собрания, Суттер на долгое время стал примером врага советской биологии. Некоторые ученые быстро усвоили, что критика Мичурина-Лысенко подобна самоубийству. В ход пошла тактика самокритики и умеренного восхваления Лысенко (выступления Аугуста Вага, Харальда Хабермана, Артура Вальдеса, Освальда Халлика, Вольдемара Юпруса и др.).

Приспешники Лысенко действовали оперативно: за две недели перевод стенограммы августовской сессии ВАСХНИЛ (более пятисот страниц) был опубликован на эстонском языке. В октябре 1948 г. была проведена научная сессия Академии наук Эстонской ССР, а в конце года вышел в свет объемистый сборник «Научная сессия по вопросам биологии». Открывался он изъявлением горячей любви к Сталину, затем следовали статьи президента АН Эстонии Ханса Крууса, а также Йохана Эйхфельда, Юлиуса Аамисепа, Михкеля Пилля, Харальда Хаберманпа, Ааре Пунга, Х. Сезберга и А. Трутнева и многочисленные выступления ученых и общественных деятелей. Статья Й. Эйхфельда, академика-секретаря Отделения биологии и сельскохозяйственных наук АН Эстонской ССР, привлекла к себе внимание несколькими особенностями. Этот «пламенный мичуринец и ближайший сподвижник академика Лысенко» (как охарактеризовал его Х. Круус) нашел самые язвительные и уничижительные слова в адрес российских ученых, сторонников корпускулярной генетики (Дубинина, Заводовского, Шмальгаузена, Рапопорта и др.). В

то же время Эйхфельд не сказал ни одного плохого слова об эстонских ученых, которые положительно относились к менделизму, морганизму и вейсманизму, хотя и констатировал, что в прошлом влияние западноевропейских генетиков на эстонских селекционеров было очень велико. Высказывалось мнение, что благодаря подобной позиции Эйхфельда, отрицательное влияние августовской сессии ВАСХНИЛ на эстонскую биологию и другие естественные науки было слабее, чем в других регионах СССР, особенно в Москве и Ленинграде, где жертвой лысенковщины пали тысячи ученых и деятелей науки. По мнению Эраста Пармасто, причиной сдержанности Эйхфельда было то, что в ином случае он как официальный руководитель эстонской биологии и сельскохозяйственных наук, как академик-секретарь, бросил бы тень на свою собственную деятельность.

Среди эстонских ученых и выходцев из Эстонии было сравнительно мало активных, убежденных лысенковцев. Тех ученых, кто из страха вызвать подозрения своими идеологическими, мировоззренческими или научными убеждениями вынужден был высказываться в поддержку взглядов Мичурина и Лысенко, нельзя назвать лысенковцами. Они делали это под угрозой, пытаясь обезопасить себя и своих коллег от возможных репрессий. Агрессивно откровенными и убежденными лысенковцами были в Эстонии только Х. Каллас (физиолог растений), Аугуст Марланд (фитопатолог), Олег Михайлов (генетик) и Александр Перк (физиолог растений), О. Прийлинн (генетик) и некоторые другие. Как уже было сказано, оценить деятельность Й. Эйхфельда (президента АН ЭССР с 1950-го по 1968 гг.) труднее. Он, хотя и был убежденным сторонником взглядов Лысенко, будучи ученым и практиком, воздерживался от слишком резких оценок деятельности эстонских ученых. Тем не менее, и на Й. Эйхфельде лежит вина: он (как и все лысенковцы) участвовал в торжестве большой научной области, прежде всего – генетики, и в пропаганде лженаучных взглядов.

После триумфа Лысенко в научных и учебных заведениях (ТГУ, ЭСХА, АН и др.) началось преследование ученых, не поддавшихся его теории. Их увольняли (профессора Юпрус, Ауль и др.), а на их место принимали деятелей, присягнувших на верность Лысенко (какой бы низкой их квалификация ни была). Упал уровень изучения и преподавания биологии, агрономии и смежных наук. К счастью, находились и такие исследователи и преподаватели, которые, несмотря на опасность, продолжали представлять настоящую, неискаженную науку (например, лекции профессора Поска-Тейс по общей биологии и гистологии). После смерти Сталина в СССР началась поначалу осторожная и косвенная критика лысенковщины (например, в «Ботаническом журнале»). Преподаватели рисковали возвращаться к прежним текстам своих лекций, в исследовательских лабораториях продолжали (в начале без фиксации в официальных планах исследовательской работы) изучение незавершенных тем. Смело и бескомпромиссно против лысенковщины начали выступать лишь в 1960-х годах. В январе 1965 г. в круглой аудитории ТГУ на ул. Ванемуйзе состоялось мно-

голюдное собрание по вопросам биологии, организованное Обществом естествоиспытателей, ТГУ, ЭСХА и Институтом зоологии и ботаники. В откровенных выступлениях многие ученые разоблачали реакционность и антинаучность лысенковщины. Ожидались возражения сторонников Лысенко. Но они молчали. Они были побеждены.

- ¹ 1919–1939: 42,9% докторов наук составляли медики, 18,6% – математики и представители естественных наук, 10,3% – философы, 5,1% – сельскохозяйственных наук, 4,5% – юристы.
- ² В 1934 г., когда при ТУ был открыт технический факультет, развитие сети научных учреждений, ориентированных на университет, было в общих чертах завершено. В ТУ к этому времени насчитывалось 8 факультетов: юридический, медицинский, философский, естественно-математический, ветеринарный, сельскохозяйственный, технический и теологический. При университете действовало 19 институтов и 28 кабинетов, 3 лаборатории в качестве самостоятельных единиц, 9 клиник и множество иных подразделений.
- ³ См. *Tartu Ülikooli ajalugu* (История Тартуского университета), III. 1982, с. 163.
- ⁴ В том числе 71 профессор, 35 доцентов, 10 старших преподавателей, 23 преподавателя, 142 ассистента, 36 старших лаборантов, 39 лаборантов, 24 старших препаратора и 5 препараторов; см. Эстонский исторический архив, f. R-355, n. 1, s. 7, l. 72.
- ⁵ См. *Eesti NSV Teataja*, 1940, 24, 268.
- ⁶ Ruus, V., 1980, 17.
- ⁷ См. *Postimees* от 7 августа 1940 г.
- ⁸ Наиболее известны Антс Пийп (1884–1942 гг.; правовед, проф. международного права ТУ 1919–1940 гг.; арестован в 1940 г., умер в лагере в 1942 г.) и Фердинанд Линнус (1895–1942 гг.; этнограф, доктор философии в 1938 г., преподаватель ТУ в 1930–1939 гг., директор Музея эстонского народа в 1929–1941 гг.; арестован в июне 1941 г. и умер в лагере в 1942 г.).
- ⁹ За 1919–1939 гг. юридический факультет окончило 1618 студентов, за 1920–1940 гг. при университете было защищено 10 докторских диссертаций по юриспруденции, в июне 1940 г. на юридическом факультете насчитывалось 12 профессоров, 10 лаборантов, 5 старших ассистентов, 1 младший преподаватель и 1 преподаватель спецпредмета.
- ¹⁰ Rebane, Ilmar. *Eesti õigusteadlased eile, täna, homme*. Mana, 61–62, lk. 120–127.
- ¹¹ Там же, 38.
- ¹² В различных источниках и обзорах, даже в вышедших десятилетия спустя, приводятся различные данные относительно разрушений и причиненного ущерба. Объем настоящей работы не позволяет сопоставить использованные источники и подробно их проанализировать.
- ¹¹ В июне 1940 г. в ТТУ было 14 профессоров, 4 адъюнкт-профессора (соответств. доценту), 25 ассистентов и 21 лаборант; в университете было 19 учебных и исследовательских лабораторий.
- ¹⁴ Из убитых наиболее известны были Артур-Тызлейд Клийманн (1899–1941 гг.; профессор административного права и административного судопроизводства ТУ в 1933–1941 гг., проректор ТГУ в 1940–1941 гг.) и Пеэтер Рубель (1905–1941 гг.; профессор аграрной политики и кооперации, а также аграрной экономики и планового хозяйства ТУ в 1938–1941 гг.). Двадцать преподавателей на неко-

- торое время были брошены в концентрационные лагеря (в их числе профессора Пеэтер Тарвель, Арнольд Хумал и Вольдемар Вади).
- ¹⁵ См. Kalits, Johannes, 1965, 99.
- ¹⁶ См. Эстонский исторический архив, f. 2100, n. 15, s. 12, lk. 6–7.
- ¹⁷ Myllyniemi, Seppo, 1973, 179.
- ¹⁸ См. *Postimees*, 17 октября 1942.
- ¹⁹ Только из числа преподавателей юридического факультета бежало 11; когда учебная работа возобновилась, из 30 преподавателей оставалось лишь 6, в том числе 4 профессора (Юхан Ваабель, Хельмут Кадари, Лео Лезсмент и Эльмар Илус).
- ²⁰ Oras, Ants, 2002, 232–233.
- ²¹ Осенью 1944 г. бежали, например, фольклорист Оскар Лоориц, поэт и литературовед Густав Суйц, языковед Юлиус Марк, правовед Юри Улуотс, языковед Пеэтер Арумаа, классический филолог Пяртель Халисте, педагог Юхан Торк, преподаватель финского языка Айно Суйц-Тауфон, микробиолог Карл Шлоссманн, языковед Андрус Сааресте, экономический географ Эдгар Кант, правовед Адольф-Аугуст Перанди, медик Харальд Перли. Уже в 1940 г. переехал в Финляндию географ Аугуст Фердинанд Таммеканн.
- ²² Kalits, Johannes, 1960, 341.
- ²³ *Tallinna Poliütehniline Instituut*, 1986, 99; Эстонский государственный архив, f. R-14, n. 3, s. 66, lk. 3, 4, 8.
- ²⁴ См. *Tallinna Poliütehniline Instituut*, 1986, 101–103.
- ²⁵ Сокращенные семестры были характерны для всей учебной работы этого периода, которая должна была бы происходить по учебным планам 1939 – 1940 гг., которые, однако, требовали значительно большего объема учебной работы в аудитории, сдачи 30 экзаменов, примерно 25 практикумов и сдачи курсовых проектов.
- ²⁶ Из-за нехватки денежных средств ученые ТТУ зачастую не могли получить и необходимых для исследовательских работ материалов. Покрытые расходы ТТУ составляли, например, в 1943 г. 375 240 рейхсмарок, заработная плата преподавателей и иного персонала составляла около 70%. Для покрытия иных потребностей высшей школы денег почти не оставалось.
- ²⁷ См. *Tallinna Poliütehniline Instituut*, 1986, 104.
- ²⁸ См. Филиал Эстонского государственного архива (Партийный архив), f. 1, n. 48, s. 187, lk. 1.
- ²⁹ Там же, l. 8–9.
- ³⁰ Там же, l. 10.
- ³¹ См. протокол на русском языке: Филиал Эстонского государственного архива (Партийный архив), f. 151, n. 6, s. 24, lk. 42–44.
- ³² Под ударами репрессивной внутриуниверситетской партийной политики оказались, например, профессора юридического факультета Эльмар Илус и Хельмут Кадари, доценты Ильмар Ребане, Хиллар Рандалу, Лео Лезсмент и Иоханнес Мялль, профессора математического и естественнонаучного факультетов Херманн Яаксон, Яан Сарв, Аугуст Вага и др., профессора ветеринарного факультета Эльмар Вау, Иоханнес Томберг и Фердинанд Лая, декан лесного факультета доцент Вальдек Ритслайд, профессора медицинского факультета Рудольф Бернакофф, Артур Линкберг и многие другие, из преподавателей историко-филологического факультета увольнению подлежали профессор Харри Моора и Вольдемар Вага, доценты Рихард Клейс, Иоханнес Сильвет, Вальмар Адамс и многие другие.

- ³³ Филиал Эстонского государственного архива (Партийный архив), f. 1, n. 59, s. 3, l. 1.
- ³⁴ Филиал Эстонского государственного архива (Партийный архив), f. 151, n. 7, s. 4, lk. 23.
- ³⁵ Martis, E. *Üliõpilaste represseerimisest 1950–1951*. Tartu Ülikooli ajaloo küsimusi, 25. Tartu, 1991, lk. 34–36.
- ³⁶ Klement, Fjodor, 1983, 116.
- ³⁷ Там же, 117–118.
- ³⁸ Филиал Эстонского государственного архива (Партийный архив), f. 151, n. 8, s. 3, l. 69.
- ³⁹ Филиал Эстонского государственного архива (Партийный архив), f. 1, n. 59, s. 11, l. 38.
- ⁴⁰ Н. Каротамм стоял на т.н. ленинской позиции: «что главное, на основании чего советская власть судит о кадрах интеллигенции, сформировавшейся в условиях буржуазного строя, как они трудятся на благо строительства нового общества». Те, кто не повиновался и не присоединялся, были обречены остаться под «колесом истории». В то же время на первых порах допускались поблажки в отношении аполитичного большинства эстонской технической интеллигенции: «надо уметь отличать врагов от людей, которые еще не пришли к правильному пониманию вопроса». Н. Каротамм. *Nõukogude Eesti kultuuriküsimusi*. («Вопросы культуры Советской Эстонии»). Tallinn, 1947, lk. 95.
- ⁴¹ ENSV Teataja, 1945, 15, 224.
- ⁴² Филиал Эстонского государственного архива (Партийный архив), f. 910, n. 2, s. 3, l. 76.
- ⁴³ Собрание 5 апреля 1948. Эстонский государственный архив, f. 910, n. 1, s. 12, l. 56.
- ⁴⁴ Там же, l. 112.
- ⁴⁵ Там же, l. 112.
- ⁴⁶ Яан Лукас, заведующий кафедрой военной подготовки ТПИ, был арестован 24 марта 1950 г. и Олав Муллас, преподаватель кафедры военной подготовки ТПИ, – 18 марта 1950 г. Яан Лукас умер в лагере в 1953 г.
- ⁴⁷ *Tallinna Polütehniline Instituut 1936–1986*. Tallinn, 1986, lk. 174.
- ⁴⁸ *Tallinna Polütehniline Instituut 1936–1986*. Tallinn, 1986, lk. 190.
- ⁴⁹ В этом обращении подчеркивается: «Отделение общественных наук академии берет на себя ответственные обязательства по обеспечению истинно советской идеологии среди трудящихся масс Эстонии, опираясь на всю мощь марксистско-ленинской теории, перед которой рассыпаются в прах все лжеучения капиталистического мира». Иосифу Виссарионовичу Сталину. Дорогой Иосиф Виссарионович! Научная сессия 23–29 апреля 1947 г. Заседания общего собрания. Тарту, 1948, с. 8.
- ⁵⁰ Филиал Эстонского государственного архива (Партийный архив), f. 1, n. 4, s. 1087, l. 139–191.
- ⁵¹ Там же, l. 82.
- ⁵² Tamm, A. *Aga see oli üks mees*. Tallinn, 2003, lk. 112.
- ⁵³ Tamm, A. *Aga see oli üks mees*. Tallinn, 2003, lk. 202.
- ⁵⁴ Veskimägi, Kaljo, 1996, 24–29.
- ⁵⁵ Там же, 132–134.
- ⁵⁶ Johani, Helene; Meo, 1950, 12.
- ⁵⁷ Филиал Эстонского государственного архива (Партийный архив), f. 1, n. 47, s. 35, l. 238.

- ⁵⁸ Там же, 238.
- ⁵⁹ Veskimägi, Kaljo, 1996, 309.
- ⁶⁰ ENSV Teataja, 1940, 4, 30–31.
- ⁶¹ Varkki, В., 1968, 2–3. Архивное управление при Совете министров ЭССР. Размножено на ротаторе.
- ⁶² Kipper, E. Nõukogude arhiivinduse 50. aastapäevale pühendatud juubelikonverentsi materjalid (Материалы юбилейной конференции, посвященной 50-летней годовщине советского архивного дела), lk. 17.
- ⁶³ См. подробнее: А. Лембер. Обзор ... Рига, 1968, с. 28.
- ⁶⁴ Пийримяз, Хельмут. «Некоторые проблемы научной экспертизы». – Материалы юбилейной конференции, посвященной 50-летней годовщине советского архивного дела, Рига, 1968, с. 5–6.
- ⁶⁵ Annist, Sirje, 2002, 40–57.
- ⁶⁶ Филиал Эстонского государственного архива (Партийный архив), f. 1, n. 4, s. 184, l. 41–42.
- ⁶⁷ Там же, 56.
- ⁶⁸ Viires, A. *Eesti ajalugu stalinlikus haardes*. Tuna, 2003, 1, lk. 38.
- ⁶⁹ Naan, Gustav. *Eesti kodanlike natsionalistide ideoloogia reaktsiooniline olemus*. Tallinn, 1947, lk. 128.
- ⁷⁰ Viires, A. *Eesti ajalugu stalinlikus haardes*. Tuna, 2003, 1, lk. 47.
- ⁷¹ История Эстонской ССР, III. Таллинн, 1974, с. 726.
- ⁷² Раздел «Лысенковщина против генетики» написал академик Ханс-Вольдемар Трасс.

Использованная литература

- Annist, Sirje. *Ajaloomuuseumi protsess 1945.-1946. aastal*. Tuna, 2002, 3.
- Eesti NSV ajalugu*, 3. Tallinn, 1971.
- Eesti NSV Teataja*. 1940, 1945.
- ERAF fondide dokumendid*.
- Kalits, Johannes. *Mõningaid märkusi Tartu Riikliku Ülikooli arengust – minevik ja tänapäev*. Tallinn, 1960, lk. 341.
- Karotamm, Nikolai. *Nõukogude Eesti kultuuriküsimusi*. Tallinn, 1947.
- Klement, Fjodor. *Templid teaduse teedel*. Tallinn, 1983.
- Martis, Ela. *Üliõpilaste repressioonidest 1950-1951*. Tartu Ülikooli ajaloo küsimusi, 25, lk. 34–36. Tartu, 1991.
- Mitt, A. *Meenutusi*. Tallinn, 1977.
- Mägi, Arvo. *Eesti rahva ajaraamat*. Stockholm, 1979.
- Myllyniemi, Seppo. *Die Neuordnung der baltischen Länder 1941–1944*. Helsinki, 1973.
- Naan, Gustav. *Eesti kodanlike natsionalistide ideoloogia reaktsiooniline olemus*. Tallinn, 1947.
- Oras, Ants. *Eesti saatuslikud aastad 1939–1944*. Tallinn, 2002. Postimees. 1940, 1942.
- Rebane, Ilmar. *Eesti õigusteadlased eile, täna, homme*. Mana, 61–62.
- Ruus, V. *Ülikooli parteiorganisaatsioon nõukogude kõrgkooli kujundamise perioodil (1940–1941)*. – TRÜ Toimetised. Vihik 536. lk. 17. Tartu, 1980.
- Tamm, A. *Aga see oli üks mees*. Tallinn, 2003.
- Tallinna Polütehniline Instituut 1936–1986*. Tallinn, 1986.
- Tartu Ülikooli ajalugu*. 3. kd. Tallinn, 1982.
- Teaduslik sessioon 23–29. aprillini 1947. a. Üldkogu istungid*. Tartu, 1948.
- Varkki, B. *50 aastat leninlikust dekreedist arhiivinduse kohta*. Nõukogude arhiivinduse 50. aastapäevale pühendatud juubelikonverentsi materjalid. Tallinn, 1968.
- Veskimägi, Kaljo-Olev. *Nõukogude unelaadne elu*. Tsensuur Eesti NSV-s ja tema pereinemed. Tallinn, 1996.
- Viies, A. *Eesti ajalugu stalinlikus haardes*. Tuna, 2003, 1.

VI

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ

Яак Кангиласки

В 1944 г. Эстония лишилась примерно трети своей творческой интеллигенции, вынужденной бежать на Запад. Для тех, кто остался на родине, особенно тяжким оказался так называемый период сталинизма (1948–1956 гг.). На это время пришлось большинство репрессий, однако идеологическое давление советской оккупации и ограничения творчества (особенно изолированность от художественной жизни Запада, а также моральный и духовный гнет) продолжались вплоть до окончания периода оккупации.

6.1. ПЕРВАЯ СОВЕТСКАЯ ОККУПАЦИЯ (1940–1941 гг.)

Основной целью оккупационных властей было достижение хотя бы внешней лояльности художников и демонстрация народу расцвета художественной жизни. Достижению этой цели способствовало постепенное, проводящееся шаг за шагом, сведение на нет независимости Эстонии. Планы советизации обнаружились не сразу. Президент Константин Пятс под давлением Москвы сформировал 21 июня 1940 г. новое правительство, состоявшее из людей, назначенных оккупантами. Художественную интеллигенцию на первых порах обнадежило то, что новое правительство возглавил Йоханнес Варес-Барбарус, известный как поэт-авангардист. Вошли в него и другие видные деятели Эстонской Республики. По всей вероятности, некоторые члены правительства Вареса поначалу питали иллюзии, что Эстонии удастся сохранить автономию и даже стать более демократическим государством.¹

Вскоре на смену первому коллаборационистскому правительству пришли люди еще более угодные Москве. Это вызвало в обществе растерянность, покорность и апатию. Некоторые художники, разочарованные политикой 1930-х годов в области искусства или плохо обеспеченные материально, поначалу поверили либеральным заявлениям новых властей и поддались на посулы и обещания о хороших заработках. В то же время интеллигенция университетского Тарту была настроена критически и осуждала авторитаризм К. Пятса. Ущемление демократии во второй половине 1930-х гг. обострило взаимоотношения между художниками и

государственной властью. Чересчур велико было влияние брата президента на распределение средств Капитала культуры. Особое возмущение вызывали попытки связать поддержку со стороны государства с так называемым правом на профессию, т.е. с наличием диплома художественного училища. Диплома не имели многие выдающиеся художники, по тем или иным причинам не получившие образования, и подобная политика скомпрометировала власть в глазах многих представителей интеллигенции. Это объясняет и то, что собрание правления тартуского художественного объединения «Паллас», состоявшееся 26 июня 1940 г., наметило планы активного преобразования художественной жизни и даже послало приветственную телеграмму не только членам правительства, но и послу Советского Союза.² В новой политической обстановке многие художники увидели возможность не только решить наболевшие вопросы, но и просто сделать карьеру. Во второй половине 1940 г. на первый план вышли в основном молодые, до сих пор малоизвестные художники, тогда как мастера старшего поколения или более консервативного склада были оттеснены или самоустраились.³ К тому времени в СССР уже стало обязательным внедрение социалистического реализма, однако новые эстонские власти с этим не торопились. Напротив, всячески подчеркивалось значение искусства, а художники удостаивались неслыханного доселе внимания.⁴ За государственный счет делались заказы на художественные произведения угодной оккупантам тематики, в том числе – на оформление всевозможных митингов и демонстраций, причем, средства выделялись и на политически нейтральные полотна.⁵

На первых порах особо жестких требований к форме художественных произведений не предъявлялось, однако все больше ощущалась советская бюрократизация творчества. Этому процессу способствовало и желание многих мастеров создать всеэстонскую профессиональную организацию художников. В Эстонской Республике этого сделать не удалось, и поэтому многие приняли активное участие во Всеэстонском съезде художников, прошедшем 25 июля 1940 года. Для его подготовки в начале июля был создан оргкомитет. От тартуских художников в него вошли Александер Варди, Юхан Ныммик, Каарел Лийманд, Аркадио Лайго и Эрнст Йыэсаар, от Таллинна – Рихард Сагритс, Вольдемар Меллик, Йоханнес Грезенберг (председатель оргкомитета), Ферди Саннамеэс и Адамсон-Эрик (секретарь оргкомитета). По желанию Министерства просвещения в оргкомитет вошли также Ханно Компус, Стен Карлинг и Армин Туулсе. Первоочередной задачей оргкомитета было составление списка действующих художников, который был готов 19 июля 1940 года.⁶ Первоначально в списке было 142 художника, и все они получили на съезде право голоса. Мандатная комиссия съезда добавила к списку еще 59 имен.

Съезд наметил принципы организации художников, расширение художественного образования и развитие музейного дела.⁷ Некоторые пожелания съезда власти начали претворять в жизнь. К удовлетворению

тартуских художников была укреплена позиция художественного училища «Паллас». В августе 1940 г. молодой искусствовед Виллем Раам опубликовал оптимистическую статью о будущем эстонских музеев.⁸ Вскоре Раам был назначен директором таллиннского Государственного Художественного музея. В Тарту Художественный музей был основан в начале 1941 года. Постепенно оккупационные власти начали все больше контролировать художественные организации. 8 октября 1940 г. было опубликовано постановление Совета Народных Комиссаров ЭССР о создании Союза советских художников Эстонии, который должен был стать частью недавно созданного Союза художников СССР.⁹

Комиссия по подготовке организации (председатель Юхан Ныммик, товарищ председателя Эдуард Вийральт, секретарь Адамсон-Эрик, члены Айно Бах, Андрус Йохани, Каарел Лийманд и Рихард Сагритс) уже не избиралась, а назначалась сверху. Власти уже не скрывали своих намерений. Тогдашний министр просвещения Ниголь Андресен писал: «С назначением оргкомитета Совет Народных Комиссаров ЭССР дал писателям и художникам важное задание: организовать писателей и художников согласно советской системе, организовать их деятельность в необходимом советскому строю духе».¹⁰ До создания Союза художников ЭССР в первый год оккупации дело все-таки не дошло, зато постановлением Совета Народных Комиссаров от 15 ноября 1940 г. были запрещены и ликвидированы все существующие художественные организации и группировки и образовано Управление по делам искусств. Согласно уставу, в его задачу входил контроль над всеми произведениями искусства, организация выставок, конкурсов и т.п., приобретение произведений искусства для музеев, контроль над творческими союзами и т.п.¹¹ Усугубляющийся контроль пугал и сковывал художников. Аналогичные процессы происходили и в прессе – художественная критика быстро переняла советские приемы, которые интересовали ее больше, чем само искусство. Отчасти это было вызвано приспособлением критиков к господствующей идеологии, будь то в интересах собственной карьеры или для защиты эстонского искусства от возможных обвинений, отчасти тем, что цензура контролировала печатное слово более тщательно, чем изобразительное искусство.

Осенью 1941 г. в Москве планировалось провести Декаду культуры ЭССР, подготовка к которой началась уже в 1940 году. Большие средства были затрачены на заказ произведений, отражавших новую советскую тематику. Появились отдельные эскизы и полотна, напрямую служившие советской идеологии. Так, Адамсон-Эрик, художник очень талантливый и честолобивый, стремился занять в новой системе руководящее место, что на время ему удалось. Одним из искренних сторонников новой власти был и Андрус Йохани. Правда, оба художника в своих новых произведениях сохраняли стиль, в котором они работали в 1930-х гг.: Адамсон-Эрик – постимпрессионизм, А. Йохани – сочный живописный реализм.

В творчестве большинства эстонских художников первый год оккупации не оставил заметных следов, и манера 1930-х гг. продолжала существовать не только в форме художественных произведений, но во многом и в их содержании. Власти как образец рекомендовали господствовавший в СССР социалистический реализм. Однако поскольку этот стиль можно было толковать по-разному, то и творчество эстонских художников – разнобразное и отмеченное печатью индивидуальности, но в принципе реалистическое, можно было отнести к социалистическому реализму. Новое время принесло с собой более частое изображение простого рабочего человека, но зачастую опосредованное влияние соцреализма проявлялось лишь в названиях произведений.

Насильственные репрессии оккупационных властей на первых порах происходили сравнительно скрыто и в большинстве своем творческой интеллигенции не касались. Однако проведенные в июне 1941 г. аресты коснулись и этой части эстонского общества. Директор Художественного музея Виллем Раам, лишь недавно назначенный оккупантами на должность, был арестован и пробыл в заключении до 1956 года. Эдуард Таска, положивший начало художественной обработке кожи в Эстонии, скончался в лагере 7 марта 1942 года.

Серьезный раскол в рядах творческой интеллигенции произошел в начале войны между СССР и Германией. Некоторые художники, поддерживавшие советскую идеологию (Каарел Лийманд, Андрус Йохани), примкнули к истребительным батальонам, часть художников, активно сотрудничавших с новыми властями (Адамсон-Эрик, Айно Бах, Борис Лукатс и др.), присоединились к отступавшим частям Красной армии, некоторые были мобилизованы. Из последних многие погибли в трудовых батальонах или пали на фронте. Условия жизни художников в советском тылу оказались относительно сносными, поскольку власти намеревались использовать их в пропагандистских целях. В Ярославле были собраны как оказавшиеся в тылу, так и отозванные с фронта художники. 4 января 1943 г. в Ярославле был основан Союз советских художников Эстонии. Возглавил его Адамсон-Эрик, заместителем председателя был избран Рихард Сагритс, одним из секретарей стала Айно Бах. Всего членов-основателей союза было 14. Все они прошли школу соцреализма и служили советской идеологии.

6.2. НЕМЕЦКАЯ ОККУПАЦИЯ (1941–1944 гг.)

При немецкой оккупации прямые репрессии коснулись многих художников, которых в большей или меньшей степени можно было обвинить в сотрудничестве с коммунистами или хотя бы в сочувствии им. Были убиты **Андрус Йохани**, **Аугуст Роозилехт** и **Аркадио Лайго**, в заключении погибли **Карл Пярсимяги** и **Николай Куммитс**. Часть художников – **Ида Антон-Агу**, **Велло Агори (Гори)**, **Отть Кангиласки**, **Расмус Кангро-Поол**, **Пезтер Линцбах**, **Ромулус Тийтус**, **Рудольф Сепп**, **Йоханнес Выэрахансу** – были арестованы. В то же время немецкие оккупанты не

пытались изменить облик эстонского искусства, так что художники, оставшиеся на родине, могли продолжать творить в традициях довоенной республики.

Социалистический реализм в Советском Союзе и национал-социалистическое искусство в Германии по своей визуальной форме были очень близки – в этом проявилось внутреннее сходство двух тоталитарных режимов, особенно в военной тематике и искусстве плаката. С точки зрения истории Эстонии, важно, что в оккупированной немцами стране воздействие идеологии национал-социалистического искусства на художников было намного слабее, чем воздействие соцреализма на мастеров, работавших в России. Немецкие власти, по всей вероятности, не стремились «воспитывать» эстонских художников, а те, в свою очередь, не были ретивыми учениками. Естественно, насаждались образцы национал-социалистического искусства, однако преследования так называемого вырождающегося искусства, как это происходило в Германии, в Эстонии не было. Конечно, в эстонском искусстве того времени было не так много авангардистских произведений, которые нацисты могли бы причислить к отсталому искусству, однако образец для многих эстонских художников – парижское искусство 1930-х гг. – было все же куда более новаторским по сравнению с искусством национал-социализма. Тем не менее, оккупационные власти не чинили препятствий появлению произведений иного толка.

В 1942 г. при образованном немцами Эстонском самоуправлении был учрежден отдел науки и искусства Директората просвещения. Отдел курировал художественное образование и выделял скромные средства на поддержание художественной жизни. После того как в 1941 г. немцы взяли университетский город, Тартуское высшее художественное училище было закрыто. Вместо него в 1942 г. там открылись Высшие художественные курсы, а на следующий год удалось вновь открыть Высшее художественное училище, названное «Паллас». В Таллинне с 1942 г. действовало прикладное художественное училище средней ступени.

В 1941–1944 гг. в художественной жизни Эстонии царил оживление, проходило множество выставок, публиковались рецензии, процветал художественный рынок. Финансировалось искусство в основном частными лицами. Надо полагать, что в условиях нехватки товаров искусство стало одним из способов вложения средств. Однако большинство художественных произведений, без сомнения, напоминало о времени независимости и служило средством сохранения национального самосознания. Отзвук 1930-х гг. имел тогда для многих не только эстетическое значение, но и приобрел отзвук политической ностальгии (как впоследствии в долгие годы советской оккупации). Другой причиной сохранения манеры 1930-х гг. была изолированность художественной жизни Эстонии, поскольку связи с Западом в 1940 г. оборвались, и Эстония на несколько десятилетий оказалась полностью отрезана от искусства демократических стран Запада.

Опасность возвращения советского репрессивного режима вызвала новый раскол в рядах творческой интеллигенции. Летом и осенью 1944 г. из Эстонии бежали (в основном в Швецию и Германию) не менее 60 художников – примерно треть. 7 октября 1944 г., опасаясь преследований КГБ, покончил собой известный карикатурист **Гори** (Велло Агори).

Художники, избежавшие советского террора, участвовали в развитии зарубежной эстонской культуры и включались в художественную жизнь других стран, создавая значительные произведения. Тем не менее, разлука с родиной стала для многих большой потерей и источником постоянных переживаний. Не меньшей потерей была их эмиграция и для эстонского искусства. Однако оставшись на родине, художники подверглись бы советским репрессиям.

6.3. ВТОРАЯ СОВЕТСКАЯ ОККУПАЦИЯ (1944–1991 гг.)

Первыми задачами оккупационных властей оказались (как и в 1940 г.) контроль над творческой интеллигенцией и создание видимости активной художественной жизни. Созданный в Ярославле Союз советских художников Эстонии получил задание вовлечь в свои ряды мастеров, оставшихся на родине.

Объединение художников состоялось, так как творить, не состоя в ССХЭ, было невозможно. Членство в союзе обеспечивало продуктовыми карточками и материалами, давало возможность работать, а также помогало избежать клейма «тунеядца». На фоне послевоенной разрухи условия жизни художников были относительно благополучными. В первые послевоенные годы большинство из них имело возможность работать в том же ключе, что и до войны, поскольку тотальный контроль творчества еще не был введен. Можно даже сказать, что для возрождения художественной жизни советская власть на первых порах больше пользовалась пряником, чем кнутом. Москва еще не была уверена в своей власти в Прибалтике. Неопределенную позицию центра «июньские коммунисты» старались использовать для оправдания своеобразия Эстонии.

Тем не менее репрессии коснулись и художников. Уже в 1945 г. были арестованы скульптор **Александр Эллер** и живописец **Вармо Пирк**, до 1948 г. пробыл в лагерях военнопленных **Ильмар Малин**, воевавший в Финляндии.

Общее направление политики в области искусства было определено уже Постановлением ЦК КПЭ и СНК ЭССР в марте 1945 года «О развитии искусства и задачах Эстонской ССР»¹². В нем важнейшей задачей искусства было названо воспитание народа в советском духе и решительная борьба средствами искусства с остатками фашистской идеологии и буржуазного национализма. Власти требовали полотен политического содержания (о революционерах, о современной жизни) и клеймили аполитичное чистое искусство.¹³ Правда, поначалу эти требования оставались голословными и носили скорее рекомендательный характер.

Мрачные времена для эстонских художников наступили в конце 1940-х годов. Об ужесточении политики СССР в области культуры недвусмысленно свидетельствовали печально известные постановления партии 1946 г., осудившие аполитичность, формализм, космополитизм и прочие смертные грехи. Состоявшийся 15 октября 1945 г. съезд ССХЭ принял резолюцию об оздоровлении художественной жизни, погрязшей в паутине чистого искусства, и избрал направление в сторону социалистического реализма.¹⁴

В 1948 г. стало ясно, что Москва больше не потерпит никакого местного своеобразия. Началось создание колхозов и перекройка эстонской культуры по общесоюзным меркам. Сталинизация культуры была завершена в 1950 г. Предугадывая пожелания Москвы и стремясь к большей власти, некоторые рьяные сталинисты во главе с Максом Лаоссоном предприняли нападки на художественную жизнь Эстонии под руководством «июньских коммунистов». Первой под удар (по примеру происшедшего в Москве) попала театральная критика, но из статей Лаоссона явствовало, что он взял курс на уничтожение всех видов искусства. Так, он писал о вырождающейся буржуазной идеологии,¹⁵ которой, якобы, заразились некоторые критики, превозносящие «искусство для искусства» и о том, что низкопоклонство перед Западом отравляет советскую культуру.¹⁶

Поначалу Н. Андресен, Й. Семпер и другие «июньские коммунисты» пытались спорить с Лаоссоном, но на VIII Пленуме Центрального Комитета КПЭ радикальные сталинисты одержали победу. Поддерживавший «июньских коммунистов» Первый секретарь ЦК КПЭ Н. Каротамм был вынужден покинуть свой пост. М. Лаоссон произнес на пленуме гневную обличительную речь, в которой обвинил Н. Андресена, Й. Семпера, Адамсон-Эрика и др. в буржуазном национализме, антимарксизме и других смертных грехах.¹⁷ В 1950 г. к нападкам Лаоссона присоединились Магнус Мялк¹⁸ и Айра Кааль.¹⁹ Йоханнес Семпер, Ниголь Андресен и многие другие «июньские коммунисты» лишились своих должностей, некоторые были арестованы. Так, Н. Андресен 24 марта 1950 г. был арестован и осужден на 25 лет, однако спустя пять лет, во время хрущевской «оттепели», вышел на свободу.

Как и в других творческих союзах, в Союзе художников происходили чистки, и большинство лучших художников, обвиненных в формализме, национализме, космополитизме или просто в творческой пассивности, были исключены из союза. Исключение делало невозможным работу художником, однако за ним могли последовать и более тяжкие репрессии. Теория социалистического реализма позволяла утверждать, что художник, который не следует методу реализма и склоняется к формализму, не только находится на ложном пути, но и обнажает свою принадлежность к политическим врагам – зачем он тогда искажает или скрывает правду жизни, которую всякий прогрессивный человек должен любить. В пример обычно ставилось творчество русских передвижников XIX века,

а влияние импрессионизма считалось формализмом.²⁰ Таким образом политическое обвинение можно было выдвинуть почти против всех эстонских художников, для которых образцом служило парижское искусство 1930-х гг., в котором преобладал постимпрессионизм. Для ареста достаточно было только проявить интерес к западному искусству.

В 1949–1950 гг. в заключение или в ссылку было отправлено несколько десятков студентов художественных вузов (**Хенно Аррак, Олев Субби, Владимир Охакас, Эндель Пальмисте, Хенн Рооде, Эстер Рооде, Лембит Саартс, Хельдур Вийрес** и др.) и только что закончивших курс художников (**Юло Соостер, Кальо Рейтель**). Художественный критик **Расмус Кангро-Поол** был в заключении как во время немецкой оккупации, так и в сталинских лагерях, в которых он пробыл с 1950 по 1957 гг.

Художники, избежавшие ареста, были вынуждены жить в постоянном страхе. В печати критиковали мастеров культуры, используя для этого т.н. глас народа. На собраниях Союза художников с угрожающими обличениями выступало местное начальство или московские эмиссары. Например, на состоявшемся в марте 1950 г. собрании актива ССХЭ Адамсона-Эрика атаковал присланный из Москвы эксперт – художественный критик И. Меликадзе. Адамсон-Эрик был одним из немногих, кто еще пытался, хотя и безуспешно, защищаться публично.²¹ Напуганные художники выступали с публичным покаянием, но иногда и с очернением коллег, в надежде спасти свою жизнь. Для сталинского террора была типична ситуация, когда обвинители вскоре сами оказывались в роли обвиняемых. Подобная атмосфера страха, недоверия и зависти уничтожала творчество и вела к вырождению искусства. Многие художники воздерживались от экспонирования своих работ. **Адамсон-Эрик** устроился рабочим на обувную фабрику, **Антон Старкопф** уехал в Москву помощником к известному скульптору. **Йоханнеса Грезенберга** издевательства и невозможность работать довели 29 ноября 1951 г. до самоубийства.

Сталинская культурная политика изолировала эстонских художников не только от демократического западного искусства, но и от собственной истории. Творчество многих уже покойных художников было объявлено формалистическим, и их работы исчезли из музейных экспозиций. Руководство музеев также сменили, а таллиннский Художественный институт возглавили люди, приехавшие из России. Были ликвидированы кафедра истории искусств Тартуского университета и сектор истории искусств Института истории Академии наук. Тартуское Высшее художественное училище как «рассадник формализма» было преобразовано в Художественное училище средней ступени. Часть его преподавателей была в 1951 г. направлена в Государственный художественный музей ЭССР, во главе которого поставили обрусевшего эстонского скульптора Фридриха Лехта, имевшего репутацию душиителя русского авангардистского искусства 1920-х годов. Предполагалось, что он очистит эстонскую культуру от пережитков формализма и национализма.

В прикладном искусстве на первых порах сохранялись интерес к использованию своеобразных материалов и следование принципам функционализма, однако наблюдалось и стремление к развитию национального языка, опирающегося на народное искусство, что соответствовало лозунгу «национальной по форме, социалистической по содержанию» культуры. В художественном текстиле это, с одной стороны, проявлялось в геометрическом членении площади, а с другой – в изготовлении ковров с национальным орнаментом. Для всех видов прикладного искусства был характерен богатый декор, мотивы которого художники черпали в народном творчестве или стилизуя изображения местных цветов и растений. Композиции нередко отличались барочной пышностью и живописностью.

На первых порах прикладное искусство оставалось в стороне от обязательной политической пропаганды, и порой в произведениях тех лет царят скорее ностальгические настроения. Но год от года, как в художественном текстиле, так и в других видах прикладного искусства усиливалась ориентация на политическое содержание. Ковер все реже рассматривался как предмет декоративного искусства и часть оформления интерьера – все чаще, подобно картине, он становился самостоятельным произведением. Исчез геометрический декор, поскольку за него могли обвинить в формализме, однако национальный орнамент в качестве обрамления картины сохранился. Картина, естественно, должна была отличаться точным, реалистическим, четким рисунком, и от любой иной техники приходилось отказываться (обедняя, тем самым, прикладное искусство). Наряду с коврами-картинами получили распространение и так называемые ковры-плакаты, на которых изображалась советская символика – пятиконечные звезды, серп и молот, гербы ЭССР и т.п. – вперемежку с орнаментальными мотивами, заимствованными из эстонского народного искусства.

Для монументального искусства и объемных форм (керамика, художественное стекло и металл) было характерно сокращение разнообразия приемов, которые становились все скучнее. Поскольку в этой области наиболее вероятен был упрек в формализме, художники чаще создавали живописный или плакатный плоский декор. Его композиция должна была соответствовать правилам классицизма, но по большей части была академически эклектичной и перегруженной.

В начале 1950-х гг., в самое тяжелое для художественной жизни время, изменился и характер использования эстонского народного искусства. Какое-либо творческое истолкование было запрещено, допускалось лишь точное, сухое и бездушное воспроизведение этнографического материала. Официально это обосновывалось необходимостью уважительного отношения к национальному наследию. Подспудная же причина заключалась в стремлении сталинской культурной политики нивелировать национальные формы, так как представители разных национальностей должны были соединиться в единый советский народ.

Аналогичной была и судьба эстонской архитектуры. В первые послевоенные годы в основном шло восстановление разрушенного, в некоторых случаях оно превращалось в перестройку, как, например, это случилось с театром «Эстония». Фасад театра, обращенный к Пярнускому шоссе, Алар Котли сделал более классическим, чем в прежнем здании Линдгрена и Лённи. В 1947 г. было закончено строительство украшенного портиком Офицерского казино, превращенного в советское время в Дом политпросвещения.

На этих примерах видно, как традиционализм 1930-х гг. перешел к сталинской архитектуре. Его также можно назвать представительным традиционализмом (но это уже совершенно иные традиции). Сталинская архитектура визуально подтверждает, что СССР был дальнейшим развитием Российской империи. Сталинскую архитектуру также называли соцреалистической, но в отличие от литературы и изобразительного искусства, она опиралась не на русский реализм XIX века, а на казенный классицизм царских времен и помпезную эклектику.

Это влияние начинает сказываться и на планах городской застройки с огромными центральными площадями, парадными главными улицами и гигантскими монументами. С 1947 г. объявлялись конкурсы на проект Дома Советов (правительственное здание). Заключительный вариант 1954 г. предусматривал возведение в центре Таллинна многоступенчатого монстра в 100 метров высотой с классицистическими полуколоннами. Однако перелом, произошедший в архитектурной политике СССР, сделал это строительство невозможным. Сравнительно чистый образец сталинизма в Таллинне представляет собой так называемый дом с башней на Тартуском шоссе, но элементы в духе русского классицизма имеются на многих других зданиях Таллинна, а также Кохтла-Ярве, Силламяэ и др. городов.

До конца 1940-х гг., наряду с вышеописанным стилем, развивалась и другая архитектура, исходившая из принципов жилищного строительства времен Эстонской Республики. До 1948 г. еще можно было надеяться на продолжение развития в Эстонии хуторского хозяйства. В связи с этим проводились конкурсы на лучший проект сельского дома, архитекторы разрабатывали крестьянскую мебель в национальном стиле. С созданием колхозов эти планы утратили перспективу. В начале 1950-х гг. ужесточились и требования к жилым домам, например, были разрешены только высокие узкие окна, так как низкие широкие окна напоминали функционализм, следовательно, были политически неприемлемы как проявление формализма. Парадная же псевдонародность была разрешена, а национальный орнамент позволял избежать обвинения в формализме и космополитизме.

К концу сталинского периода эстонское искусство было совершенно задавлено. Во второй половине 1950-х гг., когда советская система стала допускать некоторые послабления, искусство начало понемногу оживать. Вышли из заключения те, кто остался жив, исключенные из Союза худож-

ников восстановили свое членство, а выборы руководства союза стали демократичнее. Большинство художников воспользовалось возможностью самовыражения: сократили в своем творчестве советскую тематику или же отказались от нее полностью, посвятив себя чисто эстетическим задачам. Эстонское искусство быстро стало отличаться от официального московского и превратилось в одно из средств сохранения и укрепления эстонской национальной идентичности. И все же идеологическое давление советской оккупации и ограничения, сковывавшие художественное творчество, сохранялись до конца 1980-х гг. Власти были вынуждены смириться с тем, что искусство не служит официальной идеологии, однако любое антисоветское проявление стремились подавить, и в большинстве случаев это удавалось. Страх лишиться работы толкал большинство художников к самоцензуре.

Оторванность от западного искусства сохранялась, информация о нем была отрывочной. Личная инициатива художников установить связи с Западом всячески подавлялась, их переписка вскрывалась, а произведения конфисковывались. Самых художников вызывали на допросы в КГБ и настолько запугивали и угрожали, что в отдельных случаях это приводило к духовному кризису. Роль Союза художников в такой обстановке оказывалась противоречивой. С одной стороны, руководство союза старалось смягчить требования властей и «выторговать» большую автономию, с другой, власти по-прежнему стремились использовать эту организацию для контроля за художниками, например, для срыва организации самостоятельных бесцензурных выставок. Творческую свободу сковывало и монопольное положение Союза художников. Поскольку вне союза работать было по-прежнему трудно, новаторское искусство могло оказаться «за бортом» не только по политическим мотивам, но и просто потому, что оно не соответствовало вкусам жюри.

Таким образом, в конце 1950-х гг. опасность репрессий уменьшилась, но полностью не исчезла, а идеологическое давление и отсутствие свободы творчества художники продолжали ощущать до конца советской оккупации.

- ¹ Например, помощник нового министра просвещения Х. Моора утверждал 16 июля 1940 г., что организация художественной жизни останется делом самих художников. То же самое повторил 25 июля и министр просвещения Й. Семпер.
- ² Raudsepp, Ingrid, 1999.
- ³ Ole, Eduard, 1973, 263.
- ⁴ *Päevaleht*, 26.07.1940.
- ⁵ Mark, Reet, 2003, 52.
- ⁶ *Päevaleht*, 19.07.1940; Postimees, 19.07.1940 jm.
- ⁷ Raudsepp, Ingrid, 1999, 60 jj.
- ⁸ *Viisnurk*, 1940, 1, 78080.
- ⁹ Lamp, Ene, 1965, 191.
- ¹⁰ *Looming*, 1940, 10, 795 jj.
- ¹¹ Эстонский государственный архив.
- ¹² ENSV Teataja, 03.04.1945.
- ¹³ Sirp ja Vasar, 27.10.1945, 2–4.
- ¹⁴ Эстонский государственный архив.
- ¹⁵ *Rahva Hää!*, 02.03.1949.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ ERK PA, f. 1, n. 4, s. B90, lk. 185JJ.
- ¹⁸ *Looming*, 1950, 5, 988-1004.
- ¹⁹ *Looming*, 1950, 2, 3, 4.
- ²⁰ Kangilaski, Jaak, 2003, 11–28.
- ²¹ Эстонский государственный архив.

Использованная литература

- Andresen, Nigol. *Nõukogude kirjanduse ja kunsti organiseerimisel*. Looming, 1940, 10. Эстонский государственный архив.
- ENSV Teataja, 3. aprill 1945.
- Kaal, Aira. *Formalismi idealistlikud juured*. Looming, 1950, 2–4.
- Kangilaski, Jaak. *Realismi mõiste metamorfoosid nõukogude kunstiteoorias*. – Kunstiteaduslikke uurimusi, 1–2. Tallinn, 2003.
- Kangilaski, Jaak; Lamp, Ene. *Eesti kunstielu ja okupatsioonide repressiivpoliitika*. ORURK, 3. Tallinn, 1994.
- Lamp, Ene. *Kunstielu organisatsiooni/istest ümberkorraldustest 1940–1941*. – ENSV TA Toimetised, XIV. Tallinn, 1965.
- Laosson, Max. *Paljastagem lõplikult kodanlik-esteeditsevad antipatriootlikud teatrikriitikud*. Rahva Hää!, 2. märts 1949.
- Mark, Reet. *Kunstipoliitika esimestel okupatsiooniaastatel*. – Kataloog: Sotsialistliku realismi võidukäik. Tartu, 2003.
- Mäik, Magnus. *Lõpuni hävitada kodanlik natsionalism meie kultuurielus*. Looming, 1950, 5.
- Ole, Eduard. *Suurel maanteel II*. Stockholm, 1973.
- Päevaleht*, 19. juuli 1940 ja 26. juuli 1940.
- Raam, Villem. *Eesti NSV kunstimuseumidest*. Viisnurk, 1940, 1.
- Raudsepp, Ingrid. *Kunstielu esimesel Nõukogude aastal*. Magistritöö. (Рукопись на кафедре истории культуры ТУ) Tartu, 1999.
- Sirp ja Vasar*, 27. oktoober 1945.

VII

ОБЗОР ЭКОЛОГИЧЕСКОГО УЩЕРБА

Рейн Ратас

Главные причины ущерба, причиненного окружающей среде, заключались в централизованной (главным образом, из Москвы) командной системе управления, в несбалансированном развитии экономики, в отсутствии целостной (комплексной) программы природопользования и нарушении местного экологического равновесия. Кроме того, сказывались чрезмерное внимание, уделяемое гонке вооружений, технологическое отставание промышленности, отсутствие чувства хозяина, а также невнимание к человеку, его семье и дому.

7.1 СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ УГОДЬЯ

Главным природным богатством Эстонии являются плодородные земли. Сельскохозяйственные угодья охватывают одну треть площади государства. Для удовлетворения бесконечных потребностей СССР осуществлялось несбалансированное интенсивное развитие производства как на полях и пастбищах, так и на скотных дворах. Сопутствовавшие этому химизация и гигантомания – создание укрупненных сельскохозяйственных ферм, использование слишком тяжелых и мощных сельскохозяйственных машин, а также возделывание огромных полей, пригодных лишь для российских пространств, влекло за собой снижение плодородия, истощение земель и загрязнение вод. В 1980-х гг. норма удобрения обрабатываемых земель достигала 180 кг азота на один гектар, из них более 2/3 приходилось на минеральные удобрения. Постоянное использование столь большого количества удобрений могло привести к тому, что грунтовые воды (на глубине до 40 метров) стали бы непригодными для питья.

До принудительной коллективизации сельского хозяйства при использовании хуторской земли учитывались как соотношение угодий, так и структура пахотных земель. После коллективизации эти различия не принимались во внимание, в результате чего полевые культуры стали выращивать на непригодных для них землях («чередование полей»), а качество сельскохозяйственных площадей снизилось (на хороших пахотных землях вокруг ферм создавались пастбища, многие поля подверглись списанию).

Для добычи сланцев и фосфоритов к 1980 г. было выделено 13 490 га земли, причем планировалось, что к 2000 г. таких земель будет выделено уже 22 000 га; примерно половину из них должны были составлять возделываемые угодья. Требования по рекультивации использованных земель выполнялись неудовлетворительно. В сланцевых бассейнах под отходами осталось 2600 га, а в результате подземной добычи сланцев на поверхности земли возникли провалы и расщелины глубиной до 2 метров. Дренажные системы, находящиеся на деформированных землях (в общей сложности около 200 км²), пришли в негодность, обработка земли местами стала невозможной, начали исчезать запасы торфа и леса (*Estonian...*, 1997). Так, промышленные загрязнения воздуха пагубно повлияли на леса вокруг Кохтла-Ярве, Кивиыли и Маарду, а также снизили их естественный прирост более чем на 50%.

Изменение стиля жизни всегда влечет за собой изменения ландшафта. Формирование ландшафта должно основываться на историческом развитии культурного ландшафта и на природных условиях. Естественное развитие культурных ландшафтов прекратилось с началом насильственной коллективизации в конце 1940-х годов. В результате, в исконных эстонских деревнях были построены здания и сооружения (т.н. экономичные комплексы), которые исторически и архитектурно не вписывались в окружающую среду. Существовавшие там аграрно-экологические системы были уничтожены, а вместо них сооружены новые, искусственные, враждебные человеку и природе.

7.2 ВОДНЫЕ ЗАПАСЫ

Вода, которую можно назвать «кровью ландшафта», является довольно точным индикатором состояния природной среды. В конце 1980-х гг. примерно 52% сточных вод подвергалось очистке (по требованиям того времени). Остальные сточные воды оставались неочищенными или очищались лишь частично.

К концу оккупационного периода из 1700 очистных сооружений Эстонии работало всего лишь около трети (в основном, небольшие очистные установки). Практически ни в одном городе или ином населенном пункте не было до конца построенных и безукоризненно работающих очистных сооружений. Химическая же очистка сточных вод не производилась вовсе (*Keskkond...*, 1991).

Проверка, проведенная в 1987 г., показала, что 62% сельскохозяйственных хранилищ для зерна, силоса, навоза и помета, а также удобрений не отвечали установленным требованиям. Это и являлось одной из главных причин рассеянного загрязнения поверхностных водоемов, что дополнялось несбалансированным использованием минеральных удобрений. Санитарное состояние всех озер Эстонии ухудшалось (состояние почти 150 было критическим). Большинство рек также было загряз-

нено. В наиболее плачевном состоянии находились Северная и Западная Эстония, а местами также Южная Эстония (Суур-Эмайыги). В 1989 г. уровень содержания фенолов в реке Пуртсе в 780 раз превышал допустимые нормы. Во многих реках содержание сульфатов в воде превышало максимальные нормы в 20 раз, а аммиачного азота – в 120 раз. Сильному загрязнению подверглись прибрежные морские воды. Практически все популярны эстонские пляжи были годами закрыты для купания. Например, в прибрежных водах в районе Пярну *Coli*-индекс превышал допустимую норму в 5000 (!) раз (*Keskkond...*, 1989, 1990; *Keskkond...*, 1991).

По сравнению с 1945 г. использование грунтовых вод возросло в 10 раз. Примерно 10% запасов грунтовых вод были опасно, а 30% – существенно загрязнены. Основными источниками загрязнения оставались:

- районы добычи и обработки сланцев в Вирумаа;
- крупные города, в т.ч. Таллинн;
- военные объекты, в особенности – 5 крупных аэродромов и ракетные базы;
- крупные животноводческие фермы и обрабатываемые земли, подвергавшиеся рассеянному загрязнению.

В животноводстве господствовала чрезмерная концентрация, отсутствовали надлежащие хранилища для навоза и помета. Бывшие хранилища для удобрений и в наши дни доставляют множество проблем (в том, что касается защиты грунтовых вод). Нередко удобрения хранились в хозяйственных помещениях хуторов или прямо на земле. Такое положение было характерно для всей Эстонии. Например, на острове Муху насчитывалось 5 крупных очагов загрязнения, вблизи которых содержание нитрат-ионов в грунтовых водах достигало 650 мг/л. Обеспечение сельских жителей водой было неудовлетворительным, а кое-где остается таковым и в наши дни. В некоторых районах некачественную воду приходится использовать до 70% сельских жителей. Хотя содержание нитратов в воде уменьшается, положение все же нельзя считать удовлетворительным.

На территориях, которые использовались оккупационной армией, в поверхностные воды, в почву и в грунтовые воды были слиты тысячи тонн авиационного и ракетного топлива (*Endise...*, 1999). В течение многих лет проблемой являлось загрязнение грунтовых вод керосином. В Тапа и Эмари сохраняется опасность того, что растворившиеся нефтепродукты могут просочиться в ордовикский и кембрийский водоносные горизонты. В Тарту под угрозой находится водозабор Мельтсивески. Бывшие военные аэродромы – наиболее крупные, но далеко не единственные источники загрязнения. Значительными факторами загрязнения являются также бывшие ракетные базы, различные топливные хранилища, котельные и трубопроводы. Благоустройство этих территорий, а также очищение поверхностных и грунтовых вод требует больших расходов – порядка 60 миллиардов крон (подробнее см. следующую статью).

7.3 ПОЛЕЗНЫЕ ИСКОПАЕМЫЕ

Добыча полезных ископаемых и их последующая переработка осуществлялись расточительно, поскольку:

- в используемом месторождении разработке подвергались лишь лучшие его участки (слои);
- осуществлялась добыча лишь основных полезных ископаемых (напр., сланца), а сопутствующие полезные ископаемые (напр., торф) уничтожались;
- использовалась устаревшая и неустойчивая технология;
- ценность природных запасов была занижена (т.е. расчетные цены были крайне низкими) (*Ratas, Raukas...*, 1997).

Фосфоритную руду добывали в Маарду, и общий объем добычи составил примерно 30 млн. тонн. В ходе работ были повреждены или уничтожены залежи высококачественного известняка в объеме до 15 млн. м³, торфа – 0,5 млн. т, диктионемового сланца – почти 100 млн. т, глауконитового песка – до 50 млн. м³. Сельскохозяйственная эффективность фосфоритной муки, изготовленной из местного сырья, была практически нулевой. В то же время районы, где добывалось сырье и осуществлялось производство удобрений, были основными источниками загрязнения атмосферного воздуха (прежде всего, фторуглеродами, диоксидом серы и пылью). Загрязнение воздуха, обусловленное фосфоритным производством в Маарду, через море достигало Финляндии. Остаточное загрязнение, связанное с добычей и переработкой фосфоритов, сохраняется в поверхностных и грунтовых водах в течение очень долгого времени. На площади в несколько сот гектаров теперь остался поврежденный и лишь частично рекультивированный промышленный ландшафт.

В период 1940–1991 гг. добыча сланцев составила примерно 800 млн. т, причем на долю производственных потерь приходилось около 30%. Добыча сланцев и их использование в энергетике и химической промышленности влекли за собой загрязнение поверхностных и грунтовых вод, обширное загрязнение атмосферного воздуха и возникновение обширных поврежденных ландшафтов. Эти последствия не преодолены до сих пор. Так, в восточной части Вирумаа критическая экологическая ситуация местами сохраняется до сих пор (*Estonian...*, 1997).

В 1977 г. для т.н. служебного пользования был издан обзор состояния окружающей среды в Эстонии и тенденций в его изменении. Из обзора следовало, что:

- качество водных ресурсов ухудшается;
- выявилось загрязнение водоемов канцерогенными веществами;
- количество опасных сточных вод ежегодно увеличивается;
- реки Кохтла, Эрра и Пуртсе «мертвы»;
- в опасном экологическом состоянии находятся реки Пюхайыги, Ягала, Пяэскола и Селья;

- сильно загрязнены нижнее течение реки Нарва, а также реки Тыдва, Касари, Пярну, Педели, Выханду и Эмайыги;
- в Таллинне, Тарту, Выру, Вильянди, Валга, Хаапсалу, Пайде, Кингисепе (Курессааре) и в некоторых других городах отсутствуют сооружения для очистки сточных вод;
- в 1975 г. очистке подверглось всего 15% общего количества сточных вод;
- использование грунтовых вод в городах должно к 2000 г. возрасти в 3,5 раз (по сравнению с 1973 г.), а в сельском хозяйстве – в 5 раз;
- к 2000 г. около 50% перспективных грунтовых вод будет загрязнено;
- положение с загрязнением Балтийского моря за прошедшие десятилетия ухудшилось, в основном это касалось углеродно-, фосфорно- и хлорно-органических соединений;
- отсутствуют надежные данные о количестве твердых отходов и их местонахождении;
- если не применять эффективные меры по утилизации отходов, то возникнет серьезная опасность загрязнения воды и воздуха;
- количественные показатели по загрязняющим веществам в атмосферном воздухе, полученные в ходе измерений, проведенных в Таллинне, превышают допустимые пределы концентрации (по диоксиду серы – до 7 раз, угарному газу – до 12, окиси азота – до 20 и пыли – до 12 раз);
- согласно постановлению Совета министров СССР № 574 от 1976 г., производство сланца к 1990 г. должно возрасти до уровня 50–60 млн. т в год.
К счастью, оккупационные власти не сумели претворить свои планы в жизнь.

7.4 МАЛЫЕ ОСТРОВА

На судьбу малых островов Эстонии серьезно повлияли Вторая мировая война и последовавший за ней период оккупации. Население островов уменьшилось в связи с выездом на историческую родину шведов, проживавших в прибрежных районах Эстонии (т.н. прибрежные шведы), и бегством части эстонцев перед наступающими частями советских войск. Были введены ограничения в отношении рыболовства и лодочного хозяйства. Из тридцати двух малых островов, заселенных до войны, значительное население сохранилось лишь на шести (Прангли, Кихну, Рухну, Манилайд, Вилсанди, Абука). Множество островов были отданы в распоряжение военных, а эстонское население, как правило, туда попасть не могло. В связи с уменьшением численности населения сельскохозяйственные земли на этих островах также пришли в негодность. До оккупации на острове Найссаар было 69 дворов, которые использовали 71 га земли, из них 2,8% составляли обрабатываемые поля, сады и ого-

роды. Два острова Пакри составляли отдельную волость, там имелось 68 дворов общей площадью 1850 га, из них 7,2%, или 133 га составляли возделываемые поля, сады и огороды.

Поскольку большинство малых островов относились к пограничной зоне, потерялась их рекреативная ценность, а развитие рекреации для малых островов во всем мире является основным видом хозяйственной деятельности. На островах можно отдыхать и заниматься водным туризмом (катание на яхтах, рыбная ловля и т.п.). Найссаар должен стать зоной отдыха для Таллинна. Маленький остров Аэгна, расположенный возле Найссаара, нуждается в целенаправленной программе использования. На островах Пакри, которые долгое время находились в распоряжении военных, под угрозу попали как уникальные скалистые обрывы (особенно на острове Вяйке-Пакри), так и редкие виды растений и птиц (гнездовья чистиков). Использование островов Пакри в качестве места дислокации военной авиации (бомбардировщиков) было серьезным преступлением (*World War II...*, 1991).

Источником материальных и духовных благ человека является природная среда, его жизненное пространство. Там он получает все необходимое для жизни, туда сбрасывает отходы жизнедеятельности. Недаром знаменитый английский экономист XVII века Вильям Петти утверждал, что «природа – это мать, а труд – отец богатства». Защита окружающей среды – неотъемлемая часть природопользования, показывающая уровень нашего развития и культуры, а также отношение к последующим поколениям.

Информацию об исследованиях, касающихся экологического ущерба, можно получить в Министерстве окружающей среды Эстонской Республики.

Использованная литература

- Eesti NSV keskkonna seisund ja selle muutumise tendentsid.* Сост. Jüri Martin, ред. Erast Parmasto. Tallinn, 1977.
- Endise Nõukogude Liidu sõjaväe jääkreostus ja selle likvideerimine.* Сост. и ред. Anto Raukas. Tallinn, 1999.
- Estonian Environment. Past, Present and Future.* Comp. And ed. by Anto Raukas. Tallinn, 1997.
- Keskkond '89. Ülevaade.* Tallinn, 1990.
- Keskkond 1991.* Helsingi, 1991.
- Ratas, Rein; Raukas, Anto. *Main Outlines of Sustainable Development in Estonia.* Tallinn, 1997.
- World War II and Soviet Occupation in Estonia: A Damages Report 1991.* Comp. and ed. by Juhan Kahk. Tallinn, 1991

VIII

ГИГАНТСКИЙ ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ УЩЕРБ, ПРИЧИНЕННЫЙ ОККУПАЦИОННОЙ АРМИЕЙ

Анто Раукас

В последние годы советской оккупации в Эстонии было 1565 военных объектов, которые размещались примерно в 800 местах и охватывали около 1,9% территории республики. Согласно расчетам, проведенным в 1999 г., экологический ущерб, причиненный советскими (и российскими) войсками, был оценен примерно в 65 млрд. крон. Это без учета вреда, нанесенного здоровью людей, который невозможно было оценить. На основании имеющейся у нас информации, можно сказать, что кратковременная немецкая оккупация не вызвала заметного загрязнения окружающей среды.

8. 1. О ВОЗНИКНОВЕНИИ УЩЕРБА И ЕГО ОЦЕНКЕ

Война и годы советской оккупации разорвали связи не только между людьми, но и между человеком и природой. Во Второй мировой войне были совершены преступления, подобных которым не знала история человечества. Однако уничтожение людей и разорение природы продолжалось и в послевоенные годы. Официально, оккупированную Эстонию старались показывать как суверенную республику, однако в реальности ни у Верховного Совета, ни у Совета Министров ЭССР не было права голоса при решении важных вопросов. К их числу относились, помимо прочего, вопросы размещения советских воинских частей, выделения необходимых для этого земельных участков и контроль над экологическим состоянием территорий, отведенных под размещение военных объектов. У нас есть основания полагать, что подавляющее большинство руководителей ЭССР не знало истинной ситуации, связанной с советскими войсками.

С восстановлением независимости Эстонии положение крайне обострилось, так как между правительством республики и командованием российских войск не было четкой системы взаимоотношений, и в природную среду бесконтрольно продолжали сбрасываться загрязняющие вещества. Для того чтобы оценить ущерб, причиненный оккупационной армией, ликвидировать его, а также воспрепятствовать дальнейшему

загрязнению, при Министерстве окружающей среды в 1992 г. была сформирована Комиссия по оценке и финансированию ликвидации ущерба, причиненного вооруженными силами бывшего СССР (т.н. военная комиссия). Возглавлял комиссию тогдашний канцлер Министерства окружающей среды Рейн Ратас, а ее деятельность финансировалась за счет средств государственного бюджета. Многие зарубежные государства предоставили Эстонии существенную финансовую помощь, а также помощь при приобретении необходимого оборудования и обучении специалистов. Особенно весомой была поддержка, полученная из Дании, Финляндии, Швеции и Германии. В 1999 г. прежнюю комиссию переименовали в Комиссию по ликвидации остаточного загрязнения, но, по существу, она прекратила свою работу. Итогом работы комиссии стала книга «*Endise Nõukogude Liidu sõjaväe jääkreostus ja selle likvideerimine*» («Остаточное загрязнение, причиненное армией бывшего Советского Союза, и его ликвидация», составитель и редактор Анто Раукас), изданная при поддержке Министерства окружающей среды Эстонской Республики. Данный краткий обзор основан, прежде всего, на материалах этой книги, поэтому ниже, при рассмотрении отдельных вопросов, ссылки на нее не приводятся.

8. 2. КОЛИЧЕСТВО И РАСПОЛОЖЕНИЕ ВОЕННЫХ ОБЪЕКТОВ

Первой задачей «военной комиссии» было определение количества военных объектов и их месторасположения. К сожалению, нам не удалось получить данные о численности бывшего советского военного персонала, оставшегося в Эстонии. В середине 1980-х гг. общее число военных в Эстонии составляло, предположительно, 122 480 человек (без учета членов их семей). В любом случае, военнослужащие составляли более чем десятую часть общей численности населения, постоянно проживавшего в Эстонии. Исходя из этого, экологическое загрязнение военного характера дополнялось значительным хозяйственно-бытовым загрязнением. Помимо военнослужащих и членов их семей, значительным источником экологического загрязнения была также военная промышленность. Как наиболее известный пример можно привести Силламяэское хранилище отходов.

Основательные исследования дали возможность выяснить, что в последние годы советской оккупации в Эстонии существовало 1565 военных объектов, которые располагались примерно в 800 местах и занимали 87 000 га, т.е. примерно 1,9% территории Эстонии. Только в Таллинне в распоряжение военных было передано 863 га земли, причем участки располагались в 212 местах. Крупнейшими участками, находящимися в распоряжении военных, были полигоны в Аэгвийду (33 100 га), Утсали (13 411 га), Нурси (3703 га) и Вярска (1962 га), полуостров Пакри вместе с городом Палдиски (3703 га), острова Пакри (24 447 га) и остров Найссаар (1867 га). Военные объекты различались по степени загряз-

нения окружающей среды и экологической опасности, некоторые из них не представляли никакой угрозы. Однако семьи погибших не может утешить тот факт, что их близкие погибли от единственного имевшегося в этом районе снаряда. Поэтому внимания и контроля требовали все объекты. Об опасности бывших военных объектов свидетельствует тот факт, что только лишь за один 1995 г. эстонские саперы ликвидировали на островах Паكري 2538 различных взрывных устройств, из них – 432 боевых снаряда. Из башенной батареи на острове Оссмуссааре было только за один день 11 июня 1996 г. изъято и уничтожено 49 боевых снарядов.

8.3. ОЦЕНКА УЩЕРБА ОТ ЗАГРЯЗНЕНИЯ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

Оценка экологического ущерба была выборочно проведена на 194 военных объектах (общей площадью свыше 80 000 га), дополнительные исследования загрязнения (экологическая экспертиза и гидрогеологические работы) были осуществлены на 64 объектах. Инвентаризация объектов производилась с применением методики, рекомендованной Министерством экологии Федеративной Республики Германии. Все загрязняющие вещества были классифицированы согласно утвержденному в 1992 г. «Эстонскому классификатору отходов». В ходе проведения работ были обнаружены следующие загрязнения почвы: нефтепродуктами – на территории площадью 4335 га (вместе с почвенной массой – 761 427 т), металлическими отходами – на 850 га, химикатами – на 65 га и т.п. Химикатов набралось в общей сложности 8257 т, отходов масел и топлива – 12 038 т, отходов пластмассы и резины – 44 191 т. Общая масса отходов составила 1 741 159 т. В 20 местах было обнаружено в общей сложности 5637 т отходов, представляющих особую опасность для жизни и здоровья человека. Например, в Мяннику (Ляэне-Вирумаа) советские войска оставили валяться без охраны 20 тонн напалма. На территории и на складах воинских частей инженерных войск в Тапа и в Пярну были в большом количестве забыты хлорпикрин и зажигательные смеси. В Таллинне на улице Астангу на складах было оставлено множество боеприпасов и взрывчатых веществ. Во многих местах встречались небрежно выброшенные ртутные лампы и трансформаторное масло, содержащее ПХД, и никель-кадмиевые аккумуляторы. Всего на проведение оценки и выполнение работ по санированию было израсходовано 34,3 млн. крон, что по сравнению с полученным эффектом является ничтожной суммой, поскольку ущерб, причиненный советской и российской армией, оценивается в 65 млрд. крон. В этой сумме не учтен вред, нанесенный здоровью людей, так как адекватно оценить его невозможно.

8.3.1. ВОЕННЫЕ АЭРОДРОМЫ КАК ПРИЧИНА ТЕХНОГЕННОГО МАСЛЯНОГО ЗАГРЯЗНЕНИЯ

Наиболее загрязненными оказались военные аэродромы в **Тапа** (771 га), **Раади** в Тарту (698 га), **Паралепа** в Хаапсалу (799 га) и в **Эмари** (930 га). Только лишь на одном Тапаском аэродроме в почву и в грунтовые воды попали тысячи тонн авиационного топлива, загрязнившего площадь размером в 16 км². Толщина слоя керосина, который покрывал грунтовые воды и частично растворился в них, местами превышала 5 метров. Всего из этих вод в течение 6 лет выкачали 105 200 литров сепарированного керосина и приблизительно 681 798 м³ загрязненных грунтовых вод, на что было израсходовано более 7 млн. эстонских и 8 млн. датских крон. В полном объеме загрязнение ликвидировать не удалось. Кроме загрязнений, вызванных керосином, на Тапаском аэродроме был найден еще 101 объект и 162 очага загрязнения. Было обнаружено 1217 тонн металлического лома, а масляные пятна наблюдались на территории площадью в 4485 м². В целом ряде мест удалось найти топливного масла и осадков из емкостей общей массой свыше 150 тонн. Строительных отходов насчитали 1037 тонн, смешанных бытовых отходов – 42,5 тонны, хлоридов – 30 тонн, серы – 18 тонн.

С бывшим тартуским военным аэродромом **Раади** также были связаны крайне серьезные экологические проблемы. Дренажные системы в этом районе пришли в негодность, поэтому почва страдает от излишней влаги, что снижает ее способность к самоочистке. Только в октябре 1998 г. удалось удалить особо опасный компонент ракетного топлива самин, который на 50% состоит из триэтиламина и на 48% – из кислоты, а также содержит другие токсичные компоненты. Для передачи данной территории гражданским лицам, кроме очистки почвы от нефтяных отходов и химикатов, нужно произвести также другие масштабные работы (например, канализирование территории и ее очистку от мусора, разравнивание почвы и проведение водопровода). Аэродром Раади обслуживали Кяркнаская (Силлаотса) топливная база (11 га), а также Акиметсаское (134 га) и Марамаское бомбохранилища. Как на Кяркнаском топливном складе, так и на аэродроме в 1968, 1971, 1981, 1982, 1988, 1990 и 1991 гг. произошли серьезные утечки топлива, в результате которых из трасс и резервуаров на землю вылилось значительное количество топлива. Почва и верхний горизонт грунтовых вод были сильно загрязнены на площади не менее 20 гектаров.

8.3.2. ЗАГРЯЗНЕНИЕ ОТ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РАКЕТНЫХ БАЗ

В Эстонии размещалось около 50 советских баз противовоздушной обороны и береговой охраны, баз для размещения стратегических ракет средней дальности, а также частей, обслуживающих эти базы. Это без учета гигантских подземных центров управления, например, в Таллинне в

Вана-Пяэскола и в Харьюмаа на Хумалаской возвышенности. Наиболее крупными по территории были Каруярве (1218 га), Кадила (941 га), Сянна (543 га) и Кейла-Йоа (423 га). Штаб ракетных войск, управлявший стратегическими РСД, находился в Юго-Восточной Эстонии, в Валга, техническая служба располагалась в Роони, стартовые позиции – в Виласки, Роони и Уникюла, а запасные позиции в Холстре. В учебных целях использовалась также ракетная база в Палометса. Объекты ракетных подразделений охранял зенитно-ракетный полк, стартовые позиции которого находились вблизи Валга в Метснику (Варна), в Сянна (Вырумаа) и в Руту (Вильяндимаа) недалеко от Каркси-Нуия. До подписания в 1974 г. Договора об ограничении ракет средней дальности, штабу подчинялись (затем ликвидированные) ракетные базы в Рыngu и Вастсе-Нурси. Ракеты средней дальности были размещены также на Сяннаской ракетной базе в Вырумаа и на Пийрсалуской ракетной базе, что располагалась на границе Харьюмаа и Ляэнемаа.

Компоненты ракет на жидком топливе представляют очень серьезную экологическую опасность. Угрожающая ситуация сложилась в 1993 г. на ракетной базе в районе поселка Кейла-Йоа, окруженного дачами, когда в целях высвобождения резервуаров из нержавеющей стали (для дальнейшей незаконной продажи) содержащийся в них ядовитый самин просто вылили на землю. По всей видимости, было вылито 10–15 тонн самина, и через трещины в известняке он проник в грунтовые воды. Дальнейшее распространение яда было остановлено в сотрудничестве с немецкой фирмой IABG GmbH. На проведение исследования экологического состояния ракетной базы в Кейла-Йоа и работ по санированию почвы из государственного бюджета было израсходовано 4 606 453 кроны без учета безвозмездной помощи Федеративной Республики Германии (150 000 немецких марок) и Финляндской Республики (120 000 финских марок).

8.3.3. ПРОБЛЕМНЫЙ ГОРОД ПАЛДИСКИ

На протяжении более чем полувека город Палдиски и весь полуостров Пакри оставались закрытыми для гражданского населения Эстонии. Причин для этого было много. На полуострове располагались военноморская часть № 10717, ракетная часть № 031115 (ракетные базы Лээтсе I и Лээтсе II), воинская часть пограничной службы № 2198, учебный центр подготовки подводников для АПЛ вместе с учебными реакторами, а также штрафной батальон в Пылкюла. В распоряжении военных находились также Южный и Северный порты Палдиски. На межпортовой территории располагались торпедные склады. В настоящем кратком обзоре невозможно даже перечислить все очаги загрязнения на Пакри. Особую экологическую опасность представляли центральная котельная, где зачастую происходили различные утечки, городская канализация и очистные сооружения, которые находились в плохом состоянии, а также небрежно

сооруженные свалки для мусора. Неочищенные сточные воды ракетных баз и бетонного завода просто сливались в почву, а сточные воды с ядерного объекта, из гальванического цеха и из погранчасти – прямо в море. Из центральной котельной вместе с дождевой водой ежегодно в канализацию попадало свыше 60 тонн мазута, из которых не менее 20 тонн попадало в море из-за малой эффективности уловителей масла. Утечки масла из резервуаров привели к тому, что в трещинах известняка собралось большое количество топливного мазута. В портах накопилось большое количество отходов в виде металлических конструкций, брусьев, бочек и другого мусора.

Отдельно остановимся на центре подготовки подводников или т.н. ядерном объекте, который был сооружен неподалеку от Леэтсе в центральной части полуострова, где близкие к поверхности земли грунтовые и поверхностные воды не имеют природной защиты. Реакторы мощностью в 70 и 90 МВ были остановлены в 1989 г. В 1995 г., когда территория была передана властям Эстонской Республики, она была сильно загрязнена мазутом (400 т), причем объем загрязненной почвы составлял не менее 12 000 м³. Территория, покрытая мусором, достигала 5000 м², а разбитые свинцовые аккумуляторы загрязнили участок площадью 1200 м². До запуска второго реактора в 1983 г. дождевую воду и неочищенные сточные воды с этой территории (23 га) направляли в известняк в углубленном русле ручья Леэтсе. Кроме того, радиоактивные отходы были беспорядочно складированы.

8.3.5. ПРОМЫШЛЕННЫЙ КОМПЛЕКС СИЛЛАМЯЭ И ХРАНИЛИЩЕ ОТХОДОВ

Переработка урановой руды в Силламяэ началась в 1948 году. Первоначально использовали местный диктионемовый сланец (аргиллит). Так как содержание урана в нем незначительно (в среднем 0,03%), то позже перешли на использование более богатой ураном руды, привезенной из Восточной Европы. По данным завода, в Силламяэ было переработано более 4 миллионов тонн урановой руды. Одновременно на заводе начали также перерабатывать радиоактивный лопарит, добываемый на Кольском полуострове, из которого выделялись редкие щелочноземельные металлы, ниобий, тантал и т.п. Первоначально отходы от переработки руды складывали на низкой береговой террасе в Пяйтенина, а в 1959 г. там начали строить хранилище отходов, отделенное от моря валом, которое расширяли по мере надобности. Объем хранилища в настоящее время оценивается в 8 млн. м³, из которых примерно половину составляют отходы от переработки урановой руды. Существовала серьезная угроза того, что с водой, протекающей через слои отходов, радиоактивные элементы могут попасть в Финский залив (по наклонным к морю слоям глины кембрийского периода). Уменьшение прочности дамбы ускорили сильные шторма и разрушение береговой террасы.

В обеспечении экологической безопасности Силламяэского хранилища отходов заинтересованы все страны региона Балтийского моря. В 1997 г., по инициативе шведской стороны, для разрешения этой проблемы была создана международная экспертная рабочая группа (SIERG), в которую вошли специалисты из Швеции, Финляндии, Норвегии и Эстонии.

13 октября 1999 г. министр окружающей среды Эстонии, представители правительств Северных стран и NEFCO подписали Договор о санировании хранилища отходов, который к 2006 г. предусматривает обеспечить экологическую безопасность этого самого проблемного объекта в Балтийском регионе. Проект финансируется Европейской Комиссией (5 млн. евро), Норвегией (2 млн. долларов), Швецией (1 млн. евро), Данией (1 млн. долларов), правительством Эстонии (3 млн. евро) и NEFCO (2 млн. евро). К этим суммам добавится также долгосрочный экологический заем в размере 5 млн. евро, предоставляемый Инвестиционным банком Северных стран. Общая стоимость проекта будет составлять примерно 320 млн. эстонских крон.

8.3.8. ТРИ СУЩЕСТВЕННЫХ ВЫВОДА

Исходя из вышесказанного (особенно учитывая пример Силламяэ), можно сделать три существенных вывода: 1) экологический ущерб, причиненный Советским Союзом и Россией, очень велик; 2) возмещение этого ущерба является долгосрочным процессом; 3) причиненный ущерб можно возместить лишь при условии развития международного сотрудничества. В настоящем обзоре представлена лишь малая часть экологического ущерба, причиненного оккупационной армией. Реальная картина еще более мрачная. Нам, вероятно, многое еще неизвестно, поскольку российские войска, покинувшие Эстонию в 1994 г., не оставили документальной информации о допущенных загрязнениях. Скорее всего, они хотели скрыть содеянное. Мы практически ничего не знаем о загрязняющих веществах, затопленных в Балтийском море. Даже недра Эстонии все еще могут скрывать много тайных преступлений.

Использованная литература

- Althausen, M. *Lower Paleozoic (Riphean) metalliferous black shales*. – Oil Shale, 1992, 19, 3, 194–207.
- Kink, H., Marandi, A., Metslang, T. *Pakri poolsaare vesi ja militaarmõjud*. – Eesti Geograafia Seltsi aastaraamat, т. 31. Teaduste Akadeemia Kirjastus, Tallinn, 1998, 72–84.
- Kink, H., Metsur, M., Miidel, A. *Ecological security of the Pakri Peninsula*. – P. Vares & G. Lassinantti (eds.). *Ecological Security of the Baltic States, Nordic Countries and North-West Russia*. Estonian Academy of Sciences, Tallinn, 1995, 69–80.
- Nosov, V. *Environmental problems in Sillamäe*. 1995. Ibid, 64–68.
- Otsa, E., Raukas, A., Tang, H. *Current state and future trends in the military areas*. – A. Raukas (ed.). *Estonian Environment. Past, Present and Future*. Ministry of the Environment of Estonia, Environment Information Centre, Tallinn, 1996, 145–148.
- Putnik, H., Raukas, A., Hütt, G. *Ionizing radiation and radioactive pollution*. 1996. Ibid, 149–154.
- Ratas, R., Otsa, E., Tang, H. *Endise NSV Liidu sõjaväeobjektidel tehtud keskkonnauuringud ja saneerimistööd aastail 1992–1997*. – Eesti Geograafia Seltsi aastaraamat, 31. kd. Teaduste Akadeemia Kirjastus, Tallinn, 1998, 55–71.
- Raukas, A. *Radioactive pollution in the former military and industrial areas of Estonia*. – DEMECO '97. The First International Conference of Demilitarization Ecology in Central & Eastern Europe & the former Soviet Union. June 4–7, 1997 Miskolc-Lillafüred, Hungary, p.27.
- Raukas, A. (toim). *Endise Nõukogude Liidu sõjaväe jääkreostus ja selle likvideerimine*. Eesti Vabariigi Keskkonnaministeerium, Tallinn, 1999.
- Raukas, A. *Ecological security in Estonia: Russian military bases and mining of mineral resources*. – P. Vares (ed.). *Estonia and the European Union: In Search of Security*. Eurouniversity Series, International Relations, 1999, vol. 2/3, 134–142.
- Raukas, A., Ratas, R. *About land and soil protection in Estonia*. – R. A. Kramer, S. Hollenbruke and G. Labes (eds.). *Environmental Policy. Soil Protection Policies within the European Union*. The Federal Ministry of the Environment, Nature Conservation and Nuclear Safety, Bonn, 1999, 159–164.
- Raukas, A., Tang, H. *Past pollution of the Soviet Army in Estonia: environmental and economic aspects*. – Transactions of the Third International Technical-Practical Conference "Productive Reuse of Former Military Sites: Environmental and Economic Aspects of Demilitarization", September 23–27, 1996, Minsk, Republic of Belarus. Minsk: Belsens Ltd., 390–398.
- Riet, K., Meriste, T., Reinap, N. *Põhjavee saminiireostuse saneerimisest Keila-Joa raketi-baasis*. Eesti Geograafia Seltsi aastaraamat, т.31. Teaduste Akadeemia Kirjastus, Tallinn, 1998, 85–96.

IX

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ УЩЕРБ

Калев Кукк

Если бы ход истории был иным и Эстония могла бы развиваться в таких же политических и экономических условиях, как соседняя Финляндия, и если предположить, что в результате этого уровень сегодняшнего развития Эстонии был бы равен уровню Финляндии (если взять за основу внутренний валовой продукт на душу населения), то валовой внутренний продукт Эстонии составил бы в 2004 г. 38,6 млрд. евро. В действительности же в 2003 г. внутренний валовой продукт Эстонии составил всего четвертую часть от гипотетического, или 9,0 млрд. евро. Такова самая общая оценка экономического ущерба, вызванного оккупацией и аннексией Эстонии, пусть в данном случае она и касается лишь одного года.

9. 1. КАК ОЦЕНИТЬ ПРИЧИНЕННЫЙ УЩЕРБ

Ущерб, причиненный народному хозяйству Эстонии, можно оценивать с разных сторон. С одной стороны, можно оценить стоимость народного богатства, уничтоженного или вывезенного оккупационными властями, или стоимость национального дохода, отчужденного через налоги и систему ценообразования. С другой стороны – проанализировать последствия, вызванные насильственным уничтожением государственности Эстонии, утвердившейся на полстолетия оккупационной властью и установленным ею тоталитарным режимом. Иными словами – оценить ущерб в виде стоимости недополученного дохода, обусловленного уничтожением открытой рыночной экономики. Первый способ был бы обоснован и результативен для недолгого периода времени. Поскольку оккупационная власть держалась на протяжении жизни двух поколений, а система ценообразования, опирающаяся на административные основы, по сути своей была волюнтаристской, то приходится предпочесть второй способ оценки, то есть определить ущерб как задержку дальнейшего развития всего народного хозяйства, количественным мериллом которого является бесспорное отставание сегодняшней Эстонии как от соседней Финляндии, так и от других западноевропейских стран. Таким образом,

действительный ущерб следует **оценить как недополученный национальный доход, а также как доход, неполученный в будущем.**

В настоящем обзоре выбор сделан в пользу второго, косвенного метода оценки. На прямой ущерб, вызванный уничтожением народного богатства, или его отчуждения, имеются ссылки лишь на основе более ранних работ (см. п. 9.2 настоящей статьи), а также в контексте ввоза-вывоза (п. 9.2.7).

При оценке прямого, или разового ущерба всегда встает вопрос, по поводу каких объектов можно вообще говорить о прямых убытках, или ущербе, и какие цены в таком случае нужно принять за основу.

Определение прямых убытков можно применить для оценки непосредственных военных разрушений и несбалансированного вывоза ресурсов. Можно также оценить стоимость использованных за период оккупации невозполнимых природных ресурсов, но в таком случае это необходимо делать с учетом их разбазаривания в результате неэффективной технологии, примененной при их разработке.

В случае сокращения запасов горючего сланца оценка ущерба сводится, например, к следующим вопросам: каков мог бы быть объем добычи сланца в случае сохранения эстонской государственности и рыночной экономики; какие технологии применялись бы при добыче сланца, и насколько они были бы экологически чистыми; для чего использовался бы добытый сланец и т.д. Если оценивать только тенденции экономической политики второй половины 1930-х годов, можно предположить, что Эстония сделала бы ставку на быстрое развитие сланцевой энергетики. Вероятно, развитие шло бы примерно в тех же объемах, что и в действительности, если предположить, что потребление электроэнергии в Эстонии росло бы так же, как и в Северных странах. Естественно, это зависело бы от энергоемкости избранной структуры экономики. Какова же была бы структура эстонской экономики и ее энергоемкость – это вопрос, ответ на который искать задним числом в высшей степени спекулятивно. Фактический ущерб, нанесенный Эстонии, сводится к тому, что структура производства, созданная в ходе «социалистической реконструкции» ее народного хозяйства, проведенной в общесоюзных интересах, а также избранные технологии не были конкурентоспособны и не могли обеспечить устойчивого развития. Это является причиной того, что экономическое и социальное развитие Эстонии, если брать за основу ВВП на душу населения, отстало от стран-соседей, развивавшихся в условиях рыночной экономики. Иначе говоря, экономический ущерб, причиненный оккупациями, можно оценить более или менее адекватно, сопоставив производительность эстонской экономики (и человеческого капитала) сегодняшнего дня и ближайшего будущего с, так сказать, неповрежденным объектом (рыночной экономикой). В то же время, в косвенном ущербе заключен и долгосрочный имущественный ущерб, обусловленный уничтожением и нарушением экономического потенциала (природных ресурсов, человеческого и производственного капитала),

если иметь в виду производительность уничтоженного или разрушенного (растраченного) капитала.

Как и в случае со сланцем, нет ответа на вопрос: «что было бы, если бы...?» и относительно добычи фосфоритов в районе Маарду. Дело в том, что уже в конце 1930-х годов в Маарду началось усиленное расширение добычи фосфоритов и производства фосфорных удобрений.

Проведенную в Эстонии коллективизацию также нельзя однозначно рассматривать как уничтожение народного богатства. Коллективизация сама по себе не изменила общего объема средств производства, связанного с сельским хозяйством Эстонии (частная собственность была превращена в общественную). Дело в том, что сельское хозяйство Эстонии было направлено по пути, который с точки зрения устойчивого развития оказался бесперспективным.

После публикации обзора «*World War II and Soviet Occupation in Estonia: A Damages Report*» (1991) проблематика, связанная с экономикой советской Эстонии, почти не привлекала внимания экономистов и историков. В 1993 г. вышло в свет совместное исследование эстонских и финских экономистов «*Estonia and Finland – A Retrospective Socioeconomic Comparison*» – первая серьезная попытка провести сравнительную оценку экономического развития Эстонии и остального мира. В статье Марта Лаара, предвещающей эстонское издание «Черной книги коммунизма» («*Le livre noir du communisme. Crimes, terreur et repression. Edition Robert Laffon*». Paris, 1997) и посвященной Эстонии, также рассматривается тема экономического ущерба.¹ В критической переоценке по-прежнему нуждаются многие исследования советского периода, которые в толковании статистических данных несут на себе несомненную идеологическую печать своего времени. Будущим исследователям при оценке подоплеки политических и экономических решений и их последствий могут помочь архивные материалы КПЭ, Госплана Эстонской ССР и др. советских организаций. К сожалению, отсутствуют достоверные статистические данные по 1940–1944 гг.

9. 2. КОЛОНИЗАЦИЯ ЭСТОНИИ

Включение Эстонской Республики в состав СССР привело к экономической аннексии, то есть к включению оккупированной Эстонии в качестве союзной республики в единую общесоюзную экономическую систему. Этот процесс, который по идеологическим соображениям в послевоенные годы назывался восстановлением народного хозяйства Эстонии и социалистической реконструкцией, имел все **признаки классического колониализма**:

- 1) целенаправленное уничтожение прежней (1920–1940 гг.) экономической структуры, ставящей во главу угла национальные интересы;
- 2) насаждение отвечающей интересам оккупационной власти структуры производства и преимущественное развитие т.н. отраслей союзной специализации;

- 3) экстенсивное хищническое использование местных природных ресурсов;
- 4) миграционная политика и политика занятости, направленные на ассимиляцию коренного населения;
- 5) разрыв установившихся внешнеэкономических связей Эстонии и ее изоляция от мировой экономики.

Превращение Эстонии в одну из составляющих частей народного хозяйства Советского Союза выразилось в отрицании прежней, присущей независимому государству идеи национально ориентированного развития и в установлении так называемой социалистической экономики, основанной на директивном планировании. Последнее состояло в механическом перенесении экономической модели, внедренной в 1930-х гг. в СССР, взамен прежнего, преимущественно рыночного развития. Всеобщая национализация оторвала производителей от средств производства (в Эстонской Республике преобладали мелкие предприниматели), а народное хозяйство Эстонии – от мировой экономики. Местные природные богатства, производственные мощности и денежные средства были подчинены интересам централизованной власти.

Подчинение эстонской экономики интересам центра отразилось в принципиальных сдвигах в географической структуре внешней торговли. Во внешней торговле, ориентированной после начала Второй мировой войны преимущественно на Германию и Советский Союз, вскоре произошли очередные перемены. С августа по ноябрь 1940 г. из продукции, вывезенной из новопровозглашенной Эстонской ССР, на общесоюзный рынок было поставлено 84,3% (таблица 1). Такое соотношение между торговлей с Западом и Востоком было характерно для всего советского периода.

Таблица 1. Географические сдвиги во внешней торговле Эстонии, обусловленные Второй мировой войной и включением в состав СССР (%)²

	1938	1939 I–VII	1939 IX–XII	1940 I–VII	1940 VIII–XI
Экспорт:					
Великобритания	34,0	37,9	3,0	0,7	–
Германия	31,4	30,0	46,1	49,6	12,5
Финляндия	5,6	5,2	8,1	6,1	0,1
США	4,4	3,3	10,0	0,0	0,0
Швеция	4,3	4,8	11,5	5,2	2,0
СССР	4,2	3,4	8,2	22,6	84,3*
Прочие	16,1	5,4	113,1	15,8	1,1

	1938	1939 I–VII	1939 IX–XII	1940 I–VII	1940 VIII–XI
Импорт:					
Германия	31,1	32,5	52,0	49,6	22,9
Великобритания	17,9	20,4	5,6	1,6	0,3
Швеция	8,2	5,5	3,2	3,3	2,3
США	6,6	8,0	6,8	4,4	1,7
СССР	4,9	3,6	8,7	19,8	61,2*
Финляндия	4,4	3,5	4,0	1,2	1,2
Прочие	26,9	26,5	19,7	20,1	10,4

* В том числе Латвия и Литва.

Оккупация Эстонии и ее включение в состав Советского Союза повлекли за собой несбалансированный вывоз ресурсов: в июне и июле 1940 г. экспорт еще формально независимой Эстонии в СССР превышал импорт из СССР на 96,1% (соответственно 5,7 и 2,9 млн. крон), а в следующие четыре месяца, уже в составе СССР – на 39,5% (соответственно 31,0 и 22,2 млн. крон). Несмотря на всевозможные ухищрения (продление рабочего дня, административное принуждение и т.п.) первый год советской власти привел к сокращению объемов производства. К сожалению, как первая советская оккупация, так и годы немецкой оккупации остаются наименее изученными периодами в истории народного хозяйства Эстонии, и достоверные статистические материалы по ним отсутствуют. Статистика и экономический анализ оказались несозвучны новой власти, об этом свидетельствует и тот факт, что сразу же после ликвидации эстонской государственности было прекращено издание «Ежемесячника эстонской статистики» (*Eesti Statistika Kuukiri / Recueil mensuel du Bureau de Statistique de l'Estonie*) и журнала «Конъюнктура» (*Konjunktuur / Monthly Review of the Estonian Institute of Economic Research*).

Приходится констатировать, что обзорные исследования 1950-х гг. по экономике этого периода – «Эстонское государство и народ во Второй мировой войне», посвященные установлению ущерба, нанесенного Эстонии первой советской оккупацией, впоследствии так и не были пре-взойдены.³ Поэтому поневоле приходится ограничиваться выводами автора данного исследования Харальда Нурка: «Этот ущерб вообще невозможно материально ни оценить, ни восполнить. Были уничтожены все накопления и прочие сбережения эстонского народа. На промышленных предприятиях демонтировали оборудование и вывозили его в СССР... При отступлении Красная армия уничтожила многие промышленные предприятия, транспортные средства, инвентарь, скот и жилье, – как в городах, так и на селе... Огромное количество эстонских товаров отправлялось в Советский Союз без какой-либо реальной оплаты. Эстония была полностью изъята из нормального экономического, технического и культурного развития, свойственного свободному миру. Учет,

пусть даже приблизительный, всего этого ущерба (насколько это вообще возможно) потребовал бы специальных обширных исследований».⁴

Прямой военный ущерб, принесенный военными действиями и «эвакуацией имущества» в 1941–1944 гг. (как на Восток, так и на Запад), официально оценивался Советским Союзом в 16 млрд. рублей (в тогдашнем денежном выражении). По оценкам того времени, в ходе войны было уничтожено 45% производственных мощностей Эстонии (в том числе 90% производственных мощностей топливной промышленности, 75% текстильной, 60% лесной, деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной промышленности, 55% химической и 35% машиностроительной и металлообрабатывающей промышленности).⁵ В сельском хозяйстве поголовье крупного рогатого скота за 1941–1945 гг. сократилось на 24% (в т.ч. поголовье коров на 43,6%, поголовье свиней – на 38,5%, поголовье лошадей – на 19%).⁶ К этим цифрам, особенно по промышленности, следует, однако, относиться с осторожностью. Дело в том, что размер репараций зависел от «зафиксированного» ущерба, так что СССР был, естественно, заинтересован в том, чтобы показать максимально возможный ущерб.

Аналогичные оценки, в первую очередь, ущерба, причиненного в 1940–1941 гг. сельскому хозяйству, приведены в изданном в 1943 г. сборнике «Год страданий эстонского народа». Согласно подсчетам, прямой ущерб, причиненный сельскому хозяйству за первый год советской власти, составил 200 млн. рейхсмарок, причем в эту сумму не был включен ущерб, нанесенный кооперативной деятельностью. Прямому ущербу, выраженному в «эвакуации» племенного скота и лошадей, поджогах хуторов и уничтожении средств производства, сопутствовал косвенный ущерб от последствий советской земельной реформы, выразившийся в нарушении севооборота, недостаточном удобрении полей из-за сокращения поголовья скота, а также в общем снижении производительности сельского хозяйства.⁷

§ 2.1. «БРАТСКАЯ ПОМОЩЬ БРАТСКИХ РЕСПУБЛИК»

Ликвидация военных разрушений в Эстонии позволяла союзным властям маскировать свои устремления под лозунгом «братской помощи братских республик». Послевоенное восстановление экономики, неизбежно требовавшее огромных затрат, в свою очередь, давало прекрасные возможности преобразования структуры эстонской экономики в общесоюзных интересах. Формально, планы 4-й пятилетки (1946–1950 гг.) предусматривали 3,5 млрд. рублей государственных капиталовложений в экономику Эстонии. Это было в 1,7–2,9 раза больше, чем предназначалось более крупным по населению Латвии, Литве, Молдавии, Армении, Киргизии, Таджикистану и Туркмении. В перерасчете на душу населения, капиталовложения в народное хозяйство Эстонии превышали в 1945–1950 гг. средние по СССР на 30%, в 1951–1955 гг. – на 17% (в ценах на 1 июля 1955 г.).⁸

Происхождение этих капиталовложений неизвестно – были ли это средства, заработанные в самой Эстонии, изъятые центральными властями в других союзных республиках или же полученные в качестве репараций. К тому же происхождение средств в обществе, опиравшемся на директивную систему распределения, не имело особого значения. Само собой разумеется, что предпочтительное финансирование эстонской экономики было вызвано не какими-то альтруистическими соображениями, но конкретными политическими и экономическими целями. Эти капиталовложения явились прямым средством колонизации Эстонии.

Тогдашний председатель Совета Министров Эстонской ССР Арнольд Веймер заявил: «Правительство Советского Союза, **руководствуясь сталинской национальной политикой**, оказывает бескорыстную и ширококомасштабную помощь отдельным отсталым республикам или **осуществляет грандиозные стройки, что идет на пользу всему Советскому Союзу**, и тем самым – той республике, на территории которой эти стройки ведутся... (Эстонии) выделены не только миллиардные суммы, **но и строительные организации, которые в основном и ведут это строительство**, а также техника, с помощью которой оно осуществляется *(подчеркнуто мной – К.К.)*».⁹ Выделение подобных «строительных организаций» – кстати, половина работ была связана с освоением запасов эстонских сланцев и проводилась НКВД – привело к первой волне колонистов.¹⁰ Подсчеты показывают, что четвертьмиллионный прирост городского населения Эстонии в 1945–1950 гг. (с 267 тысяч до 516 тысяч) пришелся на иммиграцию, т. е. 90% прироста пришелся на приток колонистов из СССР.¹¹

Юхан Талве (см. Сирье Синилинд) объясняет подобную инвестиционную щедрость просто: «С чего бы такой альтруизм? **В действительности, шло экономическое вторжение советских колониальных властей в Эстонию**»¹² *(выделено мной – К.К.)*.

Развитию в Эстонии экономики, ориентированной на общесоюзные интересы, способствовали относительно хорошо развитая производственная и социальная инфраструктура, исторические производственные традиции и высокая культура труда. Притягательными оказались и легкодоступные природные богатства (в первую очередь, сланец и лес), а также более высокий, по сравнению с другими республиками, уровень жизни. В связи с этим капиталовложения в эстонскую экономику обходились дешевле и в то же время были связаны с меньшим экономическим риском, чем капиталовложения в большинство «старых» регионов Советского Союза. Кроме того, благодаря географическому положению, через Эстонию проходили маршруты репарационных поставок из Германии и других стран. И все же самым весомым внешним фактором послевоенного развития народного хозяйства Эстонии следует считать близость Ленинграда. Этим объясняется и то, что индустриализация, прежде всего, основывалась на развитии сланцедобывающей отрасли.

9.2.2. ПРЕВРАЩЕНИЕ ЭСТОНИИ В ПРИДАТОК ЛЕНИНГРАДА

Превращение Эстонии в экономический и политический придаток Ленинграда (т.е. территорию, тяготеющую в хозяйственном отношении к этому экономическому центру) стало причиной того, что, по сравнению с другими союзными республиками, Эстония пользовалась особым вниманием центральных властей. В первую очередь, это проявлялось в форсированном освоении месторождений эстонского сланца для обеспечения населения Ленинграда сланцевым газом, а промышленности и транспорта – производимым из сланца жидким топливом. Это направление было зафиксировано в постановлении Госкомитета обороны СССР от 10 июня 1945 г. «О восстановлении и развитии сланцевой промышленности Эстонской ССР и Ленинградской области и газификации Ленинграда».¹³

Из капиталовложений в экономику Эстонии, запланированных на 1946–1950 гг. (3,5 млрд. рублей) в сланцевую промышленность, постепенно переведенную в союзное подчинение, предполагалось направить 40% (в промышленность в целом – свыше 60%).

К счастью, план капиталовложений на эту пятилетку остался невыполненным как в целом (по всему народному хозяйству он был выполнен на 64,2%), так и по сланцеперерабатывающей промышленности. Вместо запланированных на 1950 г. 8,4 млн. тонн сланца было добыто 3,5 млн. тонн. При этом из всех капиталовложений, произведенных в Эстонии за 1946–1950 гг., 65,8% было направлено в экономику союзного подчинения, а в так называемую экономику союзно-республиканского подчинения – 18,4% (таблица 2). Половина всех промышленных капиталовложений была направлена в сланцевую промышленность, например, в 1946 и 1950 гг. соответственно 58 и 42%.

Таблица 2. Ведомственная структура капиталовложений в 1945–1950 гг. (в ценах 1945 года, %)¹⁴

	1945	1946	1947	1948	1949	1950	1946–50
Экономика союзного подчинения	53,2	59,8	68,0	75,6	62,6	56,2	65,8
Экономика союзно-республиканского подчинения	19,4	19,6	15,0	12,4	20,9	28,1	18,4
Экономика республиканского подчинения	27,4	20,6	17,0	12,0	16,5	15,7	15,8

Подобное «альтруистическое» преимущественное инвестирование, направленное на захват местных запасов сланца, преследовало две основные цели:

1. **Создание в Эстонии экстерриториального экономического сектора**, который характеризовался прямым подчинением центру и ориентацией на вывоз, а также низкими ценами, установленными на вывозимую

продукцию. Так, например, произведенный в Кохтла-Ярве сланцевый газ стал поступать по трубопроводу в Ленинград в 1948 г., а в Таллинн лишь в 1953 г. Еще в 1961 г. 62,5% (333 млн. м³) произведенного сланцевого газа поступало в Ленинград. О большом значении эстонского сланцевого газа для Ленинграда и для самой Эстонии свидетельствуют факты, представленные сотрудником тогдашнего Института экономики АН Эстонской ССР Дмитрием Кузнецовым: к концу 1954 г. на базе эстонского сланца в Ленинграде было газифицировано свыше 227 тыс. квартир, где проживало 2,5 млн. человек, тогда как в Таллинне на 1 ноября 1955 г. была газифицирована 6041 квартира, а сланцевым газом пользовались 28 тыс. человек, т.е. почти в сто раз меньше, чем в Ленинграде. По словам Кузнецова, население Ленинграда получило большую выгоду от газификации квартир, так как пользование газом, по сравнению с другими видами топлива, обходится ленинградцам в 4–5 раз дешевле. Экономия средств за счет газификации в период с 1948 по 1954 г. для жителей Ленинграда составила более 400 млн. рублей. Газификация Ленинграда почти позволила отказаться от доставлявшегося издалека дорогого топлива. Только за 1953 г. сланцевый газ заменил в Ленинграде свыше 265 000 тонн условного топлива, в том числе 160 000 тонн керосина в условном топливе (114 000 тонн реально) и 55 000 тонн угля в условном топливе (80 000 тонн печорского угля).¹⁵ Далее Кузнецов добавляет, что эстонский сланец используется в качестве топлива на Псковской теплоэлектростанции, на заводах и фабриках Риги, Вильнюса, Каунаса и других городов Латвии и Литвы, а также в городах Ленинградской области.¹⁶ Другими словами, выделенные тогда Эстонии капиталовложения оплачивались вывезенным сланцем и продуктами его переработки, так что самой республике они не приносили никакой пользы.

2. Средством **ассимиляции местного населения** стала социалистическая индустриализация эстонской экономики. Как уже отмечалось, не менее 90% из почти четвертьмиллионного прироста городского населения Эстонии за 1945–1950 гг. пришлось на иммиграцию, то есть прирост происходил преимущественно за счет притока выходцев из других республик СССР.

По общим подсчетам (см. табл. 3), иммиграция составила 241 200 человек, или 51,7% прироста населения Эстонии (за 1951–1989 гг. – 466 600 человек).

Основной упор пришелся на целенаправленное изменение национальной структуры Северо-Восточной Эстонии, о чем красноречиво свидетельствуют обвинения тогдашнего секретаря Нарвского горкома Компартии Эстонии Ерёмина в адрес замдиректора Кренгольмской мануфактуры Волкова, который, якобы, пожаловался прежнему руководству КП(б)Э на то, что в Нарве не выделяют жилплощадь бывшим нарвителям, и внес предложение выделять возвращающимся 15–20% жилплощади. Свои обвинения товарищ Ерёмин обосновал тем, что наряду с тысячами честных трудящихся, в Нарве до 1940 г. проживало и немало бело-гвардейцев, шпионов и эксплуататоров, которым не место в советском

городе. Получалось, что **ленинградцам, новгородцам, псковичам и другим честным советским патриотам** (*выделено мной – К.К.*), которые вынесли на себе все тяготы войны, следует выделять жилплощадь после того, как будут удовлетворены аппетиты так называемых старых нарвитян.¹⁸

Таблица 3. Прирост населения Эстонии в 1951–1989 гг. (в тысячах)¹⁷

Годы	Всего	Естественный прирост	Миграционный прирост
1951–1955	58,5	30,5	28,0
1956–1960	59,7	34,2	25,5
1961–1965	75,1	31,9	43,2
1966–1970	75,0	27,4	47,6
1971–1975	62,7	29,8	32,9
1976–1980	41,7	21,2	20,5
1981–1985	48,2	25,2	23,0
1986–1989	45,7	25,2	20,5
1951–1989	466,6	225,4	241,2

Отдельный вопрос заключается в том, насколько в то время за разработкой сланцев скрывалось намерение приступить к производству урана из диктионемового слоя. Это предполагало ввоз рабочей силы (в том числе превращение Силламяэ в закрытый город), дополнительные инвестиции в энергетику и создание на Северо-Востоке лояльного, свободного от эстонцев анклава.¹⁹

9.2.3. СТРУКТУРНЫЕ СДВИГИ В ЭКОНОМИКЕ

Уже в первую же послевоенную пятилетку в Эстонии была заложена основа производственной структуры, отвечающей всесоюзным потребностям, причем как распределение используемых ресурсов, так и распределение продукции устанавливались центром. Функциональная и организационная целостность народного хозяйства Эстонии была утрачена. Унитарное ведомственное построение народного хозяйства Советского Союза, отсутствие оптимизирующих структурных критериев (административные волонтаристски установленные цены!), а также противопоставление директивного централизованного планирования саморегуляции экономики свели на нет эффект, ожидаемый от селективного развития производства. В то же время экономика Эстонии была превращена в замкнутую систему по отношению к мировой экономике.

В целом, в послевоенном развитии экономики Эстонии можно выделить, по крайней мере, три периода:

- 1) конец войны – середина 1950-х гг.;
- 2) середина 1950-х – середина 1960-х гг.;
- 3) середина 1960-х гг. – 1989 г.

Для каждого из них характерна своя политическая и экономическая идеология и количественные структурные приоритеты. При таком подразделении первое послевоенное десятилетие Эстонии, уже охарактеризованное выше, можно рассматривать как время внедрения (почти один к одному) экономической советской модели 1930-х годов. Зато период с 1957 по 1964 гг., то есть время Советов народного хозяйства (Совнархозов) можно рассматривать как время, когда управление народным хозяйством осуществлялось на уровне республики, а развитие различных отраслей народного хозяйства стремилось к сбалансированности (настолько, насколько это позволяла тоталитарная экономическая система). После ликвидации Советов народного хозяйства в 1965 г., народное хозяйство Эстонии было подчинено исключительно всесоюзным интересам. Одним словом, оно было превращено в высшей степени абстрактное понятие – синоним экономического конгломерата, расположенного на территории республики. Отсутствие в Эстонии собственного народного хозяйства было узаконено в 1978 г. в последней Конституции Эстонской ССР. Статья 16-ая Конституции гласила: «Экономика Эстонской ССР является составной частью единого народнохозяйственного комплекса, **охватывающего все звенья общественного производства, распределения и обмена на территории СССР**» (выделено мной – К. К.). Так народное хозяйство Эстонии конституционно определялось извне.

Как уже было сказано, в 1946–1950 гг. в промышленность было направлено 38% всех капиталовложений (в последующие пятилетки по 29–35%), причем соотношение капиталовложений в промышленность и сельское хозяйство было, например, таким: 6,6 : 1. Иными словами,

отправной точкой социалистической реконструкции народного хозяйства Эстонии была индустриализация, с производственной стороны ориентированная на добычу сланца, а с организационно-политической – на всесоюзные нужды. Эстония довольно скоро стала индустриально-аграрной страной (Эстонская Республика в конце 1930-х гг. ставила перед собой такую же цель). Причем к концу 1980-х гг. на основе большой занятости в промышленности и сельском хозяйстве, а также слабо развитой сфере обслуживания можно было убедиться в отставании Эстонии на 20–30 лет от Скандинавских стран (см. таблицу 4).

Преимущественное инвестирование обеспечило топливной промышленности в 1945–1950 гг. самый высокий темп роста производства по сравнению с другими отраслями промышленности (в тогдашних постоянных ценах – в 6,7 раз). Однако несмотря на это, удельный вес самой отрасли в валовой продукции промышленности республики едва достигал 10%, так как залегающий в недрах Эстонии сланец ни тогда, ни впоследствии ничего не стоил (в структуре производственных расходов сланцедобывающей промышленности расходы на сырье и основные материалы составляли, например, в 1955 г. всего 0,5%.²⁰ Косвенно в сланцевую промышленность были направлены и капиталовложения в электроэнергетику, машиностроительную, металлообрабатывающую промышленность и промышленность строительных материалов. В общем итоге, в 1950 г. на долю сланцевой промышленности приходилось 24,9% основных производственных фондов промышленности Эстонии, в 1955 г. – 24,0%.²¹

Наряду с топливной промышленностью опережающими темпами в 1946–1955 гг. шел также выпуск продукции легкой промышленности (восстановление и расширение Кренгольмской и Балтийской мануфактур происходило, прежде всего, в расчете на всесоюзного потребителя), промышленности строительных материалов, машиностроительной, металлообрабатывающей и химической промышленности. Изменения в производственной структуре эстонской промышленности в 1945–1989 гг. иллюстрирует таблица 5. Следует подчеркнуть, что данные, касающиеся промышленности Эстонии, охватывают только так называемую гражданскую промышленность. По военной промышленности, которая по сравнению с другими союзными республиками была в Эстонии представлена сравнительно скромно, статистика отсутствует.

Таблица 4. Изменения в распределении экономически активного населения в Эстонии и некоторых других странах (% , всего 100%) ²²

Государство	Год	Сельское хозяйство, лесное хозяйство, рыбное хозяйство	Горнодобывающая промышленность, перерабатывающая промышленность, энергетика, строительство	Обслуживающие отрасли
Эстония	1960	26,5	38,9	34,6
	1970	16,1	44,4	39,5
	1980	13,9	43,0	43,1
	1990	12,7	42,5	44,8
Финляндия	1970	22,6	34,6	42,8
	1990	8,4	31,0	60,6
Швеция	1970	8,1	38,4	53,5
	1990	3,3	29,2	67,5
Норвегия	1970	13,9	37,3	48,8
	1990	6,5	24,7	68,8
ФРГ	1970	7,5	48,9	43,6
	1990	3,6	40,6	55,8
Австрия	1970	14,5	42,3	43,2
	1990	7,9	36,8	55,3
Швейцария	1970	8,6	46,0	45,4
	1990	5,5	35,0	59,5
Польша	1990	25,8	37,3	36,9
Чехословакия	1990	11,2	45,2	43,6
Венгрия	1990	18,8	35,4	45,8
СССР	1990	18,2	38,4	43,4

Индустриализация Эстонии проводилась также за счет других отраслей экономики и, в первую очередь, сельского хозяйства, особенно – за счет низкой покупательной способности населения. Из заметных нововведений, имевших место в сельском хозяйстве в этот период, прежде всего, следует отметить: противоречивую земельную реформу 1944–1947 гг., политику искоренения эффективного сельского хозяйства, основанную на применявшемся с 1947 г. повышенном налогообложении так называемых кулацких хозяйств, а также проведенную в основном в 1949 и 1950 гг. принудительную коллективизацию. В результате прямого ущерба, нанесенного войной и «социалистическими преобразованиями» в сельском хозяйстве, в 1955 г. посевные площади составляли всего 85,2% от уровня площадей 1940 г., поголовье крупного рогатого скота –

82,4 % (в том числе коров – 65,7 %), поголовье свиней – 86,7 %. Производство мяса сократилось за эти годы на 14, 6 %, а производство молока – на 28,6 %.²³

Советская земельная реформа и реформа сельского хозяйства были подчинены идеологическим задачам. В то время как пришлось убедиться в неизбежной бесперспективности мелких хозяйств, страх перед возрождением капитализма в Эстонии пересилил страх перед возможным голодом. Эдгар Тынурист, бывший в 1961–1979 г. первым заместителем Председателя Совета Министров Эстонской ССР, признавал, что в тогдашних условиях сельскохозяйственные угодья одного хозяйства должны были бы составлять, по крайней мере, 45–60 гектаров. Однако оправдывая совершившееся, он отмечает, что вновь допустить концентрацию земли в таких размерах в даже более крупных частных хозяйствах **означало бы новую капиталистическую дифференциацию на селе со всеми сопутствующими этому отрицательными моментами, прежде всего – отказом от союза рабочего класса и крестьянства и переводом сельского хозяйства на капиталистический путь развития** (выделено мной – К. К.).²⁴ Поэтому, по словам Тынуриста, надо было административными и экономическими мерами жестко ограничить рост кулацких хозяйств, а также следить за тем, чтобы из среды середняков не появились новые кулаки.²⁵

О том, что идеологические соображения оказались важнее, чем экономический подход, говорит и то, что несмотря на охватившую сельское хозяйство тотальную национализацию и коллективизацию (к 1957 г. было коллективизировано 99,3% хуторов), доля обобщественного сектора в сельскохозяйственном производстве даже в конце 1950-х гг. оставалось более чем скромной (см. таблицу 6).

О громадных «ножницах» между административно установленными ценами на промышленную и сельскохозяйственную продукцию говорит хотя бы такой, часто в те годы приводящийся «факт»: в начале 1950-х годов промышленность давала свыше 80% общей валовой продукции народного хозяйства Эстонии.²⁶ Выражалось это в чрезвычайно низких закупочных ценах, установленных на сельскохозяйственную продукцию.

Подобную индустриализацию Эстонии Рейн Таагепера определил в 1983 г. следующим образом: «Это была промышленность, основанная на российских инвестициях и российской рабочей силе, которой руководили русские согласно целям, поставленным русскими, где большая часть сырья ввозилась из России и большая часть продукции вывозилась обратно в Россию. И весь этот спектакль назывался ростом прибалтийской промышленности, поскольку власти Советского Союза решили провести это на территории Прибалтики».²⁷

Таблица 5. Структура продукции эстонской гражданской промышленности в 1950–1989 гг. (А – в постоянных ценах соответствующего года, В* – в ценах 1985 г., %)

		1950	1960	1970	1975	1980	1985	1989
Промышленность всего		100	100	100	100	100	100	100
Электроэнергетическая промышленность	А	2,6	2,8	5,3	5,5	5,2	5,5	5,1
	В	1	2	6,4	6,5	6,2	5,3	4,7
Топливная промышленность	А	8,7	7,4	5,5	5,8	6,4	6,1	2,2**
	В	8	6	5,9	6,2	6,8	6,1	5,5
Химическая промышленность	А	1,8	2,4	3,1	3,2	3,2	3,4	7,8**
	В	2	3	3,1	3,1	3,1	3,4	3,3
Машиностроительная и металлообрабатывающая промышленность	А	12,6	13,8	14,3	16,4	17,5	16,2	16,5
	В	5	6	10,5	12,2	14,4	16,0	17,2
Лесная, деревообрабатывающая, целлюлозно-бумажная промышленность	А	14,6	9,7	8,2	7,6	7,4	8,3	8,8
	В	16	11	8,7	8,0	7,9	8,4	9,0
Промышленность стройматериалов	А	3,9	4,1	4,6	4,5	4,0	4,3	4,3
	В	3	4	4,8	4,7	4,4	4,3	4,4
Легкая промышленность	А	20,9	27,2	23,2	20,0	21,2	23,1	22,7
	В	31	35	28,2	24,5	23,4	23,1	22,7
Пищевая промышленность	А	30,5	29,5	30,2	30,8	28,1	26,3	25,0
	В	34	33	30,4	30,5	28,0	27,2	26,0

* По расчетам автора.

** Структура промышленных отраслей изменилась.

Источники: ENE 2. Т., стр. 321 (А-строчки 1950 и 1960); Eesti Tööstus, 1990, 17 (А-строчки 1970–1989).

По словам Арнольда Пурре, от всей довольно значительной советской промышленности на территории Эстонии эстонскому народу только и было пользы, что у него есть работа и он может существовать на свой заработок.²⁸

Отдельный вопрос, конечно, какой уровень жизни тогдашние заработки обеспечивали (хотя бы по сравнению с Финляндией). Само собой разумеется, оценки, данные в эмиграции, – во многом чисто эмоциональные – не совпадали с местными идеологическими дифирамбами успехам эстонской советской экономике.

Таблица 6. «Социальная» структура производства некоторых продуктов сельского хозяйства в 1950–1958 гг.²⁹

	1950	1955	1958
Мясо (тыс. т)	82,1	95,2	111,3
совхозы и др. государственные хозяйства	8,0	10,5	17,8
колхозы	15,5	26,0	26,8
личные подсобные хозяйства, хутора	58,6	58,7	66,7
Молоко (тыс. т)	508,0	558,1	734,0
совхозы и др. государственные хозяйства	47,6	54,1	99,9
колхозы	178,3	188,6	263,3
личные подсобные хозяйства, хутора	282,1	315,4	370,8
Яйца (млн. штук)	121,7	146,7	188,0
совхозы и др. государственные хозяйства	2,1	5,1	12,5
колхозы	12,3	24,0	32,4
личные подсобные хозяйства, хутора	107,3	117,6	143,1

9.2.4. МНИМАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ АВТНОМИЯ

В 1957 г. в Советском Союзе произошел переход от прежней чисто ведомственной системы руководства к системе Советов народного хозяйства, претендовавшей на приоритетность территориального управления. Выдвижение на первый план территориального принципа управления народным хозяйством (так называемая хрущевская модель) предполагало также новый подход к формированию экономической идеологии и стратегии на местах.

Арнольд Веймер, который был Председателем Совета народного хозяйства Эстонской ССР на протяжении всего времени его существования, так определил тогдашние задачи: «... перед нами стоит проблема комплексного развития народного хозяйства республики, нам необходимо проанализировать, какие отрасли имеют предпосылки приобрести всеобщее значение и какие могут удовлетворять только жизненные потреб-

ности республики. ... перед нами также стоит задача критически проанализировать сложившуюся промышленную структуру, ее профиль, чтобы сознательно и последовательно развивать ее дальше, исходя из социалистических законов размещения производительных сил».³⁰

Невзирая на создание совнархозов, народное хозяйство Эстонии не стало более «республиканским». Скорее наоборот, поскольку в общем экономическом контексте «Эстонскую ССР» нередко низводили до «Эстонского экономического административного района». Здесь особо отличился Арнольд Веймер, опубликовавший в 1961 г. монографию «Комплексное развитие и специализация Эстонского экономического административного района».³¹ Год спустя он защитил ее в качестве докторской диссертации. По этому поводу справедливо отметил Арнольд Пурре: «Реорганизация руководства промышленностью Советского Союза явилась хорошей темой для пропагандистов. Они принялись объяснять, что Эстонская ССР совершенно самостоятельна, но теперь под руководством Совета народного хозяйства стала еще самостоятельнее».³² По словам Рауля Рентера, отличительной чертой этого периода было то, что вместо российских эстонцев «... после XX съезда КПСС и последовавших за ним событий к власти вновь пришли местные революционеры и местные коммунисты-конъюнктуристки».³³

Хотя так называемая хрущевская модель мало изменила советскую тоталитарную систему управления экономикой, именно время Советов народного хозяйства (1957–1964) теперь, задним числом, кажется наиболее успешным за весь советский период. При этом, однако, надо иметь в виду, что это был период чисто экстенсивного развития экономики. Наряду с бесспорными успехами промышленности (в те годы в Эстонии были созданы современная по понятиям того времени электроэнергетика и машиностроение), наконец удалось добиться сдвигов и в сельском хозяйстве. В конце 1950-х годов сельское хозяйство Эстонии вышло по объемам производства на довоенный уровень, а к 1965 г. превысило его в 1,3 раза. Несмотря на то, что и в эти годы большая часть капиталовложений уходила в вывозящие отрасли (из промышленных капиталовложений в 1960 и 1965 гг. соответственно 58% и 61% направлялись в такие капиталоемкие отрасли, как электроэнергетика, топливная и рыбная промышленность, ориентированная на океанический лов), экономические связи Эстонии невозможно было больше рассматривать только как примитивное «беру-даю», как это было с «братской помощью» послевоенного десятилетия. К тому же с 1956 г. приступили к вычислению национального дохода и валового общественного продукта (естественно, на основании тогдашней методики). Но и здесь возникает вопрос – насколько были искажены представляемые данные и возможность их интерпретации – как и в каких объемах в них скрыты, например, военные расходы.

Качественные и количественные сдвиги, имевшие место в народном хозяйстве Эстонии в тот период, можно во многом увязать с укреплением управления экономикой (пусть и директивного) на уровне республики.

Предприятия республиканского подчинения давали, например, в 1958–1962 гг. 98–99% местной промышленной продукции, что особенно примечательно на фоне десятка процентов после 1965 г. (см. таблицу 7). В то же время именно местное руководство и произошедшие в эти годы сдвиги в структуре промышленности Эстонии инспирировали самую большую за послевоенные годы волну иммиграции (см. таблицу 3).

Таблица 7. Структура продукции гражданской промышленности Эстонии в зависимости от подведомственности предприятий в 1955–1989 гг. (%)³⁴

	Промышленность всего	Союзного подчинения	Союзно-республиканского подчинения	Республиканского подчинения
1955	100	23,6
1960	100	1,2	–	98,8
1965	100	28,6	57,5	13,9
1970	100	23,5	65,9	10,6
1975	100	30,5	57,8	11,7
1980	100	27,6	59,5	12,9
1986	100	29,2	61,5	9,3
1987	100	29,2	62,2	8,6
1988	100	29,0	56,5	14,5

9.2.5. ГОДЫ «РАЗВИТОГО СОЦИАЛИЗМА»

В 1965 г. произошел возврат от системы Советов народного хозяйства к ведомственной системе управления, что означало подчинение большей части административного управления экономикой Эстонии министерствам союзного и союзно-республиканского подчинения (см. таблицу 7). Высший орган исполнительной власти союзных республик – Совет Министров – законодательными актами был приравнен к общесоюзному отраслевому министерству или ведомству (в лучшем случае). Это демонстрирует хотя бы традиционный перечень в общесоюзных нормативных актах: «...министерства и ведомства СССР, а также Советы Министров союзных республик...».

В то же время наряду с победным шествием так называемой концепции развитого социализма стало проявляться и замедление темпов развития экономики (поначалу этому препятствовала экономическая реформа 1965 г., которая привнесла в экономику некоторые рыночные стимулы). Произошел и качественный сбой: начиная с середины 1970-х гг. резко упали темпы экономического роста и стали проявляться различные сдвиги, свидетельствующие о регрессе экономики. На внутреннем рынке стало наблюдаться замедление технического прогресса, прежде всего в машиностроительной и металлообрабатывающей промышленности.

С другой стороны, сократились экспортные поставки, вызванные падением конкурентоспособности эстонской продукции. Из всей продукции машиностроительной промышленности Эстонии в страны с развитой рыночной экономикой экспортировались лишь электромоторы завода «Вольта», да и те в основном в комплекте машин и оборудования, экспортируемого преимущественно другими предприятиями СССР.

Что же касается замедления технического прогресса, то, например, в машиностроении отчетливо наблюдалось падение доли новой продукции.

Происходило и моральное устаревание продукции, что проявлялось как в увеличении средней продолжительности ее выпуска, так и в недостаточном снятии с производства машин, оборудования, аппаратуры и измерительных приборов устаревшей конструкции (см. таблицу 8). Медленно шло внедрение новой техники: обычно в Эстонии на это требовалось 4–6 лет, а в случае экспортной продукции и больше. Крайне малую долю в выпускаемой продукции составляли принципиально новые изделия. Например, в 1981–1985 гг. (то есть в 10 пятилетке) продукция, основанная на изобретениях, составляла в машиностроительной и металлообрабатывающей промышленности Эстонии лишь 10,8% от внедренной. На мировом рынке могла считаться конкурентоспособной только такая продукция, новизна которой формально была обеспечена в мировом масштабе и которую можно было запатентовать.³⁵ В 1979–1982 гг. экспорт эстонской продукции сократился больше чем на пятую часть.

Таблица 8. «Возрастная» структура продукции машиностроительных предприятий Эстонии союзного подчинения в 1970–1989 гг. (%)³⁶

	Внедренная продукция	Продукция всего за последние 5 лет	6–10 лет назад	более 10 лет назад
1970	100	46,6	36,1	17,3
1975	100	49,6	34,9	15,5
1976	100	35,0	40,1	24,9
1977	100	29,5	44,0	26,5
1978	100	31,6	36,7	31,7
1979	100	35,1	32,7	32,2
1980	100	27,9	37,9	34,2
1985	100	51,4	25,3	23,3
1986	100	42,3	33,1	24,6
1987	100	48,9	27,3	23,8
1988	100	56,5	24,8	18,7
1989	100	54,6	22,5	22,9

Кажущийся положительный сдвиг во второй половине 1980-х годов, который сопровождался некоторым ростом экспорта машин и оборудования, во многом был результатом статистических манипуляций. С действительностью он имел мало общего, поскольку из продукции машиностроительной и металлообрабатывающей промышленности реально на экспорт шло в лучшем случае 3–4% (да и то преимущественно в так называемые страны соцлагеря). Тем не менее, в 1989 г. официальная статистика оценивала долю пригодной для экспорта продукции в 35,8%.³⁷

Уже в то время возник дефицит квалифицированной рабочей силы, который особенно болезненно проявился при выпуске экспортной продукции в машиностроительной и металлообрабатывающей промышленности, поскольку именно в этой отрасли экспортная продукция была более трудоемкой (по сравнению с аналогичной продукцией для внутреннего рынка).

О падении конкурентоспособности промышленности Эстонии свидетельствует и то, что в 1980-х гг. на внешнем рынке удалось реализовать всего 2–3% ее промышленной продукции (см. таблицу 9). Причем за свободно конвертируемую валюту – лишь 0,4–0,5%. Изолированность от мировой экономики и, как следствие – заниженные требования при производстве продукции для внутреннего советского рынка, а также абсолютная защищенность производства от возможной мировой конкуренции, привели к усугублению технологической и экономической отсталости производства, снижению производственной культуры и падению конкурентоспособности продукции на внешнем рынке. Во второй половине 1980-х гг. стоимость продукции, реализованной за свободно конвертируемую валюту, можно было оценить в 50–60 млн. долларов, что в перерасчете на душу населения было примерно в 100 раз меньше, чем валютная выручка финского экспорта.

Таблица 9. Удельный вес экспорта в реализации промышленной продукции Эстонии в 1970–1980 гг. (%)³⁸

1970	1975	1980	1981	1982	1983	1984	1985	1986	1987	1988	1989
5,0	3,4	2,4	2,1	1,9	1,9	2,0	2,2	2,6	2,9	2,7	2,3

Внешне успешно развивающееся сельское хозяйство не могло в 1980-х годах обойтись собственными ресурсами, чтобы прокормить Эстонию. Даже часть мяса и молока, произведенного для эстонского рынка, была произведена с помощью привозных кормов. Сельское хозяйство, развивавшееся в условиях абсолютной таможенной защищенности и ориентированное на огромный советский внутренний рынок, все меньше походило на настоящее сельское хозяйство. Скорее это было полупромышленное превращение ввозимого фуражного зерна (в 1987 и 1988 гг. его ввоз достигал 1,3 млн. тонн) в мясо и молоко, которые, в свою очередь, поставлялись в так называемые общесоюзные фонды.

9.2.6. ЗАМКНУТАЯ ЭКОНОМИКА

По своей сущности эстонская экономика была открытой лишь в отношении внутреннего рынка СССР. При этом Эстония действительно выделялась среди союзных республик наиболее интенсивными экономическими связями. В 1987 г. (по данным отчетных межотраслевых балансов производства и распределения продукции в народном хозяйстве) по объемам ввоза и вывоза на душу населения Эстония занимала одну из ведущих позиций среди союзных республик (соответственно, 2324 и 1883 рубля). Используемое в международных сравнениях соотношение общего объема вывоза и валовой внутренней продукции – (в 1987–1989 гг. – 49–50%, без учета вывоза услуг) – дает сверхвысокий показатель. В рассматриваемом 1987 году был вывезен 41% эстонской промышленной продукции, ввоз составил 45% продукции, потребленной в республике.

О замкнутости эстонской экономики, в том числе промышленности, говорит и то, что на большинстве предприятий, работавших на экспорт (то есть на вывоз из СССР), доля экспорта в лучшем случае составляла 3–5% от реализованной продукции. (В 1975–1988 гг. медиана, характеризующая средний удельный вес экспорта, составляла 1,8–2,7% валовой продукции эстонских промышленных предприятий, работавших на экспорт). Предприятий же, где доля экспорта составляла больше 10%, было всего лишь около десяти.

Вследствие автаркической экономической политики СССР, экономические связи Эстонии в последние пятьдесят лет были крайне односторонними. Самоизоляция от мировой экономики можно рассматривать как сознательное или подсознательное поведение, обусловленное инстинктом самосохранения советского режима. **Утрата собственной государственности означала для Эстонии продолжавшуюся почти полстолетия оторванность от мирового рынка.** Прежние связи с другими государствами мира должно было заменить «тесное братское сотрудничество с другими советскими республиками». Как при ввозе, так и при вывозе преобладали межреспубликанские связи (см. таблицу 10).

Таблица 10. Основные географические пропорции ввоза и вывоза продукции Эстонии в 1956–1987 гг. (%)³⁹

	1956	1961	1966	1972	1977	1982	1987
Вывоз:							
в другие союзные республики	97,6	92,7	89,0	91,4	92,9	94,6	92,7
в зарубежные страны	2,4	7,3	11,0	8,6	7,1	5,4	7,3

	1956	1961	1966	1972	1977	1982	1987
Ввоз:							
из других союзных республик	95,3	88,3	87,3	80,7	81,7	80,9	81,8
из зарубежных стран	4,7	11,7	12,7	19,3	18,3	19,1	18,2

Поскольку единая экономическая система Советского Союза по существу не признавала наличия союзных республик, то естественно не могло быть и межреспубликанских экономических связей. Это была скорее идеологическая фикция, поскольку их (республик) не существовало даже для открытой статистики. Подобную статистическую информацию, выражавшуюся в учетных денежных показателях и предусмотренную «для служебного пользования», собирали в 1960–1980 гг. для отчетных межотраслевых балансов производства и распределения продукции, составлявшихся раз в пять лет. Экономические связи между Эстонией и Латвией (или Украиной, Грузией...) отражали не связи между ними как республиками, а лишь арифметическую сумму поставок расположенных в Эстонии и Латвии (Украине, Грузии...) предприятий, во многом определенных Москвой (фондами и лимитами). Связи с внешним миром подменялись «торговлей» местных предприятий и организаций с воплощением государственной монополии внешнеэкономических связей – всесоюзными внешнеторговыми объединениями.

§ 2.7. ЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ ВВОЗА И ВЫВОЗА

Экономические связи союзных республик (из-за своей неопределенности) были одной из самых идеологически спекулятивных областей экономической жизни СССР. Нормальные товаропотоки между регионами вновь и вновь приходилось трактовать как «братскую взаимопомощь» (как правило, не опираясь на факты). В конце 1980-х гг. к этому добавились упреки Президента СССР Михаила Горбачева в том, что Эстония, якобы, «живет в долг». Вопрос об эквивалентности ввоза и вывоза обычно фигурировал и в работах представителей эстонского зарубежья, которые неизбежно оказывались столь же наивными и спекулятивными.⁴⁰ Эту «озадаченность» наиболее удачно обобщил Агу Крийза: «Высокий экспорт обычно явление положительное, поскольку это позволяет ввозить товары и продукцию, которые производить самим нет возможности. Однако выполнение определенных Москвой планов не приносит эстонскому народу никакой выгоды, поскольку, что и сколько может закупать Эстония, также определяется в Москве».⁴¹

Вследствие действовавшего в СССР директивного ценообразования, априори были исключены возможность и потребность оценки

эквивалентности ввоза и вывоза союзных республик. Как в других республиках, так и в Эстонии соотношение ввоза и вывоза было установлено производственной структурой, сформированной центральными властями в общесоюзных интересах. Административно установленные цены, как правило, не соответствовали действительной стоимости произведенного и потребленного продукта. К тому же сальдо ввоза и вывоза союзных республик искажало региональное статистическое перераспределение доходов СССР от внешней торговли (причем статистическая доля той или иной союзной республики от этих доходов не зависела ни от прямой, ни от косвенной эффективности ее собственного экспорта). Статистическая информация, собиравшаяся раз в пять лет, характеризовала лишь организованное государством движение товаров, расчеты же по платежным балансам не производились. Формально говорит о пресловутой «жизни в долг» и статистика соотношения произведенного и потребленного национального дохода, которая, однако, не имела к реальной экономике никакого отношения (см. таблицу 11). С другой стороны, Эдуард Поом, интерпретируя показатели потребленного национального дохода, утверждал, что, например, в 1970 г. центральные власти «...оставили в Эстонии только 32% произведенного здесь национального дохода, остальные 68% произведенного национального дохода... Кремль присвоил или вывел из Эстонии без какой бы то ни было компенсации». ⁴² (Заметим, что эти расчеты тоже не беспорны).

Таким образом, графа «Сальдо» таблицы 11 формально показывает перевес ввоза или вывоза ресурсов (товары, услуги и финансовые ресурсы) в данном году при административно установленных ценах. К этому следует добавить, что начавшийся с середины 1970-х гг. быстрый расчетный перевес ввоза был вызван также неблагоприятным для Эстонии развитием цен. Дело в том, что цены на ввозимую продукцию (прежде всего на сырье, энергию, промышленное оборудование и сельскохозяйственную технику) росли скорее, чем цены на продукцию вывозимую (это видно по изменению сальдо ввоза-вывоза в постоянных ценах 1973 г.).⁴⁴

Таблица 11. Произведенный и потребляемый национальный доход в 1956–1989 гг. (в ценах соответствующего года, млн. руб.)⁴³

	Произведенный национальный доход	Потребляемый национальный доход	Сальдо
1956	743,4
1957	804,4
1958	900,2
1959	942,9
1960	984,8
1961	1070,3	1138,2	-67,9

1962	1141,4
1963	1212,7
1964	1318,8
1965	1488,1	1384,8	+103,3
1966	1554,5	1489,0	+65,5
1967	1719,0	1715,3	+3,7
1968	1845,6	1843,2	+2,4
1969	2009,7	1962,8	+46,9
1970	2164,8	2184,0	-19,2
1971	2278,7	2288,9	-10,2
1972	2265,8	2331,6	-65,8
1973	2366,4	2504,8	-138,4
1974	2544,1	2524,9	+19,2
1975	2617,9	2623,7	-5,8
1976	2791,7	2688,5	+103,2
1977	2889,4	2866,6	+22,8
1978	2954,2	2943,1	+11,1
1979	3056,3	3226,2	-169,9
1980	3222,0	3358,6	-136,6
1981	3333,5	3498,7	-165,2
1982	3398,1	3586,6	-188,5
1983	3678,6	3825,2	-146,6
1984	3761,4	3985,7	-224,3
1985	3605,1	4084,0	-478,9
1986	3867,5	4297,0	-429,5
1987	4067,4	4333,3	-265,9
1988	4061,8	4624,7	-562,9
1989	4386,1	4959,6	-573,5

В контексте ценовой политики производственная структура Эстонии становилась все менее эффективной. Эти изменения можно было бы измерить соотношением индекса цен произведенного и потребляемого национального дохода (исходя из логики используемого в международной торговле соотношения индекса цен экспортных и импортных товаров *terms of trade*), который в 1971–1988 гг. составлял 0,844. Хотя это соотношение могло бы свидетельствовать о слабой приспособляемости эстонской промышленности в условиях изменившихся цен, это ни в коей мере нельзя вменять в вину Эстонии, так как для единой экономической системы СССР союзные республики были всего лишь абстракцией, а сбалансированные, т.е. рыночные цены неизвестны.

Согласно этой логике следовало бы рассматривать и попытки оценить перечисление дохода, полученного на территории Эстонии, через бюджетную систему в государственный бюджет СССР, а также средства, «выделенные» ЭССР из государственного бюджета СССР, или

перечисления в государственный бюджет Эстонской ССР. Например, согласно расчетам Арно Сузи, из полученного в Эстонии налога с оборота в государственный бюджет СССР было направлено 8,2 млрд. рублей; из собранного с населения подоходного налога – 1,9 млрд. рублей; из платежей предприятий в счет прибыли – 3,9 млрд. рублей. К этому добавлялись налог за бездетность и сельскохозяйственный налог, а также разница между закупочными ценами и ценами реализации мясомолочной продукции и картофеля, поставляемые в так называемые общесоюзные фонды. С другой стороны, по оценкам Арно Сузи, Эстония в эти годы получила из бюджета СССР для выплаты пенсий 3,4 млрд. рублей и в качестве нетто-поступлений капиталовложений – 3,9 млрд. рублей.⁴⁵

Задним числом подобные расчеты можно рассматривать как эмоциональные оценки периода восстановления независимости. Их адекватная интерпретация сегодня более чем сомнительна, к тому же в разные периоды рубль, даже с учетом промежуточных деноминаций, имел разную покупательную способность.

9.3. КАКОВ БЫЛ УРОВЕНЬ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ЭССР?

Трудно (если вообще возможно) дать точную количественную оценку ущерба, нанесенного советскими методами хозяйствования, и ущерба, причиненного в результате экономической колонизации. Как экономика Советского Союза в целом, так и экономика Эстонской ССР была, по сути, экономикой сюрреалистической. Для нее, с одной стороны, были характерны чрезвычайно высокие производственные показатели (и потенциально высокие места в мировом рейтинге), а с другой стороны, – всеобщий и постоянно усугубляющийся дефицит всех ресурсов и потребительских товаров. Так, например, в 1988 г. в Эстонии на душу населения было произведено: 11 188 кВт.ч электроэнергии (в Финляндии, Швеции и Федеративной Республике Германии, соответственно, 10 846, 20 104 и 7101 кВт.ч); мяса – 145 кг (73, 67 и 96 кг); молока – 818 кг (556, 406 и 405 кг); масла – 20,7 кг (11,0, 8,1 и 6,9 кг); цемента – 762 кг; минеральных удобрений – 156 кг; хлопчатобумажных тканей – 122 м².⁴⁶

Это было производство ради производства, опиравшееся, прежде всего, на государственное директивное планирование (достоверность статистики здесь также спорна), к тому же произведенная продукция могла найти спрос лишь на необъятном и нетребовательном замкнутом внутреннем рынке СССР. На мировом рынке эта продукция не была конкурентоспособной, то есть не могла быть продана за свободно конвертируемую валюту. Неконкурентоспособность экономики ЭССР на мировом, а затем и на внутреннем рынке, стала окончательно очевидной после краха советской экономической системы и восстановления независимости Эстонии.

С еще большей долей условности следует относиться и ко всевозможным выводам по ценовой политике, поскольку в их основе лежат

административно установленные, то есть искусственно зафиксированные цены (причем преимущественно по обрабатывающей промышленности). Используемый в международных исследованиях показатель валового национального продукта (GNP) введен в СССР лишь в конце 1980-х годов. Но выраженный в рублях и ценах внутреннего рынка, он также лишен информации, поскольку для подобных расчетов рубль и доллар не имели единой акцептируемой связи, то есть действительной рыночной стоимости (до начала 1990-х гг. рыночный курс рубля невозможно было определить и по ценам черного рынка). Стоило в СССР в 1987 г. начать измерять экспортную выручку исходя из действительной валютной стоимости экспортированной продукции, выраженной в рублях внутреннего рынка, с помощью так называемых дифференцированных валютных коэффициентов, как количество подобных дифференцированных коэффициентов (в сущности валютных курсов, базирующихся на изделиях) по отраслям, предприятиям и группам товаров стало кумулятивно возрастать и, согласно некоторым источникам, достигло к концу 1987 г. примерно трех тысяч, причем их стоимость колебалась в пределах 0,2–6,6.⁴⁷

В 1989 г. валовой продукт народного хозяйства Эстонии достиг бы 4030 рублей на душу населения⁴⁸ по официальному курсу конца года – эквивалентно примерно 6400 долл., а по введенному к тому времени так называемому туристическому курсу – 640 долларам. В первом случае Эстония потенциально находилась бы в мировом рейтинге между 35 и 40 местом, в другом – между 110–120 местом (на первом валютном аукционе в СССР 3 ноября 1989 г. доллар стоил в среднем 24,3 рубля).

Дать адекватную сравнительную оценку валовому национальному продукту Эстонии (GNP) или валовому внутреннему продукту (GDP) и тем самым – действительному уровню развития эстонской советской экономики почти невозможно, о чем наиболее наглядно свидетельствуют практически полярные оценки. При этом переоценки происходили как со стороны СССР, так и со стороны Запада. Образцом советской идеологической эйфории могут служить слова бывшего работника Госплана ЭССР Бруно Тамре, обращенные к зарубежным эстонцам: «... по национальному доходу на душу населения Эстония может считать себя в первой десятке мирового рейтинга, опережая такие высокоразвитые промышленные страны как Англия, Норвегия и Финляндия».⁴⁹ К аналогичным выводам относительно Латвии (стараясь доказать, что стремление Балтийских государств к независимости обречено на провал) пришел и А. Федотов. По его словам, национальный доход на душу населения в Латвии (следовательно, и в Эстонии) составил в сопоставимых ценах более 70% соответствующего показателя для США.⁵⁰

Аналогичные ошибки допускали и западные эксперты, поскольку еще в 1991 г. газета *European and Business* оценивала валовой национальный продукт Эстонии на душу населения в 8 340 долларов.⁵¹ По этому показателю Эстония равнялась Австрии, Венгрии же превосходила в 3,4 раза, а Польшу – в 4,5 раз. По оценке *PlanEcon Report*, пользовавшейся дан-

ными ЦРУ, валовый национальный продукт Эстонии на душу населения по паритету покупательной способности составлял в 1989 г. 6240 долл., причем средний показатель по СССР составлял бы 5000 долл.⁵² Это утверждалось в то время, когда в Эстонии царил тотальный дефицит, а конкурентоспособность обрабатывающей промышленности на мировом рынке была невероятно низкой. При оценке экономики Эстонии и всего тогдашнего СССР ошибались ничуть не меньше, чем давая оценку экономике ГДР при воссоединения Германии. В действительности же, валовый национальный продукт Эстонии на душу населения в конце 1980-х гг. можно оценить в 2200–2300 долл., что позволило бы сопоставить Эстонию с Венгрией (в 1988 и 1989 гг., соответственно, 2450 и 2560 долл.).⁵³ Такую оценку подтверждает предложенный Международным валютным фондом и Всемирным банком соответствующий показатель 1989 г. для СССР, равный 1780 долларам.⁵⁴

9. 4. ЦЕНА ПЯТИ ДЕСЯТИЛЕТИЙ

В итоге следует признать, что ущерб, причиненный народному хозяйству Эстонии за 1940–1990 гг., невозможно, да и не правомерно оценивать лишь по былой стоимости некогда национализированного, коллективизированного, реквизируемого, вывезенного или уничтоженного имущества, а также рассматривая внутрисоюзные денежно-товарные потоки (ни в рублях, ни в рейхсмарках, ни в долларах). В первую очередь, **это потери, которые проявляются в значительном сегодняшнем отставании эстонской экономики**, хотя бы по сравнению с Северными странами. Их характеризует и глубокий перестроечный кризис начала 1990-х гг. (значительное сокращение объемов производства, гиперинфляция, доминирование раннекапиталистических ценностей и др.) Относительно последних, было бы неправильно искать причины в ошибках руководства и каких-то неверных решениях, якобы совершенных при переводе экономики Эстонии на рыночные рельсы. Для сравнения приведенных выше показателей валового внутреннего продукта Эстонии на душу населения, приведем данные Всемирного банка за 1989 г. по Финляндии, Швеции и Дании – соответственно, 22 060, 21 710 и 20 510 долларов (см. также таблицу 12).

Исходя из этих различий, можно выдвинуть гипотетический вопрос: **«Что потеряла Эстония оттого, что она не имела возможности развиваться в таких же политических и экономических условиях, что и Финляндия, которая для среднего эстонца была синонимом успешно развивающегося государства?»** На основании приведенных цифр можно приблизительно оценить экономический ущерб – недополученный как в прошлом, так и в ближайшем будущем доход, что произошло по причине полувекового нахождения Эстонии в составе Советского Союза. Для сравнения выбрана Финляндия, так как по своему довоенному уровню развития обе страны были примерно равны и имели сходные условия как

природного, так и общественного развития, а также обусловленные национальной культурой сходные приоритетные ценности. Количественным мерилom, таким образом, становится стоимость недополученного валового национального либо валового внутреннего продукта.

Таблица 12. ВВП на душу населения некоторых стран Балтийского региона в 1993–1998 гг. (в долларах)⁵⁵

	1993	1994	1995	1996	1997	1998
В фактических ценах (по методике Всемирного банка):						
Эстония	2 720	2 820	2 860	3 080	3 360	3 360
Латвия	2 310	2 290	2 270	2 300	2 430	2 420
Литва	1 340	1 350	1 900	2 280	2 260	2 540
Финляндия	19 400	18 850	20 580	23 240	4 790	2 24 280
Швеция	24 740	23 630	23 750	25 710	26 210	25 580
Дания	26 580	28 110	29 890	32 100	34 890	33 040
С учетом паритета покупательной способности:						
Эстония	6 860	...	4 220	4 660	5 090	7 563
Латвия	5 170	5 170	3 370	3 650	3 970	5 777
Литва	3 160	3 240	4 120	4 390	4 140	6 283
Финляндия	15 230	16 390	17 760	18 260	19 660	20 641
Швеция	17 560	17 850	18 540	18 770	19 010	19 848
Дания	18 940	20 800	21 230	22 120	23 450	23 855

Поскольку по Эстонии необходимые статистические данные отсутствуют, то при расчетах приходится прибегать к различным упрощениям и допущениям. Так, автор настоящего обзора в одной из работ времен осуществления проекта хозрасчетной Эстонии (ИМЕ),⁵⁶ рассматривающей 1969–1987 гг., условно приравнял уровень развития Эстонии и Финляндии в 1968 г. (то есть в отношении обеих стран в качестве отправной точки использовано логичное предположение, что ВНП на душу населения и в Финляндии и в Эстонии составил в 1968 г. в текущих ценах 1720 долларов) и упрощенно допустил, что ВНП Эстонии на душу населения в период с 1969 по 1987 г. равномерно возрастал. При этом ВНП Эстонии на душу населения оценивался в 1987 г. в 3700 рублей, а для его перевода в доллары применялись различные курсы. Наиболее достоверный вариант приравнивал Эстонию по ВНП на душу населения к Венгрии (2240 долларов). В таком случае расчетный валютный курс в 1987 г. составил бы $1 = 1,65$ рубля, причем валютные курсы промежуточных лет устанавливались путем интерполяции, исходя из установленного в 1961 г. официального курса 1 доллар = 0,90 рубля. Поскольку ВНП Финляндии на душу населения возрос к 1987 г. до 14 370 долларов, то исходя из этих предпосылок, недополученный Эстонией ВНП в 1969–1987 гг. составил бы 153(±?) миллиардов долларов, или 73% гипотетически возможного

валового национального продукта, если бы развитие шло в «финских» условиях. Значение этой цифры показывает и то, что ВВП Эстонии превысил 4 миллиарда долларов лишь в 1996 году. Добавьте к этому ущерб, связанный с загрязнением окружающей среды, убытки, вызванные неэффективным использованием природных ресурсов, которые требуют возмещения, не говоря уже об ущербе, вызванном искаженным представлением людей о ценностных приоритетах.

Это всего лишь один пример относительно короткого периода времени, к тому же гипотетический. Пределы его статистической достоверности поддаются оценке, но пример, как и сама модель, имеет всего лишь «теоретическое» значение. Вопрос, прежде всего, в том, какие предпосылки использовались в данной модели в качестве исходных. Выбор последних неизбежно оказывается произвольным и субъективным. Если учесть, что по оценкам Eurostat'a ВВП Эстонии на душу населения составил в 2004 г., с учетом паритета покупательной способности, 50,5% от среднего для 25 стран Европейского Союза (в текущих ценах, выражающих международную покупательную способность, и то только наполовину), то общий ущерб Эстонии от недополученного дохода продолжает возрастать. По ВВП на душу населения Эстония отстает и от самых слабо развитых стран Евросоюза, таких как Португалия и Греция (соответственно, 73,4% и 81,2%). Отметим, что в то же время Финляндия превосходит средний уровень ЕС на 15%.

Если бы ход истории был иным, и Эстония могла бы развиваться в сходных с Финляндией политических и экономических условиях и, благодаря этому, предположительно достигла бы сегодняшнего уровня развития Финляндии (в расчете стоимости ВВП на душу населения), стоимость ВВП Эстонии в 2004 году в текущих ценах достигла бы 38,6 млрд. евро. В действительности ВВП Эстонии составил всего лишь шестую часть возможного, или 9,0 млрд. евро. ВВП Эстонии и Финляндии на душу населения составил в 2004 г., соответственно, 6705 и 28 443 евро.

Долговременный ущерб, причиненный экономике Эстонии, оценен также Юло Эннусте в таком же сопоставлении с неповрежденным или менее поврежденным объектом, то есть с соседними странами с рыночной экономикой.⁵⁷

Для характеристики развития народного хозяйства Эстонии после восстановления независимости, помимо таблицы 12, приведены также сравнительные оценки The Economist Intelligence Unit Ltd. (1998 г.) валового внутреннего продукта, учитывающие паритет покупательной способности на душу населения относительно бывших республик СССР (см. таблицу 13). Согласно этим данным, среди бывших республик СССР Эстония была единственной, которой удалось после кризиса перестройки (ее пик в Эстонии был в 1993 г.) превзойти уровень 1989 года.

Таблица 13. ВВП бывших союзных республик на душу населения в 1989–1997 гг. (с учетом паритета покупательной способности, в долларах)⁵⁸

	1989	1990	1991	1993	1995	1997
Эстония	4914	4691	4375	3803	4174	5118
Латвия	5094	5469	5114	3070	3313	3847
Литва	5505	5412	5278	3681	3612	4148
Беларусь	4832	4878	5004	4228	3507	4131
Украина	3314	3446	3579	3227	2312	2129
Молдова	3664	3723	3193	2362	1681	1637
Грузия	4296	3919	3256	1407	1009	1303
Армения	5058	4804	4467	1853	2122	2389
Азербайджан	3074	2804	2879	1476	986	900
Казахстан	4342	4477	4302	3316	2421	2587
Узбекистан	2215	2312	2341	2048	1952	1998
Кыргызстан	2553	2706	2523	1863	1336	1529
Туркменистан	2797	2903	2806	2195	1513	1107
Таджикистан	1917	1920	1769	915	693	680

Сведения о дальнейшем изучении экономического ущерба можно получить в Музее оккупации

- ¹ Laar, Mart, 2000, 869–875.
- ² Источники: *Monthly Review of the Estonian Institute of Economic Research*, 1939–1940; Эстонский государственный архив, ф. 1831, н. 1, стр. 4523 (сентябрь 1939–ноябрь 1940).
- ³ Kõll, G. J. K., 1956; Nurk, 1956 ja 1959; Nõu, 1956.
- ⁴ Nurk, 1956, 127.
- ⁵ История Эстонской ССР. Таллин, 1974, Т. 3, стр. 661.
- ⁷ *Eesti rahva kannatuste aasta*. 1995, 832–834; См. также: Nõu, 1956.
- ⁸ Народное хозяйство СССР в 1958 году. М., 1959, стр. 627, 631.
- ⁹ Veimer, Arnold, 1949, s. 51–52.
- ¹⁰ О газификации Ленинграда. Л., 1945, стр. 37.
- ¹¹ История Эстонской ССР. Таллин, 1974, Т. 3.
- ¹³ О газификации Ленинграда. Л., 1945.
- ¹⁴ Источники: Brandt, 1957, 83; Veimer ja Korrovits, 1952, 83.
- ¹⁵ Кузнецов, 1956, стр. 63.
- ¹⁶ Там же, стр. 63.
- ¹⁷ Источники: «Статистический ежегодник 1994», Таллинн, 1994, стр.49, 75–76 (расчеты автора).
- ¹⁸ «Нарвский рабочий», 25. 04. 1950.
- ¹⁹ См. Vseviou, 2001, Maremäe, 2000 и 2003.
- ²⁰ Народное хозяйство Эстонской ССР. Таллин, 1957, стр. 68.
- ²¹ Там же, стр. 32.
- ²² Источники: Народное хозяйство Эстонской ССР (соответствующие годы); «Статистический ежегодник 1991», Таллинн, 1991, стр. 60; «Statistisches Jahrbuch für das Ausland 1992». 1992, стр. 21, 237–238.
- ²³ Nõukogude Eesti saavutusi 20 aasta jooksul. 1960, 41–43.
- ²⁴ Tõnurist, Edgar, 1967, 20–21.
- ²⁵ Там же, стр. 20.
- ²⁶ Шустиков, 1955, стр. 14; Брандт, 1956, стр. 34.
- ²⁷ Misiunas, Romualdas J.; Taagepera, Rein. *The Baltic States. Years of Dependence 1940–1980*. Berkeley, Los Angeles, 1983, p. 107.
- ²⁸ Purre, Arnold, 1965, 155.
- ²⁹ Источники: Народное хозяйство Эстонской ССР за 1958 год. Таллин, 1959, стр. 82–84.
- ³⁰ Veimer, Arnold, 1958, 92–93.
- ³¹ Veimer, Arnold, 1961.
- ³² Purre, Arnold, 1965, 112.
- ³³ Renter, Raul, 1991, 19.
- ³⁴ Источники: Народное хозяйство Эстонской ССР (1968–1988).
- ³⁵ Kukk, Kalev, 1985, 11–13.
- ³⁶ Источники: Kukk, Kalev, 1985, 12; Народное хозяйство Эстонской ССР (соответствующие годы).
- ³⁷ «Статистический ежегодник Эстонии 1990». 1991, стр. 188.
- ³⁸ Источники: исследования автора (рукопись) в Институте Экономики Эстонской АН.
- ³⁹ Источники: Kukk, Kalev, 2001, 166.
- ⁴⁰ См., например: Poom, Eduard, 1980.
- ⁴¹ Kriisa, Agu, 1984, 61.
- ⁴² Poom, Eduard, 1985, 16.

- ⁴³ Источники: *Баланс народного хозяйства Эстонской ССР (1956–1970)*. 1975, стр. 33; *Народное хозяйство Эстонской ССР (соответствующие годы)*.
- ⁴⁴ Kukk, Kalev, 1987, 44–49.
- ⁴⁵ Susi, Arno, 1990, 48.
- ⁴⁶ «Статистический ежегодник Эстонии 1990». 1991, стр. 413–418.
- ⁴⁷ Новый механизм внеэкономической деятельности и международного сотрудничества. М., 1988, стр. 103.
- ⁴⁸ «Статистический ежегодник Эстонии 1991». 1991, стр. 4, 50.
- ⁴⁹ Tamre, Bruno, 1980, 25–26.
- ⁵⁰ Федотов, 1988, стр. 132.
- ⁵¹ *European and Business*, 25.–27. 10. 1991.
- ⁵² *PlanEcon Report*, 1990, 52, 6.
- ⁵³ *World Bank Atlas 1990*, 1990, 7.
- ⁵⁴ *The Economy of the USSR*, 1990, 51.
- ⁵⁵ Источники: *World Bank Atlas (1996–2000)*.
- ⁵⁶ Kukk, Kalev, 1990.
- ⁵⁷ Ennuste, Ülo, 1993, 1–4.
- ⁵⁸ Источники: *The Economist Intelligence Unit Ltd.* 1998, 25–27.

Использованная литература

- Баланс народного хозяйства Эстонской ССР*. Статистический сборник. Таллин, 1975.
- Брандт, Эдуард. *Значение помощи братских народов эстонским трудящимся в деле построения социализма*. – В кн.: *Об истории народного хозяйства Прибалтики*. Таллин, 1956.
- Брандт, Эдуард. *Создание экономического базиса социализма в Эстонской ССР*. Таллин, 1957.
- История Эстонской ССР*. Т. 3. Таллин, 1974.
- Народное хозяйство Эстонской ССР*. Статистический сборник. Таллин, 1957.
- Народное хозяйство Эстонской ССР (1968–1988 гг.)* Статистический ежегодник. Таллин.
- Eesti põukogude entsüklopeedia*, 2 kd. Tallinn, 1987.
- Eesti rahva kannatuste aasta. Koguteos. 1,2*. Tallinn, 1943.
- Статистический ежегодник 1991*. Таллин, 1991.
- Статистический ежегодник 1994*. Таллин, 1994.
- Monthly Review of the Estonian Statiste of Economic Research (1939–1940)*. Tallinn.
- Eesti tööstus 1989*. Statistika kogumik. Tallinn, 1990.
- Ennuste, Ülo. *An out/line for estimating long-term economic damage by means of analogy*. – Proc. Estonian Academy of Sciences. Humanities and Social Sciences. N 1. Tallinn, 1993.
- ERA, f. 1831, n. 1,5.4523.
- Estonia and Finland – A Retrospective Socioeconomic Comparison*. Helsinki, 1993.
- European and Business*, 25–27. 10. 1991.
- Федотов, А. *Буржуазные модели развития Советской Прибалтики*. – Вопросы экономики, 3. Москва, 1988.

- Kriisa, Agu. *Okupeeritud Eesti – nii nagu taon*. Stockholm, 1984.
- Kukk, Kalev. *Eksportiprobleeme Eesti NSV masina-ja metallitööstuses*. Tallinn, 1985.
- Кукк, Калев. *Межреспубликанские экономические связи Эстонской ССР: Тенденции развития и современное положение*. Таллин, 1987.
- Kukk, Kalev. *Saamatajäänud miljardid*. – Eesti Ekspress, 23. февраля 1990. Kukk, Kalev. *Muutustest Eesti geookonoomilises asendis 20. sajandil (empiiriline käsitlus välismajandussidemete geograafilise jaotumuse alusel)*. – Eesti Geograafia Seltsi aastaraamat, 33. Tallinn, 2001.
- Кузнецов Д. Т. *Место и роль сланцевой промышленности в Экономике Эстонской ССР*. – В кн.: Об истории народного хозяйства Прибалтики. Таллин, 1956.
- Köll, G. J. K. *Eesti panganduse ja rahanduse likvideerimine*. – Eesti riik ja rahvas II maailmasõjas, III. Stockholm, 1956.
- Laar, Mart. *Eesti ja kommunism*. – Kommunismi must raamat. Kuriteod, terror, repressioonid. Tallinn, 2000.
- Maremäe, Ello-Ragne. *Sillamäe uraanitehase asutamine ja tööaastatel 1946–1952 – Akadeemia*, 2000, 12.
- Maremäe, Ello-Ragne. *Uranium Production Research at Sillamäe, Estonia, in 1946–1989*. – Historical Survey of Nuclear Non-Proliferation in Estonia, 1946–1995. Tallinn, 2003.
- Misiunas, Romualdas J.; Taagepera, Rein. *The Baltic States. Years of Dependence 1940–1980*. Berkeley, Los Angeles, 1983.
- Народное хозяйство Эстонской ССР за 1958 год*. ЦСУ СССР, Статистическое управление Эстонской ССР (рукопись). Таллин, 1959. Народное хозяйство в ... году (соответствующие годы). Статистический ежегодник. Москва.
- Нарвский рабочий*, 25. 04. 1950.
- Новый механизм внеэкономической деятельности и международного сотрудничества*. Москва, 1988.
- Nurk, Harald. *Eesti majandus punasel aastal*. – Eesti riik ja rahvas II maailmasõjas, III Stockholm, 1956.
- Nurk, Harald. *Eesti majandus saksa okupatsiooniajal*. – Eesti riik ja rahvas II maailmasõjas, VIII Stockholm, 1959.
- Nõu, J. *Hoop Eesti põllumajandusele*. – Eesti riik ja rahvas II maailmasõjas, III Stockholm, 1956.
- Nõukogude Eesti saavutusi 20 aasta jooksul*. Статистический сборник. Tallinn, 1960.
- О газификации Ленинграда, 1945*. Материалы IX сессии Ленинградского городского совета депутатов трудящихся. 18–19 июля 1945 г. Л., 1945.
- PlanEcon Report*, 1990, No. 52. Washington.
- Poom, Eduard. *Nationaleinkommen und Besteuerung in Sowjet-Estland*. – Annales Societates Litterarum Estoniae in Svecia, VIII. 1977–1979. Stockholm, 1980.
- Poom, Eduard. *Kommentaare Kremli koloniaalinfole*. – Periskoop, 1985, 1–3 (10–12). Stockholm.
- Purre, Arnold. *Eesti saatusaastad 1945–1960*, 111. Stockholm, 1965.
- Renter, Raul. *Tingliku isetegutsemise aastad Eesti tööstuses sotsialismitingimustes*. – EMI Teataja, 1991, 1.

- Sinilind, Sirje. *Mõningatest rahvuspoliitika aspektidest. Visand nõukogude rahvuspoliitika kriitikaks Eestis 1940–1983*. Stockholm, 1983.
- Statistisches Jahrbuch für das Ausland 1992*. Wiesbaden, 1992.
- Сузи, Арно. *Во что нам обошлась оккупация?* – Радуга, 1990, 10. Шустиков, Н. И. Эстонская ССР. Москва, 1955.
- Tamre, Bruno. *Nõukogude Eesti üleliidulises majandussüsteemis*. – Taas emakeele lähteil. Väliseestlaste teine kultuuriseminar Tallinnas, Lahemaal ja Tartus juunis 1979. Tallinn, 1980.
- The Economist Intelligence Unit Ltd*. London, 1998.
- The Economy of the USSR*. A study undertaken in response to a request by the Houston Summit. Summary and recommendations. IMF, IBRD, OECD, EBRD, 1990.
- Tõnurist, Edgar. *Eesti NSV põllumajanduse sotsialistlik rekonstrueerimine*. Tallinn, 1967.
- Veimer, Arnold. *Eesti tööstus tõusuteel*. Tallinn, 1949.
- Veimer, Arnold. *Eesti NSV sotsialistlik industrialiseerimine*. Tallinn, 1958.
- Веймер, Арнольд. *Комплексное развитие и специализация Эстонского экономического административного района*. Таллин, 1961.
- Веймер, А., Корровиц, Ф. *Итоги выполнения пятилетнего плана развития промышленности Эстонской ССР за 1946–1950 годы*. Таллин, 1952. (Рукопись в Институте экономик Эстонской АН)
- Vsevirov, David. *Nõukogudeaegne Narva elanikkonna kujunemine 1944–1970*. ORURK, 15. Tartu, 2001.
- World Bank Atlas...* (1990–2000). Washington, 1990–2000.
- World War II and Soviet Occupation in Estonia: – A Damages Report*. Tallinn, 1991.

Состав Государственной комиссии по расследованию репрессивной политики оккупационных сил (ГКРРПОС), действовавшей в 1993–2004 гг. при парламенте Эстонской Республики

Велло Сало (председатель комиссии с 1996 г.)
Юло Эннусте
Кайдо Яансон
Яак Кангиласки
Вирве Касък
Юри Кивимяэ
Яан Кросс (председатель комиссии в 1993–1996 гг.)
Кальо Кяги
Яан Лаас
Андо Лепс
Херберт Линдмяэ
Уно Лыхмус
Хейно Ноор
Эгон Оя
Ааду Олль (член комиссии в 1993–2003 гг.)
Эраст Пармасто
Юхан Пеэгель
Лео Покк
Тезт Раясалу
Энн Сарв
Энн Тарвель
Роберт Тассо
Рейн Тейнберг (член комиссии в 1993–1995 гг.)
Ханс Вольдемар Трасс
Пеэтер Тульвисте
Ханнес Вальтер
Анна-Мирьям Кабер (секретарь комиссии)
Пеэп Варью (исполнительный председатель комиссии)

